

Э. Цибартъ.

14-56

Культурная жизнь ревне-греческихъ городовъ.

Съ иллюстраціями въ текстъ.

Переводъ А. И. Певзнера,
подъ редакціей А. Н. Куна.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „КОСМОСЪ“.
МОСКВА.

Во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія
книгоиздательства „КОСМОСЪ“.

Книги по ПСИХОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ и друг.:

Эрнстъ Мейманъ.

Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣннн и запоминаннн.
Переводъ приватъ-доцента Московскаго Университета Н. Самсонова. Ц. 2 р. 50 коп.

А. Бинэ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИДЕИ О ДѢТЯХЪ.

Пер. подь ред. пр.-доц. Г. Г. Шпетта.
Ц. 1 р. 50 к.

Филиппъ и Бонкуръ.

ВОСПИТАНІЕ НЕНОРМАЛЬНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Пер. подь ред. пр.-доц. З. Е. Игнатъева.
Ц. 1 р. 25 к.

Ю. И. Айхенвальдъ.

ПИСЬМА ЧЕХОВА.

Цѣна 35 коп.

В. Вундтъ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

Переводъ прив.-доц. Н. Самсонова.
Цѣна 60 коп., на лучшей бумагѣ—1 руб.

В. Вундтъ.

Проблемы психологнн народовъ.

Перев. прив.-доц. Н. Самсонова. Ц. 1 руб.

Конъ-Винеръ.

Исторія стилей изящныхъ искусствъ.

2-ое исправленное и дополненное изданіе.
Перев. подь ред. Н. С. Сергѣева. Ц. 2 р. 75 к.

А. Дирофъ.

ПСИХОЛОГІЯ ВЪ ОБЩЕДОСТУПНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ.

Перев. подь ред. Н. Самсонова. Ц. 1 р. 10 к.

Энриквесь.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ.

Перев. подь ред. пр.-доц. А. І. Бачинскаго и Г. Г. Шпетта. Цѣна 1 руб. 75 коп.

У. Джемсъ.

ВСЕЛЕННАЯ СЪ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Переводъ подь редакціей пр.-доц. Г. Г. Шпетта. Цѣна 2 руб.

Проф. Мейманъ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ СОВРЕМЕННУЮ ЭСТЕТИКУ.

Переводъ подь редакціей Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 90 коп.

Проф. фонъ-Соденъ.

ПАЛЕСТИНА И ЕЯ ИСТОРИЯ.

Цѣна 75 коп.

Е. Ланге.

Проф. Маг

ОСНОВНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

Переводъ съ 4-го англійскаго изданія подь

..... **КНИГИ ПО ЕС**

Ж. Клодъ,

Электричество и его практическое пр

Перев. Т. П. Кравецъ, подь редакціей

В. Ос

ВВЕДЕНІЕ ВЪ И

Руковод. для школы и самообразованія, пер

Фр. Содди.

РАДІЙ. 11 ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ ЛЕКЦІЙ.

Переводъ Н. А. Шилова. Цѣна 1 р. 25 к

Э. К

ПОЛОВОЙ ПРОЦЕССЪ И

Переводъ подь редакціей прив.-доц.

7 1713

9 (11) 03
13-56

ИЗ КНИГ
С.Н. Григорова

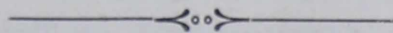
992.6
13-56

Э. Цибартъ.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

Переводъ А. И. Певзнера,
подъ редакціей А. Н. Куна.

ПРОВЕРКА

МОСКВА.

Книгоиздательство „КОСМОСЪ“

1916.

БИБЛИОТЕКА

I. Введеніе. Архивы древняго міра.

Давно миновало то время, когда историческая наука видѣла единственную свою задачу въ томъ, чтобы изслѣдовать и изложить богатую превратностями политическую исторію того или другого народа. Теперь мы требуемъ отъ нея большаго: она должна изобразить намъ народъ,—безразлично, ближе ли онъ къ намъ или дальше отъ насъ во времени,—во всѣхъ условіяхъ его жизни, не только жителей данной страны, но и самую страну, ея климатъ, ея произведенія природы,—все, что имѣетъ существенное значеніе для развитія народа.

Мы и предполагаемъ здѣсь набросать обнимающія всѣ стороны греческой жизни картины, почерпнувъ ихъ изъ документальныхъ источниковъ и вещественныхъ памятниковъ, которыхъ у насъ становится съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Но прежде, чѣмъ мы начнемъ рисовать эти картины, необходимо дать понятіе о самыхъ источникахъ.

Современный историкъ, который пожелаетъ изобразить какой-нибудь періодъ новѣйшей исторіи, долженъ провести дни, недѣли и мѣсяцы въ архивахъ своей страны и другихъ странъ, чтобы кропотливой работой надъ актами заложить основанный на документахъ фундаментъ, на которомъ онъ могъ бы воздвигнуть свое зданіе. Существовали ли такіе архивы въ древности? Отвѣтъ мы имѣемъ уже въ самомъ названіи. Архивъ—это архейонъ, камера или присутственное мѣсто должностныхъ лицъ, большей частью правящихъ лицъ государства или города. Къ канцеляріи примыкали комнаты, въ которыхъ хранились черновики документовъ, протоколы народныхъ собраній. Ибо ни у

одного народа не появилось такъ рано, какъ у грековъ, ясное пониманіе сущности и значенія актовъ и документовъ, и нигдѣ не было въ древности такихъ огромныхъ грудъ актовъ, какъ въ Египтѣ эпохи Птолемеевъ: по бюрократизму и канцелярщинѣ чиновничьяго міра онъ не уступалъ ни одному изъ современныхъ намъ государствъ. Больше того—въ одномъ отношеніи египтяне даже превосходили современное государство: груды актовъ не сжигались черезъ опредѣленное время, какъ теперь, напримѣръ, судебныя дѣла, но спустя 50—75 лѣтъ выбрасывались въ большія кучи мусора, которыя въ концѣ концовъ вырастали въ небольшія горы. Такъ, въ Египтѣ и понынѣ еще можно буквально рыться въ актахъ, и изученіе ихъ дало возможность твердо установить, къ архиву какой канцеляріи и къ какой эпохѣ они относятся. Тамъ даже находятъ не разъ подвергавшіеся исправленіямъ черновики какого-нибудь низшаго чиновника, который долженъ былъ составить для своего начальника проектъ отвѣта на официальную бумагу: бережливый чиновникъ часто на оборотѣ велъ записи своихъ домашнихъ расходовъ. Мы не собираемся представить здѣсь на основаніи этихъ актовъ весь сложный аппаратъ греко-египетскаго бюрократизма, но необходимо отмѣтить одинъ фактъ, являющійся превосходнымъ показателемъ высокой степени культуры египтянъ и грековъ. У египтянъ уже существовала поземельная книга. Еще въ глубокой древности у нихъ были кадастры, сельскія и межевыя книги, содержащія данныя о распредѣленіи земельной собственности и о ея владѣльцахъ. Рядомъ съ этими межевыми книгами въ главномъ городѣ округа существовала *Βιβλιότης ἐγκτήσεων*, официальная книга для удостовѣренія юридическаго положенія земельного участка. На ряду съ размѣрами имѣнія туда должны были заноситься точныя данныя о возможной задолженности его и обременяющихъ его ипотечкахъ. Итакъ, какъ указалъ Людвигъ Миттейсъ, уже въ Птоломеевомъ царствѣ была хорошо извѣстна руководящая идея современнаго ипотечнаго права, публичная запись правъ на недвижимость.

Конечно, въ самой Греціи, къ которой мы теперь переходимъ, древнѣйшіе архивы имѣли иной и притомъ менѣе современный видъ. Для нихъ требовалось гораздо больше мѣста и болѣе дорогой матеріаль, такъ какъ они были главнымъ образомъ каменными архивами.

Возникновеніемъ своимъ они обязаны не приказу какого-либо любящаго порядокъ царя, а гражданской гордости многочисленныхъ маленькихъ государствъ: для каждаго изъ нихъ являлось вопросомъ честолюбія доводить при помощи наиболѣе прочнаго матеріала до свѣдѣнія современниковъ и потомства свои правительственные акты. Далѣе, возникновенію архивовъ содѣйствовали религія, постоянно побуждавшая приносить богамъ дары, на которыхъ обычно отмѣчали какъ имя жертвователя, такъ и поводъ къ пожертвованію, а также воля отдѣльныхъ гражданъ, стремившихся отдать подъ покровительство государственныхъ боговъ документы, касавшіеся ихъ частныхъ дѣлъ.

Въ особыхъ зданіяхъ такіе архивы въ прежнее время не нуждались. Матеріаль для документовъ былъ прочный—бронза, мраморъ и камень, который ломали въ окрестностяхъ. Храмъ же и все мѣсто вокругъ него, на которомъ поставлены были документы, вырѣзанные на камнѣ, были священны и неприкосновенны. Такими древнѣйшими архивами, которые мы можемъ посѣщать и понынѣ, являются святилища Олимпіи и Дельфы.

Это были настоящіе національные музеи греческаго народа. Въ ихъ священныхъ улицахъ не осталось неиспользованнымъ почти ни одного мѣстечка, гдѣ только можно было помѣстить памятникъ или плиту съ надписью, касавшейся какого-либо событія изъ богатой исторіи Греціи. Цѣлыя аллеи, цѣлый даже лѣсъ каменныхъ памятниковъ окружалъ эти центры Греціи и выразительнымъ языкомъ рассказывалъ каждому посѣтителю о великомъ прошломъ греческаго народа. Здѣсь можно было такъ же, какъ въ нашихъ историческихъ музеяхъ, любоваться отборнымъ оружіемъ, такъ какъ взятые у непріятеля бронзовые наконечники копій, не менѣе цѣнные бронзовые шле-

мы и другая военная добыча приносились съ соотвѣтствующей надписью въ даръ богамъ.

Помимо того, и каждый небольшой городъ, обладавшій гораздо болѣе скромными средствами, имѣлъ также свой мѣстный архивъ. Въ окрестностяхъ святилища Зевса въ Додонѣ, какъ и въ негостепріимной Аркадіи или Этолій, не было камня для надписей, не было и каменотесовъ, которые сумѣли бы высѣчь красивую надпись на камнѣ. Но выходъ находили и здѣсь. Бронзодѣлательная промышленность доставляла дощечки, на которыхъ вырѣзывались буквы.

Такъ, и въ Додонѣ разыскали замѣчательный архивъ храма. Въ немъ собраны предложенные оракулу вопросы, которые записаны были на бронзовыхъ дощечкахъ и хранились жрецами, какъ свидѣтельство дѣятельности оракула; точно такъ же и среди папирусовъ сохранились въ значительномъ количествѣ вопросы оракуламъ. Мы узнаемъ тутъ, что впавшій въ долги землевладѣлецъ спрашиваетъ у Зевса совѣта, продать ли ему свой городской домъ и поле или нѣтъ. Другой, нѣкій Клевтъ, спрашиваетъ у бога совѣта относительно покупки стада овецъ. Третій, далѣе, желаетъ узнать мнѣніе бога, выгодно ли будетъ везти свои товары на продажу за границу. Богу приходится давать даже полицейскія свѣдѣнія, когда, напримѣръ, нѣкто Агисъ спрашиваетъ его, кто укралъ пропавшія одѣяла и подушки.

Существованіе другого бронзоваго архива установили Вольфгангъ Рейхель и Адольфъ Вильгельмъ, когда они открыли скромное святилище Артемиды Лусойской въ Сѣверной Аркадіи. На средней двери главнаго входа въ храмовую ограду висѣли многочисленныя бронзовыя плитки, на которыхъ лусойцы отмѣчали пожалованіе почетной проксеніи ¹⁾, назначеніе консуломъ. Для этой цѣли

1) Проксенія—это право гостепріимства, которое давало государство какому-нибудь частному лицу. Проксенъ обязанъ былъ у себя на родинѣ защищать интересы того иностраннаго государства, которое даровало ему проксенію. Самъ же проксенъ пользовался въ государствѣ, давшемъ ему проксенію, цѣлымъ рядомъ преимуществъ, вплоть до права пріобрѣтать тамъ недвижимую собственность.

особенно охотно пользовались столь многочисленными бронзовыми дисками, и одинъ такой дискъ изъ Лусой, исписанный именами проксеновъ, попалъ въ берлинскіе королевскіе музеи.

Если въ другихъ областяхъ Греціи, а именно на островахъ, не было возможности постоянно доставать новыя каменные плиты для документовъ, то охотно пользовались столбами и пилястрами храмовъ и другихъ зданій для записи на нихъ важныхъ документовъ. Такъ, на островѣ Аморгосѣ имена должниковъ храма, не уплатившихъ взятой взаймы капитальной суммы или процентовъ за истекшее время, записывались на колоннѣ храма, да и въ другихъ мѣстахъ сохранилось много камней отъ антовъ разныхъ храмовъ со всякаго рода почетными декретами. „Можно подумать, что греческія правительственныя зданія съ ихъ портиками, святилищами и площадями спеціально устроены для такого рода публикацій,—чтобы выставлять тутъ исписанныя доски и покрывать стѣны надписями“.

Весьма излюбленнымъ являлся такой способъ публикаціи по отношенію къ документамъ, въ которыхъ въ качествѣ заинтересованной стороны выступалъ самъ богъ храма. Особенно это имѣло мѣсто въ документахъ объ отпущеніи на волю, такъ какъ освобожденіе раба совершалось по греческому праву въ формѣ посвященія или продажи богу. Документъ о продажѣ, написанный на папирусѣ, на восковой табличкѣ или на деревянной дощечкѣ, сдавали въ архивъ храма. Такъ какъ общество было весьма заинтересовано въ томъ, чтобы быть освѣдомленнымъ о такого рода перемѣнахъ въ состояніи, то храмъ бралъ на себя также заботу объ оглашеніи такихъ документовъ, на что требовалось много мѣста въ тѣхъ храмахъ, которые усиленно посѣщались. Такъ, на знаменитой полигональной стѣнѣ террасы храма Аполлона въ Дельфахъ, по заполненіи которой позднѣе воспользовались, какъ ея продолженіемъ, стѣной театра, можно и теперь еще прочесть больше тысячи документовъ объ отпущеніи на волю, относящихся къ тремъ столѣтіямъ (201 г. до Р. Хр.—126 г. по Р. Хр.).

Самый большой сохранившийся архивъ изъ камня, находившійся при храмѣ,—это архивъ храма Аѣины въ Приенѣ. Жители этого маленькаго провинціального города гордились оказанными имъ царскими милостями и не хотѣли, чтобы исчезла память объ этомъ. И благочестивый богомолецъ, вступая въ пронаосъ,—переднее помѣщеніе храма,—видѣлъ слѣва высоко на антѣ, угловой балкѣ изъ мрамора, написанныя большими буквами гордыя слова: „Царь Александръ посвятилъ храмъ Аѣинѣ Полиасъ“. Дальше слѣдовалъ указъ того же государя, подтверждавшій старинныя права приенцевъ и освобожденіе ихъ отъ уплаты дани царю. Подъ этимъ указомъ приведена была переписка города съ царемъ Лисимахомъ, а затѣмъ акты того знаменитаго и продолжительнаго процесса, который городъ Приена велъ съ островомъ Самосомъ по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ на побережьѣ, которые Самосъ давно оспаривалъ у Приены. Послѣ нѣсколькихъ промежуточныхъ инстанцій процессъ этотъ дошелъ, наконецъ, до римскаго сената, и рѣшеніе послѣдняго можно также прочесть на пилястрѣ храма; камни прилегающихъ стѣнъ пронаоса также покрыты были другими, имѣвшими важное значеніе для Приены, документами. Правда, на мѣстѣ нельзя уже обозрѣвать этого монументальнаго архива, но отдѣльные мраморныя обломки выставлены въ Британскомъ музеѣ.

Другой небольшой однородный каменный архивъ,—сокровищница аѣинянъ въ Дельфахъ, сооруженная въ память побѣды при Мараѣонѣ,—реконструированъ на прежнемъ мѣстѣ въ 1904—1906 годахъ. Онъ весь выстроенъ изъ паросскаго мрамора. Приблизительно съ 138-го года до Р. Хр. аѣиняне пользовались его стѣнами для записи на нихъ актовъ, касавшихся отношеній Аѣинъ къ Дельфамъ.

Цѣнныя колонны многихъ храмовъ также могутъ служить въ качествѣ архива для исторіи постройки даннаго святилища. Еще и теперь находящіяся въ Британскомъ музеѣ три обломка красныхъ мраморныхъ колоннъ изъ древняго храма Артемиды въ Эфесѣ говорятъ намъ о

томъ, что ихъ воздвигнулъ царь Крезъ Лидійскій; а на одной колоннѣ съ канелюрами, найденной въ Миласѣ мы читаемъ, что она принадлежала къ храму Зевса и вмѣстѣ съ слѣдующими семью колоннами сооружена была въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. жрецомъ Поллидомъ, сыномъ Герокла, его женой Мениадой и его сыновьями Герокломъ и Федромъ.

Часто случалось, что у города было нѣсколько архивовъ; въ Приенѣ на ряду съ государственнымъ архивомъ существовала еще городская почетная галерея, на стѣнахъ которой въ пышныхъ торжественныхъ резолюціяхъ отмѣчались заслуги знаменитыхъ согражданъ.

Особенно охотно пользовались, какъ архивами, стѣнами большихъ портиковъ вокругъ храмовъ и рынковъ; новымъ величественнымъ примѣромъ этого служить для насъ святилище Аполлона Дельфійскаго въ Милетѣ. Это была скромная священная ограда безъ храма, а лишь съ алтаремъ бога, который окружали красивымъ четырехугольникомъ портики. Здѣсь были плотно втиснуты между колоннъ, а также свободно стояли вставленные въ каменный полъ важнѣйшіе документы изъ богатой событіями исторіи этого торговаго города. Мало того: внутреннія стѣны галереи были также кусокъ за кускомъ покрыты списками иностранцевъ, которымъ городъ Милетъ даровалъ почетное право гражданства или даже назначилъ проксенами. Помимо этого, къ колоннамъ и деревянной обшивкѣ прибита была еще такая масса исписанныхъ дощечекъ, что пришлось особымъ полицейскимъ указомъ запретить такое злоупотребленіе. Эти деревянные дощечки также содержали иногда официальные объявленія. Такъ, въ Эритреѣ въ IV вѣкѣ было обнародовано строгое постановленіе, чтобы имена гражданъ, присягнувшихъ въ одномъ опредѣленномъ случаѣ, выставлялись на деревянныхъ дощечкахъ только въ портикѣ около рынка.

Итакъ, въ то время, какъ нашъ современникъ, пользуясь архивомъ, долженъ изучить длинный рядъ разнообразныхъ, пыльныхъ грудъ актовъ, чтобы найти, нако-

нецъ, ту толстую связку документовъ, которую онъ желаетъ кропотливо изслѣдовать, древній историкъ, работавшій на основаніи документовъ,—а таковыя уже были ¹⁾),—бродилъ по красивымъ, залитымъ солнечнымъ свѣтомъ портикамъ и вдоль стѣнъ храмовъ и расшифровывалъ тамъ часто весьма длинные, многорѣчивые документы. И содержаніе его архива также было совершенно иное, чѣмъ содержаніе современнаго архива съ его безконечными дипломатическими донесеніями, счетами, письмами. Ибо рядомъ съ официальными государственными документами стояло и висѣло въ святилищѣ множество памятниковъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ частному поводу и волѣ частнаго лица. Они имѣли довольно пестрый видъ.

Тутъ были звѣри изъ бронзы, какъ, напримѣръ, заяцъ съ посвященіемъ и лягушка, найденные: первый—въ Самосѣ, вторая—на Пелопоннесѣ; дельфинъ изъ египетскаго фарфора, каменные корабли съ изображеніями рыбъ, мѣдные топоры, свѣтильники, пальцы, глаза, уши, ноги и другія части тѣла, даже многочисленныя маленькія каменные ниши, въ которыхъ прикрѣплены были принесенные въ даръ мужскіе и женскіе волосы съ головы, и много другихъ вещей, по тому или иному поводу (указанному въ надписи) посвященныхъ богу. Если жрица въ знакъ благодарности приносила богу даръ, она украшала его изображеніями отдѣльныхъ частей своего туалета, каковы: башмаки, сѣтка для волосъ, флакончикъ съ притираніями, зеркала и гребенки; всѣ эти предметы въ видѣ прелестной рельефной группы кругомъ жертвенной чаши можно видѣть теперь въ Британскомъ музеѣ на двухъ посвященныхъ богу приношеніяхъ, найденныхъ въ святилищѣ Діониса Брисейскаго въ Лаконіи.

Если вышеупомянутые архивы служили для храненія и оглашенія всякаго рода государственныхъ документовъ,

¹⁾ Одинъ неблагосклонный критикъ говоритъ объ историкѣ Тимей слѣдующее: „Онъ находилъ каменные документы въ охистодомахъ, заднихъ помѣщеніяхъ храмовъ, и декреты о проксеніи на антахъ храма“.

то уже существовали въ раннія времена и спеціальныя архивы для отдѣльныхъ опредѣленныхъ видовъ документовъ.

Такими спеціальными архивами были въ особенности суды или мѣста отправленія правосудія. Въ древнѣйшихъ Аѣинахъ такихъ мѣстъ было нѣсколько, но одно, по стародавней традиціи, занимало преимущественное положеніе, это—присутственное мѣсто архонта-басилевса, правопреемника прежнихъ царей аѣинскихъ. Называлось оно *stoa basileios* и находилось въ самомъ удобномъ мѣстѣ, на рынкѣ, въ центрѣ города, и каждый могъ зайти въ портикъ и получить нужныя разьясненія по юридическимъ вопросамъ, встрѣчающимся въ повседневной жизни. Тамъ, на каменныхъ подставкахъ, срѣзанныхъ сверху пирамидахъ, выставлены были для публики законы Солона, а самыя стѣны царскаго портика покрыты были другими важными основными законами государства. Къ сожалѣнію, сохранившіеся до нашего времени ничтожные остатки этой древнѣйшей аѣинской крытой галереи не даютъ никакого понятія объ общемъ видѣ этой монументальной юридической библіотеки. Однако на помощь нашей фантазіи приходятъ значительно бѣльшіе остатки одного знаменитаго греческаго судебного мѣста, именно—въ Гортинѣ на Критѣ. Тамъ сохранилась значительная часть огромнаго зданія, гдѣ происходили судебныя разбирательства на Критѣ въ V вѣкѣ до Р. Хр. и даже еще ранѣе. Это было круглое строеніе около 33 метровъ въ діаметрѣ. Внутренняя стѣна его на протяженіи 9-ти метровъ въ длину покрыта законами Гортины, тщательно высѣченными въ двѣнадцати столбцахъ на готовой уже стѣнѣ, хотя на ней были швы между отдѣльными плитами. Высѣчены эти законы такъ, что ихъ можетъ съ удобствомъ читать человекъ средняго роста. Такимъ образомъ судьямъ и тяжущимся легко было во время процесса прочитывать соотвѣтствующіе параграфы закона. Недавно открыты вблизи этого мѣста обломки съ фрагментами семи другихъ столбцовъ, которые принадлежатъ, вѣроятно, къ стѣнѣ того же круглаго зданія, гдѣ находились и основные законы.

Въ Эритреѣ также имѣлся на рынкѣ циклосъ Зевса, круглое зданіе суда, въ которомъ выставленъ былъ одинъ дошедшій до насъ процессуальный законъ, для того чтобы онъ былъ всегда передъ глазами судей.

Другого рода спеціальныя архивы—это архивы медицинскіе, находившіеся при святилищахъ боговъ-цѣлителей. Уже въ древности было извѣстно, что въ храмахъ Асклепія въ Косѣ, Эпидаврѣ и Триккѣ въ Тессаліи начертаны были рецепты. Вѣдь самъ Гиппократъ, говорятъ, приобрѣлъ свои медицинскія познанія благодаря камнямъ въ Косѣ. И дѣйствительно, во время своихъ раскопокъ въ храмѣ Асклепія въ Косѣ Рудольфъ Герцогъ нашелъ массу почетныхъ декретовъ на имя выдающихся врачей; излагая подробно достигнутые послѣдними успѣхи въ дѣлѣ врачеванія, декреты эти содержатъ такимъ образомъ цѣнный матеріалъ для исторіи медицины. Но настоящимъ архивомъ интересныхъ для медицины случаевъ является святилище въ Эпидаврѣ. Тамъ, при входѣ въ это лечебное мѣсто, больной читалъ на громадныхъ каменныхъ плитахъ такое множество рекламъ объ исцѣленіяхъ, что ему невозможно было сомнѣваться въ цѣлебной силѣ этого мѣста и его боговъ, тѣмъ болѣе, что благодарственныя приношенія Асклепію отъ выздоровѣвшаго паціента часто дополняли официальные медицинскіе отчеты жрецовъ.

Такимъ образомъ и здѣсь пользовались храмами въ качествѣ архивовъ, и притомъ сначала фасадомъ и площадью храма для каменныхъ оригиналовъ документовъ, а впослѣдствіи, когда количество документовъ въ многопосѣщаемыхъ храмахъ сильно увеличилось,—также и опистодомомъ, или же пристройкой. Какой видъ все это имѣло, если принять во вниманіе ограниченныя размѣры большинства храмовъ, объ этомъ приходится судить по раскопкамъ. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ Селинунтѣ найдены были на ступеняхъ храма Геракла многочисленныя оттиски печатей, представляющіе Геракла въ различныхъ видахъ: они нѣкогда прикрѣплены были нитями къ документамъ и затвердѣли при сожженіи. Въ этомъ храмѣ, слѣдовательно, хранились не каменные до-

кументы въ подлинникѣ, а копии, черновики, протоколы на папирусѣ.

Дѣйствительно, по отношенію къ многимъ государствамъ, способъ изготовленія документовъ которыхъ намъ точнѣе извѣстенъ, мы можемъ твердо установить, что отнюдь не всегда изготовлялся документъ на камнѣ, а только въ болѣе важныхъ случаяхъ. Многія народныя рѣшенія и официальныя объявленія выставлялись на время лишь на деревянныхъ дощечкахъ, и притомъ на основаніи черновиковъ, писанныхъ на папирусѣ. Такъ поступали прежде всего на Делосѣ, откуда дошли до насъ всѣ отчеты должностныхъ лицъ о расходахъ по изготовленію документовъ. Всѣ договоры храма съ его нанимателями и арендаторами и всѣ счета кассы храма писались тамъ на бумагѣ, на которую администрація храма трижды въ годъ тратила по 1½ драхмы. Нѣсколько дороже стоили деревянные дощечки изъ кипариса или пальмоваго дерева, которыя столяръ распиливалъ, склеивалъ и окрашивалъ въ бѣлый цвѣтъ. На нихъ выставлялись на рынкѣ для всеобщаго свѣдѣнія мѣсячные отчеты администраціи храма. Планы и модели архитекторовъ также рисовали, очевидно, красной краской на бѣлыхъ доскахъ или на еловыхъ дощечкахъ. Лишь въ концѣ года изъ мѣсячныхъ отчетовъ составлялись большіе годовые отчеты, которые должны были храниться долгое время, а потому высѣкались каллиграфомъ на мраморныхъ доскахъ. Такая мраморная доска стоила въ Делосѣ 25—32 драхмы, въ зависимости отъ величины ея. Готовая же доска съ надписью со всѣми расходами по доставкѣ, укрѣпленію ея на мѣстѣ при помощи дерева и свинца и оплатѣ писца по камню стоила 85, 110, даже 200 драхмъ, въ зависимости отъ величины.

Конечно, такіе большіе расходы власти производили только на особенно важные документы; ихъ помѣщали на видномъ мѣстѣ архива подъ открытымъ небомъ у храма. Вся же масса протоколовъ, напротивъ, оставалось въ закрытыхъ помѣщеніяхъ храма.

Въ такомъ видѣ намъ приходится представить себѣ и

устройство самаго большого изъ извѣстныхъ намъ греческихъ архивовъ, аѳинскаго. И дѣйствительно, древнѣйшій аттичскій архивъ, самый Акрополь, представляетъ изъ себя грандіозный лѣсъ изъ камня, и теперь еще на каждомъ шагу у дороги замѣчаешь выдолбленныя въ скалѣ углубленія, въ которыхъ укрѣплялись стѣлы съ надписями. Только въ послѣдствіи, когда количество документовъ въ столицѣ государства, Аѳинахъ, страшно возросло, тогда на ряду съ канцелярскими архивами отдѣльных присутственныхъ мѣстъ созданъ былъ центральный архивъ въ храмѣ великой матери боговъ, въ Метроонѣ¹⁾, который впервые въ 343 г. упоминается какъ мѣстонахождение государственнаго архива. По мнѣнію Бруно Кейля, здѣсь хранились тексты всѣхъ законовъ, народныя рѣшенія и другіе политическіе письменные документы, даже акты важнѣйшихъ государственныхъ судебныхъ процессовъ, какъ, напримѣръ, обвинительные акты противъ Ѳемистокла или Сократа, которые цитировали столѣтіями позже. Наконецъ, здѣсь лежали контракты, заключенные государствомъ съ частными лицами, какъ, напримѣръ, списки кораблей и корабельныхъ снастей морскаго вѣдомства, которые довѣрены были тріерархамъ²⁾, и оправдательные документы по исполненію росписи, какъ отчеты, инвентари и документы о различныхъ передачахъ чиновниковъ государства и культа. Позднѣе аѳинскій государственный архивъ сталъ принимать и документы частнаго характера, если они имѣли извѣстный общественный интересъ. Это мы видимъ и во всѣхъ дошедшихъ до насъ многочисленныхъ архивахъ остальной Греціи, которые стали служить интересамъ частныхъ лицъ съ того времени, когда уже не было больше государственныхъ актовъ, которые они должны были бы хранить. Такъ, на многихъ тысячахъ надгробныхъ надписей, особенно изъ Малой Азіи, можно прочесть слѣдующее: „Постано-

1) Храмъ матери боговъ, богини Кибелы.

Прим. ред.

2) Въ Аѳинахъ тріерархомъ называлось то лицо, которое обязано было снарядить на свой счетъ для государства тріеру.

Прим. ред.

вления о лицахъ, пользующихся семейной могилой, и объ охранѣ ея сданы на храненіе въ архивъ“. Итакъ, то, о чемъ у насъ заботится кладбищенская администрація, а именно, веденіе точной записи правъ собственности на могилы, въ болѣе позднее время возлагалось на архивы, въ которые за опредѣленную плату принимали также на храненіе всякое завѣщаніе, всякій договоръ купли между частными лицами.

И для греческихъ архивовъ величайшую опасность представлялъ огонь. О такомъ пожарѣ архива сообщаютъ намъ и надписи на камнѣ. Его устроили граждане Димы около эпохи завоеванія Греціи римлянами, чтобы вызвать въ своемъ городѣ революцію.

Это перечисленіе многочисленныхъ архивовъ не должно однако заставить насъ думать, будто всѣ греческіе документы были собраны въ нихъ. Помимо архивовъ, историкъ прежде всего долженъ обойти и всю страну и осмотрѣть всѣ документы, которые можно прочесть только на предназначенномъ для нихъ мѣстѣ. Правда, большинство изъ нихъ не стоитъ уже тамъ, но все же многіе найдены на старомъ мѣстѣ и такимъ образомъ лучше всего освѣдомляютъ насъ о цѣли ихъ. Греки были народомъ много и охотно писавшемъ и придавали величайшее значеніе публичности всѣхъ правовыхъ отношеній. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ.

Когда современный туристъ попадаетъ въ окрестности неизвѣстнаго ему города, то ему, пожалуй, хотѣлось бы узнать, кому принадлежитъ та или другая особенно красивая дача или хорошо воздѣланный участокъ, засѣянный пшеницей или овсомъ. Но узнать онъ объ этомъ можетъ только въ томъ случаѣ, если онъ встрѣтитъ освѣдомленнаго мѣстнаго жителя. Совершенно иначе въ окрестностяхъ древняго города. Уже на улицахъ путешественникъ читалъ на многихъ домахъ имена ихъ владельцевъ, какъ гласить, напримѣръ, одна надпись съ Пароса: „Асонъ въ возрастѣ 74-хъ лѣтъ построилъ эти дома“; или же узнавалъ интимныя семейныя дѣла изъ

объявленія о томъ, сколько ипотекъ лежало на домѣ, или что домъ отданъ въ залогъ замужней дочери владѣльца въ обезпеченіе приданого.

Вывѣшивались такъ же, какъ и у насъ, постановленія полиціи, которыя, напримѣръ, гласили: „Запрещается сваливать мусоръ на рынкѣ въ Пиреѣ или на улицахъ или оставлять что-нибудь другое или кучи навозу. За нарушеніе этого постановленія рабы будутъ подвергнуты 50-ти ударамъ, а свободные—денежному штрафу въ столько-то и столько-то драхмъ“, или: „По рѣшенію высокаго городского совѣта запрещается въ рощахъ боговъ пасти стада или сваливать навозъ. Если же кто-либо будетъ пасти тамъ свиней, или рогатый скотъ, или овецъ, то всякій, кто это увидитъ, долженъ донести царямъ, какъ это подобаетъ по отношенію къ богу. А пастухъ долженъ заплатить за каждое животное одинъ геміактонъ штрафа. Кто же будетъ пойманъ при сваливаніи навоза, долженъ уплатить въ храмовую кассу штрафъ въ пять статеровъ. Если же очевидецъ не донесетъ, то самъ подлежитъ штрафу въ пять статеровъ, уплачиваемыхъ кассѣ храма“. Или наконецъ: „Въ святилище Алектроны никогда не должна входить лошадь, осель, мулъ, жеребенокъ или какое-нибудь другое животное съ жесткими волосами. Запрещается вступать въ святилище въ обуви изъ свиной кожи или еще въ чемъ-нибудь другомъ, происходящемъ отъ свиньи. Нарушеніе этого должно быть искуплено очищеніемъ и окропленіемъ всего святилища. Кто вгонитъ туда овецъ, долженъ уплатить по оболу за каждое животное“. Такія постановленія можно было прочитатъ на красивыхъ мраморныхъ плитахъ у входа и выхода святилища передъ воротами города Іалиса на Родосѣ.

Когда путешественникъ вступалъ за городскія стѣны, то надпись на башнѣ, сдѣланная громадными буквами (такія надписи сохранились, напримѣръ, на островахъ Паросѣ и Нисиросѣ), напоминала ему, что полоса земли вдоль стѣны, шириною въ 3—5 футовъ, оставалась собственностью города и, слѣдовательно, не могла быть за-

строена. Греческая община такимъ образомъ ревностно слѣдила за охраной своей земельной собственности и часто обременяла арендаторовъ городской земли тяжелыми повинностями. Такъ, мы и въ настоящее время можемъ прочесть на другой городской стѣнѣ, въ Эфесѣ, какъ невыгодно было арендовать землю у города. Онъ оставляетъ за собой на сданномъ участкѣ земли у стѣны слѣдующее право: „Городу остается у моря дорога въ 20 футовъ, у стѣны—полоса въ 40 футовъ шириной внутри города и въ 50 футовъ внѣ его. Если онъ пожелаетъ поправить или расширить стѣну то за нимъ остается право складывать на сданномъ въ аренду лугу камни и проложить необходимую для подвоза дорогу“. Ясно также оговорено, что каменщики могутъ до окончанія работы ночевать на этомъ участкѣ, слѣдовательно, и устраивать себѣ хижины.

А за городомъ передъ воротами почти каждый земельный участокъ рассказывалъ что-нибудь о своемъ теперешнемъ и прежнемъ владѣльцѣ. Всюду стояли пограничные камни изъ мрамора или известняка съ обозначеніемъ имени владѣльца. И только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ довольствовались этимъ краткимъ обозначеніемъ, большей же частью на ряду съ нимъ находилось еще указаніе на особыя обстоятельства, которымъ нынѣшній владѣлецъ обязанъ своимъ правомъ собственности. И тутъ мы узнаемъ много интереснаго. Здѣсь состоятельный врачъ выдалъ своей дочери приданое въ 3.000 драхмъ, но уплатилъ ихъ не наличными, а обезпечилъ ихъ ипотекой на свое поле; тамъ вложены такимъ же путемъ сиротскія деньги; въ третьемъ мѣстѣ находились обширные сады съ дачей, составлявшіе приданое богатой наслѣдницы, но послѣдняя предназначила ихъ на благотворительное дѣло Афродитѣ. Пойдемъ къ тому необъятному, подѣленному на участки, помѣстью, на которомъ находятся ровнымъ счетомъ 75 пограничныхъ камней, и благодаря исписанному со всѣхъ четырехъ сторонъ мраморному столбу мы узнаемъ, что это прекрасное владѣніе составляло наслѣдство, принадлежавшее дѣтямъ

Аникея, но въ виду раздѣла между наслѣдниками оно продано отдѣльными участками; перечисляются также и новые владѣльцы съ указаніемъ покупной цѣны. Понятно также, что значительная часть земли находилась не въ частной собственности, а принадлежала городскимъ корпораціямъ. Послѣднія часто не брали на себя труда самимъ обрабатывать свою землю, а сдавали ее въ аренду молодымъ сельскимъ хозяевамъ. И въ этомъ случаѣ мраморная доска также освѣдомляла путешественника насчетъ условій аренды, и онъ узнавалъ, на примѣръ, что въ старое время воздѣлывалось на данномъ участкѣ, какія находились на немъ сельскохозяйственныя постройки, какъ высока была арендная плата, и въ какіе сроки ее должны были уплачивать, равно, какая изъ сторонъ должна была вносить экстраординарный земельный налогъ, если бы таковой былъ введенъ.

Такимъ образомъ и эти простые пограничные камни даютъ возможность заглянуть въ частную жизнь грековъ и познакомиться со всѣми переменами въ судьбѣ той или другой семьи.

Всѣ эти отдѣльныя черты нужно соединить въ общую картину; ничѣмъ при этомъ не слѣдуетъ пренебрегать, ни даже черепицей съ крыши, или отломанной ручкой кувшина для вина, или простой глиняной урной. И эти незамѣтныя вещи могутъ многое рассказать.

На черепицахъ имѣются оттиски печати, по которымъ весьма часто можно узнать имя фабриканта, его монограмму, какого число положили сушить черепицы, а часто также, для какого зданія онѣ служили,—для царскаго дворца, для святилища или же для облицовки стѣны. На ручкахъ амфоръ почти всегда имѣется ихъ фабричная марка съ именемъ фабриканта, датой изготовленія и часто съ гербомъ города, такъ что и онѣ даютъ намъ важныя свѣдѣнія о томъ, какъ широко распространена была, на примѣръ, торговля виномъ и оливковымъ масломъ.

Даже дорогу въ античныя аптеки указываютъ намъ незамѣтныя надписи на горшкахъ и свинцовыхъ сосу-

дахъ. Такъ, въ Приенѣ найдено много сосудовъ, на которыхъ имѣется государственная печать, голова Аѳины, и имя стефанѳора въ родительномъ падежѣ, какъ *Πρωτέου, Θράσου, Ἀριστεύου, Στράτωνος*. Такимъ образомъ покупатель зналъ, что товаръ изъ Приены, а такъ какъ Плиніи свидѣтельствуемъ, что въ Приенѣ изъ сока одного корня готовили scammonium, превосходное слабительное, которое, будучи сварено съ уксуомъ, шло въ продажу въ видѣ вязкой медоподобной каши, то Робертъ Цанъ предположилъ, что найденные горшки также служили для этого специально приенскаго лѣкарства. Въ другихъ мѣстахъ тоже сохранились предназначенные для лѣкарственныхъ средствъ сосуды изъ свинца, на которыхъ выпуклыми буквами указано имя составителя и названія лѣкарства, какъ, напр., *Ἰάσονος λύκιου, Πρακλείου λύκιου, Νεικία λύκιου, λύκιου παρὰ Μουσαίου, Κόσμου, Κόσμου ἰατροῦ*. Для этой цѣли служили и совсѣмъ маленькіе стеклянные сосуды, такъ какъ древніе врачи для различныхъ лѣкарствъ прописывали и сосуды изъ разнаго матеріала.

Что касается урнъ для пепла, мы приведемъ одинъ только замѣчательный примѣръ. Въ Александріи найдены на кладбищѣ простыя урны для пепла, на которыхъ въ 213 году до Р. Хр. сдѣланы были чернилами надписи; ихъ и теперь еще можно прекрасно прочесть. Изъ нихъ явствуетъ, что похороненные тамъ греки были изъ Дельфъ, Беотіи, Димы, Родоса, что это были делегаты, посланные ихъ городами, чтобы отъ имени послѣднихъ принести жертвы и принять участіе въ египтскомъ праздникѣ. Но сравнительно многіе изъ нихъ погибли въ Александріи отъ мѣстнаго климата, и царь позаботился объ ихъ похоронахъ.

И въ другихъ мѣстахъ надгробныя надписи служатъ для насъ историческими документами, изъ которыхъ многому можно научиться. „Въ Спартѣ на надгробныхъ камняхъ читаешь только: «Таскъ, палъ на войнѣ», или «Эврибиадъ, побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ, палъ на войнѣ», и все же эти немногія слова или фразы могутъ вызвать въ душѣ преставленіе о всемъ величїи и

всей простотѣ спартанцевъ. «Онѣ палѣ на войнѣ» — это было самое прекрасное, что можно было написать во славу спартиата на надгробномъ камнѣ, и поэтому уже въ законахъ Ликурга запрещено было прибавлять къ имени на надгробномъ камнѣ какое-либо другое указаніе, кромѣ этого“.

На Родосѣ мы читаемъ на камнѣ слѣдующія немногія слова: τῶν κατὰ τὸν σεισμὸν τελευτᾶντων, „могила умершихъ при землетрясеніи“, и вотъ мы можемъ нарисовать себѣ всю картину несчастія и горя, которыя пережили жертвы, спящія въ общей могилѣ. Другую картину даетъ намъ надгробный камень изъ Эфеса: Ἐβενος πρωταῖλος Ἱεροκλῆι τῷ ἰδίῳ συριστῆι ἐκ τοῦ ἰδίου τὸ μνημεῖον χαῖρε ¹⁾; тутъ капельмейстеръ Эбенъ почтилъ надгробнымъ камнемъ одного изъ членовъ своей капеллы, который, вѣроятно, въ бѣдности и вдали отъ родины умеръ въ Эфесѣ. Много, очень много можно было бы еще сообщить о томъ, что рассказываютъ надгробные камни о самыхъ разнообразныхъ судьбахъ людей. И теперь еще эти камни являются говорящими мѣстными архивами, которые имѣлись даже въ самыхъ маленькихъ деревняхъ.

Но у эпиграфиковъ имѣются къ услугамъ еще меньшіе и болѣе незамѣтные источники, благодаря которымъ можно надѣлать образъ античнаго человѣка интересными чертами. Сюда относятся такъ называемыя бронзовыя тессеры, невзрачныя металлическія пластинки, которыя служили удостовѣреніемъ личности при входѣ въ аѳинскіе суды или даже театральными билетами, большей частью раздававшимися бесплатно. Одна изъ самыхъ красивыхъ представляетъ небольшую руку изъ бронзы съ надписью: σῦμβολον πρὸς Οὐέλαντιους; она служила отличительнымъ знакомъ для членовъ двухъ семей, связанныхъ узами гостепріимства. Имѣются аналогичные знаки изъ слоновой кости, напр., съ надписью: Ἰμίλων Ἰμίλωνος,

¹⁾ Эбенъ, первый флейтистъ, своему сиристу Героклу поставилъ памятникъ на собственныя средства. Прощай! (Сиристъ — музыкантъ, игравшій на свирѣли. *Ред.*)

Ἰνίβαλος Χλωρος ζενίαν ἐποίησατο πρὸς Λύσωνα Διογνήτου καὶ τῶν ἐγγόνων—„Гимильховъ, сынъ Гимильхона, Инибалъ Хлоръ заключилъ союзъ гостепріимства съ Лисономъ, сыномъ Діогнета, и его потомками“.

Были подобныя же тессеры изъ свинца, значеніе которыхъ стало извѣстно только благодаря русскому археологу Ростовцеву. Онѣ служили этикетками для грузовъ, чтобы припечатывать веревки, которыми завязаны были тюки товаровъ, или же то были свинцовыя печати римскихъ чиновниковъ, которыя они привѣшивали къ военнымъ обозамъ. Имѣются также свинцовыя пломбы таможенныхъ чиновниковъ, употреблявшіяся для идущихъ транзитомъ товаровъ. Наконецъ, въ эпоху римскихъ императоровъ свинцовыя марки играли большую роль при раздачѣ хлѣба и денегъ. Такъ, на примѣръ, сохранились свинцовыя марки съ портретомъ Юлія Цезаря; онѣ, безъ сомнѣнія, служили удостовѣреніемъ для получки раздаваемыхъ народу денегъ, что хорошо извѣстно по „Юлію Цезарю“ Шекспира.

Далѣе сюда относятся ложки съ надписями, колокольчики съ надписями, лопаточки для ушей, на которыхъ, напр., читаешь: *ὕγιαίνουσα χρῶ, κρῖα· καλῶν καιρῶν ἀπολαύσης*, — „употребляй ее на здоровье, госпожа, да живи всегда счастливо“; сюда, наконецъ, относятся кольца съ гранеными камнями. На ряду съ изображеніями изъ міеологіи и съ именами владѣльцевъ на нихъ имѣется масса трогательныхъ пожеланій и изреченій, не лишенныхъ своей интимной прелести. На цѣлый романъ намекають, повидимому, слѣдующія, на примѣръ, слова, которыя кто-то выгравировалъ на кольцо своей возлюбленной: „Они говорятъ, что хотятъ. Пусть говорятъ, меня это мало трогаетъ. Ты любишь меня, этого для меня достаточно“. Другой пылкій любовникъ пишетъ даже стихами:

„Коль любишь ты меня, какъ я тебя люблю, вдвойнѣ тебя благодарю.

Коль ненавидишь ты, то ненавижь, прошу, такъ сильно, какъ тебя люблю“.

Третій, повидимому, сообщаетъ о разговорѣ съ возлюбленной: „Слѣдуй за мной, если любишь меня“. „Нѣтъ“. „Люблю тебя, чтобы не сбиться съ пути“. „Да, это я замѣчаю и потому я смѣюсь“. Прелестны также пожеланія: „Возьми его и носи“, или: „Счастливаго пути“, или: „Въ знакъ мира и согласія“ (подарокъ послѣ супружеской ссоры?), или „Я владѣю твоимъ сердцемъ“, или: „Эпиксена, ты побѣждаешь“, или: „Свѣтъ мой—Θεано“.

II. Ө е р а.

Наше странствіе по греческимъ городамъ мы начнемъ не съ Аѳинъ, которыя требуютъ особой книги, такъ какъ задача отыскать древнія Аѳины подъ современнымъ городомъ особенно трудна, но мы посѣтимъ рядъ городовъ, ставшихъ доступными намъ въ новѣйшее время благодаря раскопкамъ.

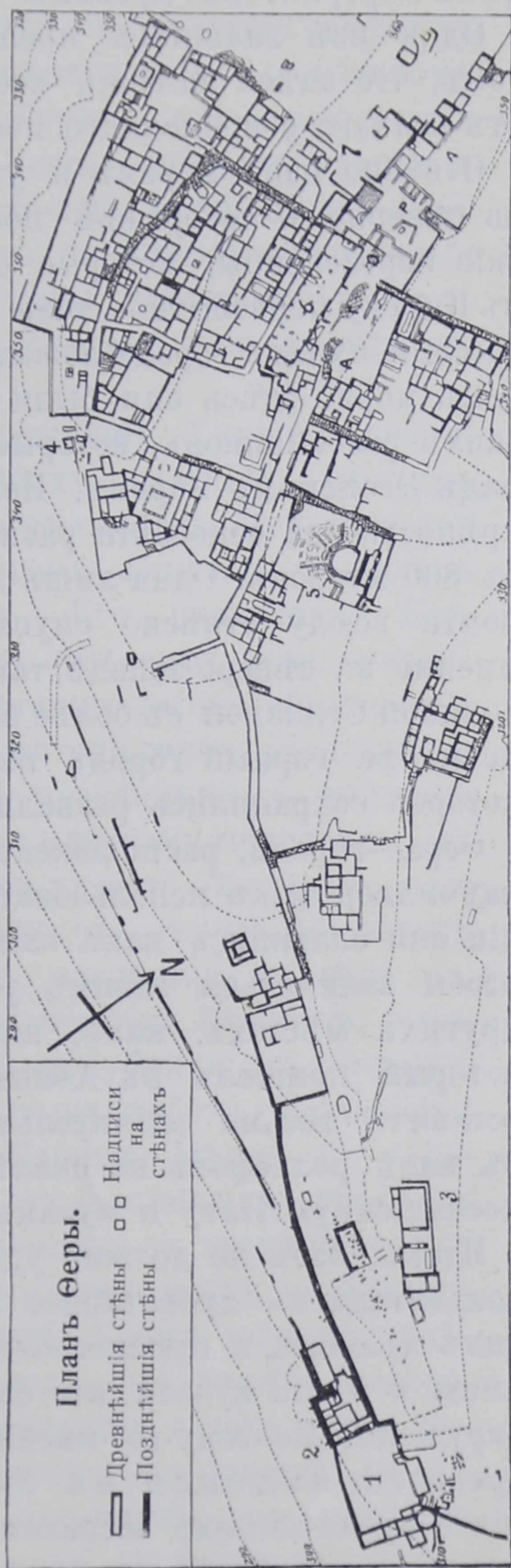
Самоотверженныя изысканія одного нѣмецкаго ученаго, Фридриха Гиллера фонъ-Гертрингена, дали намъ счастливую возможность начать съ простаго примѣра, съ настоящаго древняго островнаго города, именно съ города Өеры на островѣ, именуемомъ теперь Санторинъ.

Этотъ островъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ въ географическомъ и геологическомъ отношеніи пунктамъ Средиземнаго моря. Онъ—единственная въ своемъ родѣ мѣстность въ периферіи Европы и даетъ возможность профану получить ясное представленіе о разрушительныхъ и созидательныхъ силахъ природы. Ибо въ настоящее время корабли пристають въ главномъ кратерѣ огромнаго и величественнаго вулканическаго хребта, который когда-то образовывалъ центральный пунктъ острова; кратеръ этотъ такъ глубокъ, что ни одинъ якорь не достаетъ дна. Если мы вѣзжаемъ во внутреннее море, „то изъ темно-синихъ волнъ грозно поднимаются кругомъ мрачныя, кажущіяся недоступными, совершенно голыя стѣны опоясывающихъ островъ кольцомъ горъ, большей частью выше 200 метровъ, а мѣстами и 300 метровъ.“

Рѣзкими тонами, отъ краснаго до чернаго, не смягченными никакой растительностью, отдѣляются другъ отъ друга шлаки лавы и холмы пепла. На самомъ верху однако лежитъ почти повсюду ослѣпительно бѣлый, мѣстами толщиною въ 30 метровъ, слой пемзоваго туфа, — вѣнецъ пестраго склона. — Склоны поражаютъ не только богатствомъ своихъ красокъ, но и своими необычайно причудливыми и мягкими формами“ (Филиппсонъ). Позади мы видимъ теперь опять дымящійся небольшой островъ Неа - Каймени, на который нельзя вступить, не рискуя подметками, а впереди, высоко у самого берега, — нынѣшній городъ Өеру, къ которому ведетъ по скалѣ крутая тропинка.

Өера даетъ съ 1895 г. много богатаго матеріала не только для естествоиспытателя, но и для любителя древностей.

Далеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣшній городъ разбилъ на вулканической почвѣ свои богатые виноградники, поднимается на сѣверо - восточномъ берегу острова дикой одинокой скадой Мессавуно, предгорье высочайшаго хребта острова, Га-

1. Гимназій эфебовъ. 2. Римская баня. 3. Храмъ Аполлона Карнея. 4. Святилище Исиды, Сераписа и Анубиса. 5. Театръ. 6. Стоа базилика. 7. Храмъ Діониса.

гіосъ Эліасъ. Тамъ открылъ и откопалъ Фридрихъ Гиллеръ фонъ-Гертрингенъ древнюю дорійскую столицу острова.

Одна изъ главныхъ прелестей этихъ раскопокъ въ томъ, что здѣсь живешь всецѣло въ древности, вдали отъ всякаго современнаго поселенія.

Отвѣсно надъ моремъ и узкой прибрежной равниной на сѣверномъ побережьѣ построили свой городъ дорійскіе переселенцы, которые скоро заставили выселиться въ Кирену первобытное, тоже греческое, населеніе острова. Высшій пунктъ города лежалъ на 369 метровъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь они были въ безопасности отъ морскихъ разбойниковъ, которые такъ часто господствовали надъ Эгейскимъ моремъ. Невелика была ихъ скалистая крѣпость—на основаніи раскопокъ длину ея опредѣляли въ 800 метровъ. Одна лишь дорога вела сюда по узкому, почти всюду отвѣсно спускающемуся горному хребту, именно на сѣверо-западѣ, тамъ, гдѣ онъ соединяется сѣдловиной Селладой съ болѣе высокой горой св. Ильи. Тѣмъ не менѣе горный городъ окруженъ былъ стѣной, отъ которой сохранились развалины.

Өера—городъ, расположенный на скалѣ, и жители его научились, какъ использовать свои скалы. Во всей Греціи они славились какъ каменотесы. Они эмигрировали, чтобы заниматься своимъ ремесломъ и обучать ему въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., житель Өеры Архемедъ, который пришелъ въ Аѳины и тамъ, въ пещерѣ Вари, оставилъ весьма значительные опыты своего искусства въ видѣ рельефовъ на скалѣ, которыми онъ украсилъ посвященную Пану и музамъ пещеру.

Итакъ, насъ не должно удивлять, что жители Өеры не воздвигали въ древнѣйшее время своимъ богамъ высокихъ храмовъ, а приспособливали свои скромныя святилища и мѣста культа къ своимъ скаламъ, которыя ихъ окружали. Поэтому-то именно относящіяся къ глубокой древности надписи на скалахъ даютъ намъ свѣдѣнія о древнѣйшихъ жителяхъ города. Онѣ высѣчены въ скалахъ внѣ обитаемаго города. Маленькія круглыя или четырехугольныя углубленія около надписей предназна-

чены были для обѣтныхъ приношеній богамъ, имена которыхъ скала сохранила донынѣ. Тутъ мы читаемъ посвященія Гикесію, котораго лишь впоследствии замѣнилъ Зевсъ, Мелихію, Курету, напоминающему о главномъ культѣ дорійцевъ на Критѣ. Куреты—это демоническія существа изъ царства духовъ Зевса; они—его стражи и развлекаютъ Зевса воинской пляской, которой отъ нихъ научились и люди. Этотъ танецъ, повидимому, исполняли въ честь боговъ и юноши изъ Оеры, потому что на томъ же мѣстѣ другія надписи на скалахъ восхваляютъ достоинства танцоровъ.

Артемидѣ Лохайѣ, богинѣ рожденія, Хирону, „воспитателю царскихъ дѣтей греческихъ сказаній“, Эриніямъ посвящены были другіе алтари въ скалахъ. Первенствующее же мѣсто среди всѣхъ боговъ занималъ Аполлонъ Карней, чисто дорійскій богъ. Его праздникъ, Карнеи, въ августѣ, былъ веселымъ сельскимъ праздникомъ. Во время этого праздника спартанцы имѣли обыкновеніе жить въ палаткахъ, и въ Оерѣ жители также уходили далеко за городъ и наслаждались праздничнымъ пиршествомъ, гимнастическими играми и плясками молодежи. Эти мѣста празднествъ можно также указать благодаря надписямъ на скалахъ. Такъ, далеко отъ города, на дорогѣ черезъ сѣдловину Селлады къ кладбищу на горѣ св. Иліи открыта надпись, согласно которой Аглотель, сынъ Энипантида и Лакарто, „первый по публичнымъ рѣчамъ“ устроилъ тамъ богу подъ открытымъ небомъ Карнейскій пиръ въ 20-ое число мѣсяца Карнея. Мѣсто это было выбрано потому, что недалеко отсюда и понынѣ еще бьетъ Зоодохосъ Пегэ, сильнѣйшій источникъ въ этомъ краю. Его прохладными водами участники пира могли разбавлять вино, которое раздавалъ Аглотель. Кромѣ того, тѣ, которые должны были приносить воду, празднично настроенные, оставили тамъ и доказательство своего гимнастическаго и спортивнаго совершенства: на высотѣ 10—11 метровъ надъ дорогой, близъ источника, они высѣкли свои имена на мѣстами совершенно вертикально поднимающейся скалистой стѣнѣ.

Чтобы перейти отъ Θеры IX и VIII вѣка къ сохранившимся еще до сихъ поръ развалинамъ города, мы должны перескочить черезъ нѣсколько столѣтій. О древнѣйшей Θерѣ и ея архитектурѣ свидѣлствуютъ лишь красивыя древнія опорныя стѣны, остатки домовыхъ стѣнъ и храмъ Аполлона Карнея въ его древнѣйшихъ частяхъ. Напротивъ, развалины, которыя мы теперь посѣщаемъ, это остатки греческаго города приблизительно IV вѣка до Р. Хр. съ многочисленными позднѣйшими архитектурными измѣненіями.

Уже передъ воротами, къ которымъ ведетъ дорога черезъ Селладу, замѣчаешь слѣды человѣческой дѣятельности. Въ скалахъ высѣчено много ступенекъ, и надписи указываютъ, что то были алтари, которые Артемидоръ посвятилъ богамъ дорогъ, Гекатѣ и Пріану, а также Діоскурамъ, въ качествѣ вѣхъ, указывающихъ проходящимъ мимо путь къ городу Θерѣ. Артемидоръ былъ иностранецъ изъ Перги въ Памфіліи, въ молодости находившійся на службѣ у Птолемея и посѣтившій дальнія страны. Онъ дошелъ даже до страны троглодитовъ, гдѣ онъ, быть можетъ, подобно другимъ извѣстнымъ намъ офицерамъ, принималъ по порученію царя Египта участіе въ охотѣ за слонами. Впослѣдствіи онъ избралъ здоровый по климату городъ Θеру, чтобы здѣсь прожить свою пенсію. И при помощи самыхъ простыхъ средствъ онъ создалъ здѣсь передъ городомъ святилище богамъ, которымъ онъ самъ больше всего былъ обязанъ. Скоро онъ занялъ почетное мѣсто въ Θерѣ, и его сограждане выбрали его однажды третейскимъ судьей для рѣшенія внутреннихъ распрей, — событіе, которое онъ ознаменовалъ устройствомъ алтаря въ честь Гомоной, богини согласія, со слѣдующей надписью:

„Безсмертный алтарь за городъ воздвигъ здѣсь въ честь Согласія
Артемидоръ, родомъ изъ города Перги, согласно сновидѣнію“.

Онъ увѣковѣчилъ также на скалѣ тѣ почести, которыя за это оказали ему сограждане:

„Богиня же Согласія дала въ благодарность за алтарь великій
вѣнокъ отъ города Артемидору“.

И въ другомъ мѣстѣ:

„Жители Θеры увѣнчали на праздникъ Арсиноя масличными
вѣтками
Артемидора, который воздвигъ навѣки прочные алтари.
Народъ Θеры избралъ Артемидора въ граждане
И почтилъ его вѣнкомъ, ибо онъ безупреченъ“.

Бросивъ такимъ образомъ взглядъ на жизнь энергичнаго отставнаго офицера, вернемся по той же дорогѣ назадъ и войдемъ въ самый античный городъ.

Сначала трудно ориентироваться въ Θерѣ. Улицы не расходятся отъ одной главной артеріи подъ прямымъ угломъ и не легко обозримы, какъ въ позднѣйшихъ, основанныхъ въ эпоху Александра, городахъ, но слѣдуютъ неровностямъ скалистой почвы города, узки и извилисты, часто представляютъ изъ себя лѣстницы въ скалѣ. Тѣсная скалистая главная улица ведетъ прежде всего въ средину города къ неправильной формы площади, а горѣ, центру общественной жизни. Эта площадь производитъ также впечатлѣніе глубокой древности; она не была, подобно другимъ греческимъ рынкамъ, окружена портиками. Только на юго-западѣ возвышалась галерея, стоа базилика, служившая цѣлямъ торговли общины; въ ней найденъ былъ столъ съ городскими нормальными вѣсами, игравшій роль палаты мѣръ и вѣсовъ. Галерея представляла красивую залу въ 40 метровъ длины и 10 метровъ ширины, потолокъ которой поддерживался въ срединѣ десятью расположенными въ рядъ дорійскими колоннами. Въ римскую эпоху рядомъ съ галереей устроили баню, въ которую непосредственно изъ галереи вела небольшая дверь. Объ исторіи постройки галереи даетъ намъ свѣдѣнія почетный декретъ на двухъ мраморныхъ доскахъ, находящихся на ихъ первоначальномъ мѣстѣ на задней стѣнѣ. Онъ рассказываетъ намъ, какъ галерея при Траянѣ была покрыта новой деревянной крышей. Но уже сорокъ лѣтъ спустя она снова оказалась въ жалкомъ состояніи.

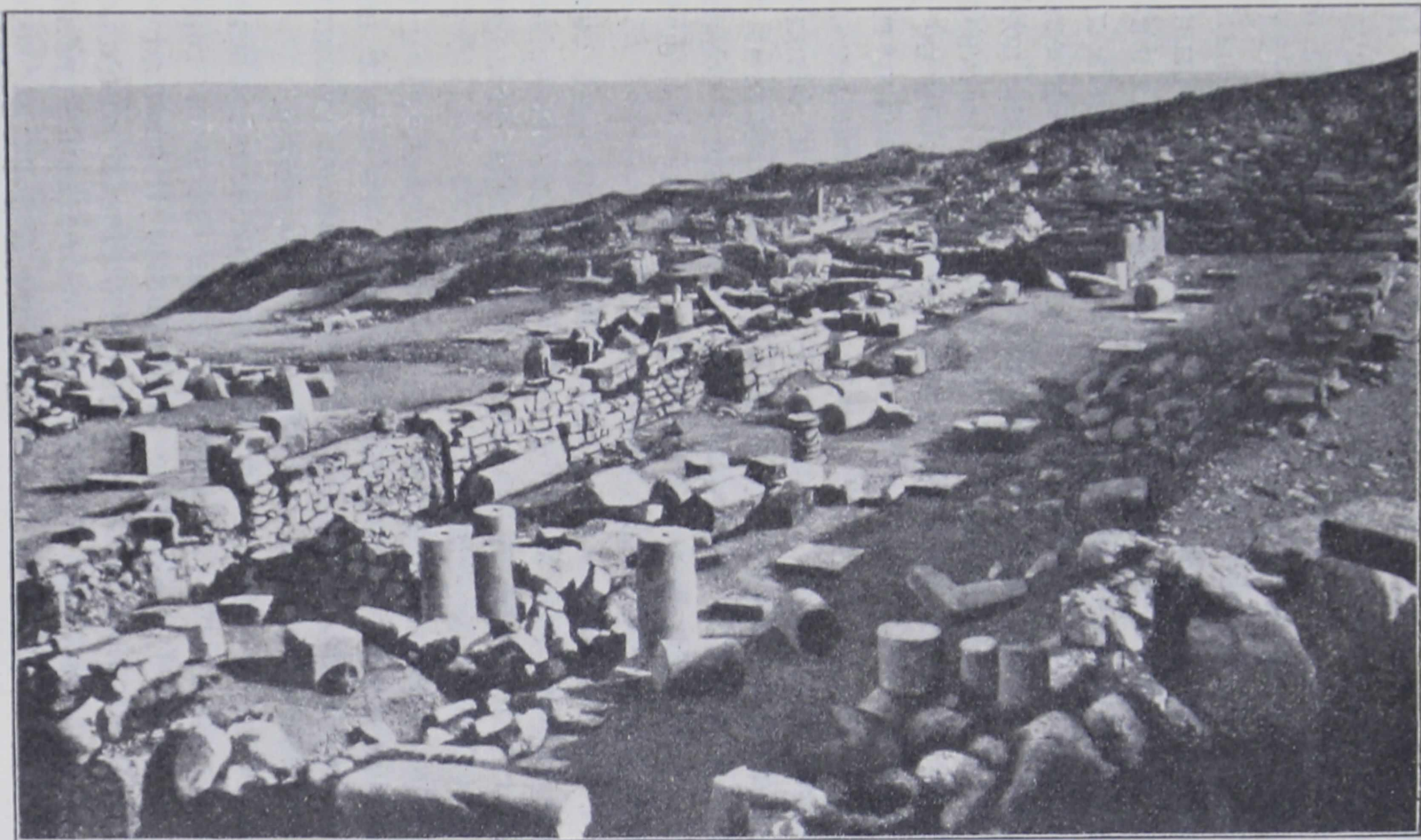
Тогда Титъ Флавій Клитосѣенъ сдѣлалъ торжественное заявленіе въ засѣданіи городскихъ корпорацій, на которомъ обсуждался вопросъ о новой постройкѣ:

„Такъ какъ стоа въ городѣ на рынкѣ совсѣмъ лишена крыши, частью же и ея стѣны и пристройки обрушились, а остальное пришло въ такую ветхость, что грозитъ обваломъ, такъ какъ никто не изъявляетъ готовности исправить зданіе, необходимое для украшенія, удовольствія и величія города, а между тѣмъ нѣтъ другого подобнаго же зданія, то я обѣщаю... по мѣрѣ силъ возобновить, а оставшееся дерево стараго строенія употребить на что-нибудь другое“...

Теперешнее состояніе развалинъ показываетъ, что Клитосѣенъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Съ рынка можно добраться до общественныхъ зданій частью по крутымъ скалистымъ лѣстницамъ и частью по улицамъ, какъ это видно по плану города, тянущагося далеко по горѣ; къ сѣверу отъ рынка, надъ великолѣпной, построенной террасами, стѣной изъ мѣстнаго камня—храмъ Діониса, которому позднѣе пришлось служить культу Птолемеевъ и императоровъ, къ западу отъ рынка—театръ, отъ котораго можно итти дальше по главной улицѣ до крайней западной части города съ храмомъ Аполлона Карнея и гимназіемъ эфебовъ ¹⁾. Если мы повернемъ отъ агоры къ юго-западу, то, пройдя крытый рынокъ, въ которомъ находится хорошо сохранившаяся общественная уборная, мы по скалистой улицѣ между многочисленными частными домами достигнемъ одного изъ замѣчательныхъ святилищъ города, которое вполнѣ характеризуетъ объединеніе греческой и египетской культуры, а именно, святилища Сераписа, Исиды и Анубиса. Въ громадной скалѣ устроено удивительное помѣщеніе. Часть пола высѣчена въ самой скалѣ, другая насыпана и вымощена плитами. Здѣсь внизу собиралась община.

¹⁾ Эфебами назывались юноши, достигнушіе восемнадцати лѣтъ.

Θερα. Αγορα (видъ съ храма Діониса).

Какъ происходило богослуженіе, можно только отчасти догадываться. Быть можетъ, крутая лѣстница на главной стѣнѣ служила для жреца, на которомъ въ культѣ Исиды лежала обязанность показывать вѣрующимъ сосудъ со священной водой Исиды,—сцена, изображенная на одной картинѣ на стѣнѣ Геркуланума. Крыши нѣтъ и слѣда. Въ скалистой стѣнѣ высѣчены разной величины ниши для обѣтныхъ приношеній. Одно изъ нихъ найдено было еще на своемъ мѣстѣ и дало документальныя свѣдѣнія о назначеніи всего помѣщенія. Приношеніе состоитъ изъ двухъ камней, верхній изъ которыхъ снимается и имѣетъ въ срединѣ отверстіе. Въ это отверстіе благочестивые поклонники египетскихъ божествъ бросали свои жертвенные дары. Отверстіе сильно суживается книзу, чтобы не дать возможности какому-нибудь нечестивцу посягнуть на храмовую кассу. На этой „кружкѣ“ для пожертвованій имѣется слѣдующее посвященіе: „Діоклъ и базилисты посвящаютъ божескую кружку Серапису, Исидѣ и Анубису“. Упомянутое базилистовъ,—религіознаго союза въ честь царя,—показываетъ, что тамъ на ряду съ египетскими богами почитали и Птоломея.

Это святилище являлось, несомнѣнно, центромъ значительной иностранной колоніи, которую пришлось пріютить у себя городу Өерѣ съ началомъ господства Птолемеевъ надъ Эгейскимъ моремъ.

Главное мѣстожительство этихъ иностранцевъ и особенно египетскаго гарнизона находилось въ самой высокой части города, которая въ древнія времена отводилась для храмовъ боговъ и для обученія юношества.

Высоко вверху на горѣ видны были два великолѣпныхъ зданія, съ которыхъ открывался видъ на весь городъ. Это—гимназій и помѣщеніе коменданта. О гимназій мы изъ одной надписи узнаемъ, что египетскій комендантъ города со своими офицерами и 210 солдатами приблизительно въ 160 году до Р. Хр. собралъ деньги на возстановленіе зданія. Гарнизону вѣдь нужно было мѣсто для гимнастики и упражненій, а для этого вполне подходилъ имѣвшій въ ширину 17 метровъ, почти квадратный залъ.

Помѣщеніе коменданта представляетъ изъ себя красивый домъ съ большимъ внутреннимъ дворомъ, къ которому вверхъ отъ главной улицы вела собственная улица съ крутыми ступеньками. Даже караульню съ койками, сдѣланными въ скалѣ, можно еще ясно различить.

Тамъ наверху, откуда было легко можно обозрѣвать весь городъ, имѣлъ свою резиденцію и кротко правилъ комендантъ. Повидимому, о поддержаніи внутренняго мира на островѣ ему приходилось гораздо меньше заботиться, чѣмъ о безопасности его жителей, которые часто обязаны были Птоломеямъ спасеніемъ и защитой. Такого рода случай извѣстенъ намъ, по двумъ надписямъ. Адмиралъ Птоломея, Гермафилъ, замѣтилъ съ высокаго пункта города флотилію морскихъ разбойниковъ, которые пристали въ Ойѣ, сѣверной гавани острова, и скоро узналъ, что они атакуютъ деревню Θейю. Поэтому онъ послалъ въ эту гавань своего офицера Гефестія съ войскомъ. Послѣднему удалось разбить разбойниковъ, преслѣдовать ихъ до кораблей и отнять у нихъ часть изъ четырехсотъ захваченныхъ ими плѣнныхъ. Однако большую часть своей добычи пираты увезли въ безопасное мѣсто, повидимому, на Критъ, и вполне возможно, что похищенные—это тѣ самые жители Θеры, о судьбѣ которыхъ въ критскомъ городѣ Алларіи сообщаетъ намъ другая надпись того же времени (III вѣка до Р. Хр.). Согласно этой надписи, съ жителями Θеры три года обращались, какъ съ плѣнными, но затѣмъ имъ предоставлена была ограниченная свобода, и они могли поселиться въ Алларіи, потому что „они не только хорошо знали о всѣхъ разбойничьихъ походахъ жителей Алларіи, но и принимали въ нихъ дѣятельное участіе“. При дѣлежѣ добычи они, конечно, уходили съ пустыми руками и въ душѣ все-таки оставались хорошими еерейцами. Поэтому, когда имъ изъ Θеры предоставлена была возможность въ обмѣнъ на критскихъ плѣнныхъ въ Θерѣ вернуться за денежный выкупъ на родину, они съ радостью согласились на это.

Подобно тому, какъ комендантъ хорошо заботился о городѣ Θерѣ, точно такъ же былъ онъ и кроткимъ началь-

никомъ для своихъ подчиненныхъ, любилъ внѣ службы ласково съ ними обращаться и принимать участіе въ ихъ товарищескихъ собраніяхъ. Такъ поступалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ извѣстныхъ намъ комендантовъ, Ладамъ, сынъ Діонисофана изъ Александріи. Онъ поднялся до своего высокаго поста изъ рядовъ войска, расположеннаго въ Өерѣ, и поэтому проявлялъ къ военному союзу бакхистовъ особенный интересъ и благоволеніе, въ виду чего союзъ преподнесъ ему и всей его семьѣ званіе почетныхъ членовъ.

Жители Өеры, съ своей стороны, тоже были, повидимому, благодарны офицерамъ Птолommeевъ за ихъ дѣятельность, такъ какъ отношенія между гарнизономъ и городомъ были хорошія. Это видно, между прочимъ, изъ того, что одна женщина изъ хорошей, старой, знатной семьи, Тимокрита, сочла нужнымъ въ своемъ завѣщаніи создать въ пользу птолommeевыхъ солдатъ фондъ, изъ котораго имъ ежегодно должны были выдавать 111 птолommeевскихъ драхмъ на жертвы и масло въ опредѣленные праздники.

Но, несмотря на эти хорошія отношенія, все же было налицо стремленіе стараго гордаго аристократическаго общества острова отгородиться отъ чуждыхъ интернаціональныхъ элементовъ. Для этой цѣли оно основало феодальные, замкнутые, семейные клубы, въ которые принимались лишь люди съ безупречнымъ дорійскимъ родословнымъ деревомъ, чистокровные өерейцы. Такъ какъ стремленіе играть роль было въ этихъ клубахъ столь же велико, какъ и ихъ аристократическая обособленность, то у насъ и теперь еще имѣются ихъ записанные на камняхъ документы, и мы можемъ бросить взглядъ на жизнь внутри этихъ союзовъ.

Особенно это относится къ семейному союзу, который учредила Эпиктета около 200-го года до Р. Хр. Онъ объединилъ въ замкнутый кружокъ приблизительно 33 близкихъ родственника учредительницы съ ихъ женами и дѣтьми въ цѣляхъ охраны семейной традиціи. Сходились у Музейона, наслѣдственнаго могильнаго склепа семьи, подь которымъ нужно разумѣть храмоподобное

зданіе, украшенное фризамн съ изображеніями музъ и статуями умершихъ мужа и сыновей Эпиктеты. Музейонъ находился внѣ города и былъ окруженъ садами, которые были столь обширны, что можно было проектировать постройку въ нихъ стои. Тамъ ежегодно собиралась вся семья въ мѣсяцѣ Дельфиній, чтобы устраивать трехдневное празднество съ жертвоприношеніями въ честь музъ и возведенныхъ въ герои предковъ. Понятно, при этомъ происходили веселыя семейныя трапезы, каждый день приносили жертвы и рѣзали скоть, и почетная обязанность угощать милыхъ родственниковъ переходила по очереди ко всѣмъ членамъ семейнаго союза. Младшій, принятый по совершеннолѣтіи, сочленъ долженъ былъ безвозмездно принять на себя на одинъ годъ должность эпименія, на обязанности котораго лежало праздничное угощеніе, на покрытіе же остальныхъ расходовъ учредительница предоставила союзу ежегодную ренту въ 210 драхмъ. Меню на семейныхъ трапезахъ было различное, такъ какъ мудрое правило въ уставѣ союза гласило: „Трапеза должна быть такая, какъ союзъ каждый разъ рѣшить, и на какую сумму онъ рѣшитъ“. Однако главными ея элементами были жаркое изъ жертвенныхъ животныхъ, рыба, сыръ, пироги, хлѣбъ и, кромѣ того, праздничное вино, о которомъ опредѣленно сказано, что его долженъ доставлять эпименій, а также указано, какъ его подавать гостямъ, и притомъ въ надлежащемъ количествѣ. Помимо главнаго праздника, семейный союзъ собирался въ началѣ года на общее собраніе, на немъ замѣщались должности въ союзѣ, изъ которыхъ важнѣйшими были должность эписофа, секретаря, и артита, казначея. При выходѣ же замужъ внучки учредительницы устраивался экстраординарный праздникъ у Музейона, и свадьба праздновалась подъ открытымъ небомъ въ саду, принадлежавшемъ семейному союзу.

Благодаря раскопкамъ мы можемъ заглянуть также и въ частныя жилища еерейскаго общества. Эти жилища тоже приходилось приспособлять къ скалистой почвѣ, на которой построены былъ городъ. Они представляютъ цѣн-

ные образцы эллинистических домовъ и даютъ наглядную картину образа жизни въ Θерѣ, облегчающую поучительное сравненіе съ отношеніями, существовавшими въ Делосѣ, Пріенѣ и Помпеяхъ.

Если, наконецъ, попытаться представить себѣ только что осмотрѣнный древній городъ на скалѣ населеннымъ людьми, нарисовать себѣ ихъ внѣшность, ихъ костюмы, ихъ повседневную жизнь, ихъ нравы и обычаи, то тутъ всегда останется большой просторъ для фантазіи. Однако, къ счастью, планомѣрная энергичная работа тѣхъ, кто открылъ Θеру, оказала дальнѣйшую важную помощь дѣятельности фантазіи благодаря открытію громаднаго кладбища Θеры.

Гдѣ должны были жители Θеры хоронить своихъ покойниковъ? Если они сносили ихъ съ горы внизъ въ равнину у моря, то они были далеко отъ нихъ. Къ тому же плодородная земля внизу на равнинѣ была цѣнна, и приходилось беречь ее. Поэтому для кладбища выбрали негостепріимную мѣстность передъ главными воротами города, склонъ скалистаго хребта Селлады. Какой контрастъ между парками современнаго кладбища и этими могилами! „Со стихійной силой прорывается здѣсь между горами сѣверный вѣтеръ, и жгучіе лучи полуденнаго солнца падаютъ на этотъ пустынный склонъ. Скучная растительность покрываетъ гальки шифера, известняка, пемзы, на которыхъ не растетъ ни одно дерево, ни одинъ кустъ“. И однако здѣсь открыли болѣе ста могилъ въ скалахъ, о которыхъ раньше знали только по отдѣльнымъ черепкамъ и углубленіямъ въ камняхъ.

Могилы относятся къ двумъ далеко другъ отъ друга отстоящимъ эпохамъ, — архаическо-греческой и римской. Гдѣ находилось кладбище исторической эпохи, отъ VI до II вѣка, еще твердо не установлено.

Могилы съ ихъ пестрымъ содержимымъ даютъ намъ вѣрную картину обычаевъ и религіи древнѣйшихъ обитателей города на скалѣ. По нимъ мы можемъ установить всѣ детали похоронъ и основныя идеи культа мертвыхъ въ Θерѣ.

Всѣ могилы — могилы съ сожиганіемъ труповъ, только маленькихъ дѣтей хоронили, не сжигая. И такъ, въ Өерѣ слѣдовали позднѣйшему греческому способу хоронить. Въ древнѣйшую эпоху повсюду господствующимъ обычаемъ было погребеніе умершихъ, и переходъ отъ микенскаго погребенія тѣла къ сожженію произошелъ на малоазіатскомъ побережьѣ, гдѣ о немъ свидѣтельствуя уже гомеровскія поэмы.

Послѣ сожженія трупа на кострѣ кости бережно собирали, завертывали въ полотно и клали въ урну. Такъ было при похоронахъ Гектора и Патрокла, такъ поступали и въ Өерѣ. Даже остатки такого полотна можно ясно различить въ одной могилѣ. Пепель собирали во всякаго рода имѣвшіеся подъ рукой глиняные сосуды, горшки и удлиненные глиняные ящики. Какъ разъ хорошіе образцы послѣднихъ найдены были въ Өерѣ, и они наглядно показываютъ, изъ какихъ простыхъ элементовъ развился саркофагъ. Они приготавливались изъ легко поддающагося обработкѣ сѣраго вулканическаго туфа, находившагося на островѣ, и въ простѣйшей своей формѣ являлись подражаніемъ деревяннымъ ящикамъ. Урнами, смотря по положенію умершаго, служили или великолѣпные, высокою въ метръ, сосуды для припасовъ съ красивыми украшеніями, или же маленькія амфоры и горшки, служившіе для повседневнаго употребленія: „напримѣръ, одна бѣдная мать изъ Өеры втиснула своего дорогого покойника въ небольшой печной горшокъ и такъ похоронила его“. Крышкой для урны съ пепломъ служилъ камень, черепокъ или тарелка, или кухонная чашка, главную же защиту должна была составлять сама могила.

Формы могилъ разнообразны. Самый простой способъ былъ закапывать урну съ пепломъ въ землю на глубинѣ до 2 метровъ. Если хотѣли лучше защитить урну, то могилу обкладывали каменными плитками и урну укладывали также въ камни. Но были и большія могильныя помѣщенія, могильныя камеры, которыя вырубали въ скалахъ или даже складывали изъ каменныхъ плитъ, и которыя должны были служить гробницей для цѣлаго рода или семьи.

Можно получить также понятие и о томъ, что представляло изъ себя еерейское кладбище по своему внѣшнему виду. На одной могилѣ сохранились защищенныя окружающими скалами каменные плиты, которыя образовывали облицовку. Она представляетъ изъ себя какъ бы настоящую мостовую. На самой большой, плашмя положенной на могилу плитѣ изъ туфа обычно писали имя умершаго. На ряду съ этими, наиболѣе простыми, лежащими надгробными камнями и болѣе извѣстными высокими надгробными стѣлами съ именемъ покойника найдено было на кладбищѣ еще много маленькихъ столовъ. Они сдѣланы изъ вулканическаго туфа. Къ прямоугольной доскѣ придѣланы три короткія ножки, на одной изъ боковыхъ поверхностей находится часто имя умершаго. И такіе столы ставились на могилѣ и предназначены были для того, чтобы ставить на нихъ приношенія для умершихъ. Это обѣденный столъ умершихъ, которые для своего благополучія нуждались въ постоянной пищѣ и питьѣ. Вѣдь дорогого покойника охотнѣе всего представляютъ за праздничнымъ пиршествомъ, какъ онъ выведенъ на столъ многочисленныхъ впослѣдствіи рельефныхъ изображеніяхъ пиршества мертвецовъ, часто вмѣстѣ съ его семьей. И содержимое могилъ со всѣми ихъ принадлежностями показываетъ, что умершему старались дать въ могилу все, что только могло казаться для него необходимымъ. Священной обязанностью родственниковъ было такъ снарядить покойника, чтобы у него ни въ чемъ не было недостатка, — обязанность, „къ которой, какъ извѣстно, египтяне относились такъ серьезно, что они клали умершему въ могилу всю домашнюю утварь; а то, чего ему нельзя было дать съ собой, какъ, напр., его скоть, его поля, его полныя закрома,—то они рисовали и записывали для него, по крайней мѣрѣ, на стѣнѣ могилы“. Приношенія умершимъ были разнообразны также и въ Өерѣ. Дѣйствительно, напрасно было бы искать цѣнныхъ вещей. Ихъ тогда уже не клали въ могилы, какъ въ древнѣйшую эпоху. Но благодаря крайнему своему разнообразію еерейскіе могиль-

ные сосуды и другія находки могли бы наполнить великолѣпный музей.

На первомъ планѣ выступаетъ у мертвецовъ посуда для ежедневнаго употребленія, кубки, чаши, кувшины, тарелки и миски.

Рядомъ съ простыми извѣстными кубками изъ грубой глины, — домашней посудой бѣднаго человѣка, — интересно увидѣть изящно сдѣланные сосуды для питья знатныхъ людей, иногда обнаруживающіе свое иностранное происхожденіе. Имѣются даже дѣтскіе рожки для молока, отверстіе которыхъ весьма практично запиралось ситочкой, чтобы туда не втягивалась кожа.

Многочисленны въ могилахъ сосуды для мазей, флаконы для масла и духовъ, чашечки для косметическихъ средствъ, которые должны были служить покойникамъ для ухода за своимъ тѣломъ. Они уже указываютъ на развитіе роскоши, потому что всѣ они были ввезены изъ-за границы, вѣроятно, въ качествѣ упаковки содержавшихся въ нихъ мазей и благовоній.

Печные горшки, ведра, кратеры дополняли домашнюю утварь. Не забыто было и умываніе. Въ одномъ углу могилы стояла наполненная и хорошо запертая гидрія, изъ которой покойникъ могъ наливать себѣ воду въ маленькія, плоскія умывальныя чашки.

Совершенно отсутствовало оружіе, что свидѣтельствуешь, пожалуй, о томъ, что въ VI вѣкѣ въ Өерѣ уже не существовало обыкновенія носить оружіе.

Въ могилахъ найдены также искусственныя яйца и фрукты, равно какъ и дѣтскія игрушки, астрагалы ¹⁾, игральныя кости и зеленоватые игральные камушки изъ стекла, а быть можетъ, даже дѣтская погремушка.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще терракотовыя фи-

¹⁾ Астрагалы—особаго вида игральныя кости. 2 стороны ихъ были круглыми и 4 плоскими съ точками. Бросали при игрѣ сразу четыре астрагала. Если выпадали сразу 1, 3, 4 и 6 очковъ, то это называлось „Афродита“ или „Геракль“ и считалось лучшимъ ударомъ. Самымъ плохимъ ударомъ считалось выкинуть на всѣхъ костяхъ по одному очку; такой ударъ назывался „собака“.

Прим. ред.

гуры, также предназначенныя для пользованія покойника или для сопровожденія его. „Онѣ повсюду въ Греціи воплощаютъ ту мысль, что изображеніе можетъ замѣнить самый предметъ. Человѣческія фигурки, которыя мы находимъ въ могилахъ, это — свита покойника. Тутъ женщины, которыя пекутъ ему хлѣбъ, парикмахеръ, заботящійся объ украшеніи его, дѣвушки и юноши, улаждающіе его музыкой или танцами“. Такъ и въ Феры. Здѣсь и плакальщицы, — похоронный кортежъ, который совершаетъ обрядъ оплакиванія покойника и будетъ его и впредь совершать, далѣе—изображенія боговъ и разнаго рода животныхъ (лошадь, осель, свинья, козель, утка, баранъ).

Находки же во всей ихъ совокупности, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ можно теперь видѣть въ прекрасномъ музеѣ города Феры, показываютъ намъ трогательную картину, какъ жители Феры снова и снова спускались въ свой городъ мертвыхъ и ставили на дорогія могилы множество приношеній, какъ никогда не умирала у нихъ вѣра въ мертвыхъ и культъ могиль.

III. Пергамъ.

Съ острова Феры отправимся на побережье Малой Азіи, въ другія знаменитыя мѣста, открытыя благодаря раскопкамъ, и прежде всего посѣтимъ древній Пергамъ.

Пергамъ извѣстенъ каждому образованному человѣку, какъ мѣсто, гдѣ найдены были тѣ великолѣпныя художественныя произведенія съ алтаря Зевса, которыя составляютъ теперь лучшее украшеніе Пергамскаго музея въ Берлинѣ. Но Пергамъ даетъ намъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ обогащеніе исторіи искусства этими находками, о высокомъ значеніи которыхъ намъ здѣсь не мѣсто говорить. Онъ — образецъ эллинистическаго города-резиденціи, подобнаго которому нигдѣ больше нѣтъ. Здѣсь насъ интересуеть Пергамъ въ цѣломъ, а не отдѣльныя великолѣпныя произведенія архитектуры. Теперь

конечная цѣль роскопки, послѣ того какъ тамъ работали столько лѣтъ, это—открыть и ознакомиться съ городомъ, какъ единымъ цѣлымъ,—цѣль, къ которой настойчиво стремился всегда человѣкъ, съ именемъ котораго навѣки связана исторія открытія царскаго города, именно Александръ Конце, и для достиженія которой теперь работаетъ съ нимъ Дёрпфельдъ.

Городъ Пергамъ, благодаря щедротамъ его царей, въ сравнительно короткое время превратился изъ маленькой горной крѣпости, газофилакіона или фруріона ¹⁾, въ монументальный царскій городъ „Гора, на которой расположена была крѣпость, круто обрывается съ двухъ сторонъ къ рѣчнымъ русламъ, между которыхъ она какъ бы мысомъ вдается въ долину Кайка, круто также обрывается къ значительно болѣе низкой сѣдловинѣ, соединяющей ее съ сѣвернымъ хребтомъ; лишь на югъ она спускается постепенно, но все же довольно таки круто. Только самую высокую ея вершину занимала древнѣйшая крѣпость“ (Кёппъ). Развитие города при его любящихъ искусство царяхъ шло такимъ образомъ, что дома подданныхъ все дальше оттѣснялись отъ вершины горы книзу дворцомъ царствующаго дома и храмами боговъ. Такъ Пергамъ распался на собственно обитаемый городъ внизу и монументальный городъ наверху, на горѣ. Многократное расширеніе стѣнъ, окружавшихъ кольцомъ городъ, стоитъ въ тѣсной связи съ быстрымъ его ростомъ; самая большая стѣна, именно—царя Евмена II, охватывала всю гору, занятую городомъ, включая и ея крутые склоны.

Единственной дорогой къ верхнему городу, который мы собираемся бѣгло обозрѣть, была идущая вверхъ по крутой горѣ чрезвычайно извилистая главная улица. Она перерѣзывала на двѣ части центръ стараго города, агору. Въ срединѣ верхней террасы рынка поднималось, господ-

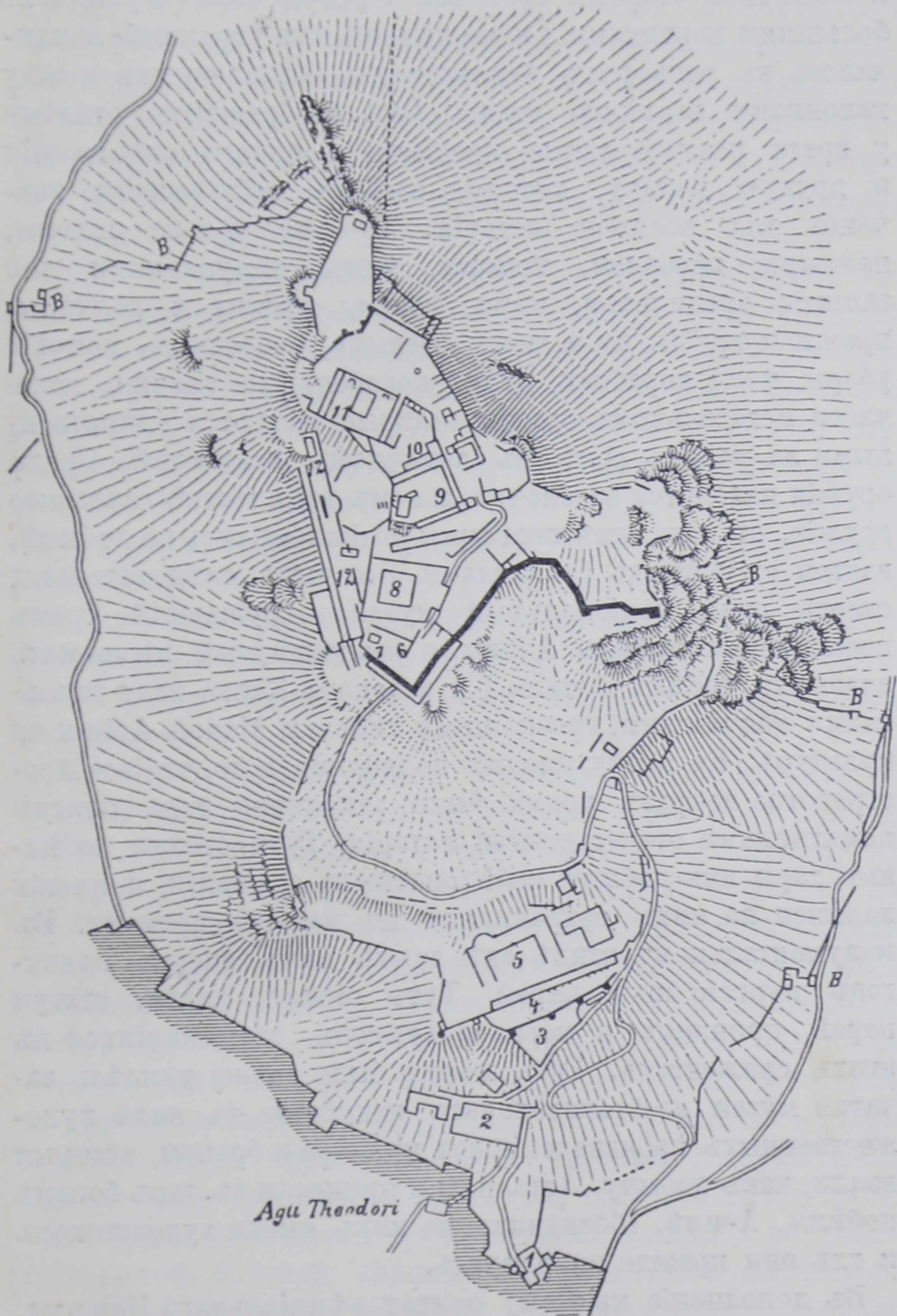
¹⁾ Непонятно, почему Цибартъ употребилъ слово газофилакіонъ (τὸ γαζοφυλάκιον), что значитъ сокровищница, казнохранилище. Фруріонъ — это небольшое укрѣпленіе, вѣрнѣе даже—сторожевой постъ.

ствуя надъ всѣмъ, громадное великолѣпное сооруженіе алтаря Зевса, отъ котораго на прежнемъ мѣстѣ остались теперь одинъ только фундаментъ, да нѣкоторыя ступеньки, тогда какъ самый алтарь, это удивительное произведеніе архитектуры съ его знаменитыми рельефами—битвой гигантовъ—реконструированъ въ Пергамскомъ музеѣ въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, раскопки начались съ открытіемъ рельефовъ алтаря, громадныя плиты которыхъ намъ сохранилъ счастливый случай, такъ какъ онѣ пошли на постройку одной византійской стѣны.

Тамъ наверху пергамцы сидѣли подъ грѣющими лучами зимняго солнца и радовались гордому положенію своего города. Дѣйствительно, у самага алтаря найдена была мраморная скамья, на которой высѣчены были 22 имени въ родительномъ падежѣ, притомъ такъ отчетливо и красиво, что думали, не увѣковѣчили ли сами себя каменнотесы, работавшіе на постройкѣ алтаря. На нижней террасѣ рынка стояли также оригинальные часы—Гермесъ съ рогомъ изобилія, изъ котораго черезъ опредѣленные промежутки текла вода, что служило указаніемъ времени, установленнаго для посѣщенія и пользованія рынкомъ. Какъ и всѣ общественные колодцы города, эти часы питались водой при помощи нагнетательнаго насоса, гнавшего по свинцовымъ трубамъ воду на самую вершину горы. Канцелярія рыночной полиціи, агораномовъ, находилась также здѣсь, для торговли же служили галереи нижней террасы.

Если поднимались дальше вверхъ по главной улицѣ, то черезъ ворота крѣпости попадали въ собственно акрополь. Здѣсь на большой террасѣ поднимался далеко видимый съ равнины храмъ Аѳины, древнѣйшее изъ всѣхъ сохранившихся зданій Пергама, дорическій периптеръ ¹⁾ изъ сѣро-бураго трахита съ десятью колоннами по продольнымъ стѣнамъ и съ шестью по фасаду, совершенно безъ скульптурныхъ украшеній на фронтонахъ. На сѣверной

¹⁾ Периптеромъ называется зданіе, окруженное рядомъ колоннъ. Почти всѣ храмы грековъ поэтому представляютъ изъ себя периптеры.

Планъ Пергама. 1. Главныя ворота. 2. Нижній рынокъ. 3—5. Террасы гимназія. 6. Рынокъ. 7. Храмъ Діониса. 8. Алтарь Зевса. 9. Терраса храма Аѳины. 10. Библіотека. 11. Храмъ Траяна. 12. Терраса театра. В.—Ворота.

и восточной сторонѣ храмовая терраса была ограничена большими портиками. Самое лучшее ихъ украшеніе заключалось въ рельефахъ баллюстрады, вставленныхъ между колоннами верхняго этажа. Они изображаютъ отнятые у врага разнообразныя предметы военнаго снаряженія и другую добычу, которые имѣютъ выдающееся значеніе для военной исторіи. Это не только шлемы, панцыри, перевязи, поножи, щиты, нарукавники для защиты предплечья, мечи, копья, стрѣлы и колчаны, пращи и трубы, но и части боевыхъ колесницъ, конскіе уборы, носы кораблей, рули, корабельныя значки, даже части метательныхъ орудій, которыя являются единственными въ своемъ родѣ въ античномъ искусствѣ. Среди оружія находится въ значительномъ количествѣ галльское оружіе, съ которымъ пергамцы познакомились по добычѣ, взятой въ битвахъ съ галлами. Это было, слѣдовательно, своего рода національный музей, окружавшій храмъ посылающей побѣды Аѣины и воздвигнутый въ память славныхъ побѣдъ Аттала I у истоковъ Кайка надъ галльскими полчищами, грозившими гибелью Малой Азіи и ея культурѣ. Къ этому вполне подходитъ и то, что все пространство вокругъ храма было заполнено горделивыми памятниками отечественной исторіи. Тутъ стояли побѣдные дары изъ добычи побѣдоносныхъ сраженій, и многія надписи на нихъ сохранились до нашего времени. Въ монументальномъ стилѣ онѣ даютъ намъ очеркъ подвиговъ пергамскихъ царей. Тутъ стояли, далѣе, статуи царей, принцевъ и военачальниковъ, отличившихся въ этихъ сраженіяхъ. Тутъ можно было также увидѣть зачатки музея изобразительнаго искусства въ видѣ художественныхъ произведеній изъ мрамора и бронзы, которыя взяли, какъ добычу, Атталиды и принесли въ даръ богинѣ побѣды, Аѣинѣ, обозначивъ на нихъ имена художниковъ и гдѣ они прежде находились.

Въ дополненіе къ этому центру официальнаго Пергама, въ связи съ сѣверной галереей террасы Аѣины, Александръ Конце открылъ также зданіе, которое всегда составляло особую славу Атталидовъ: пергамскую би-

бліотеку. Въ четырехъ большихъ залахъ на каменныхъ цоколяхъ у стѣнъ поставлены были деревянныя полки, на которыхъ лежали книги и рукописныя свитки. Въ срединѣ главной залы еще теперь находится пьедесталь, на которомъ когда-то стояла колоссальная статуя Аѳины. Въ бібліотеку входили черезъ дверь изъ верхняго этажа сѣверной галереи.

Если съ террасы Аѳины подняться далѣе на самый высокій пунктъ крѣпости, то тамъ наверху мы увидимъ возведенную на развалинахъ греческой эпохи великолѣпную постройку эпохи римской имперіи, храмъ Траяна, сверкающее далеко на солнцѣ мраморное зданіе, со ступенекъ котораго виденъ весь монументальный царскій городъ. Можно различить и общій планъ дворца Атталидовъ, „онъ былъ, въ сущности, не болѣе, какъ замѣчательный частный домъ съ нѣсколькими парадными залами“. Непосредственно подъ собой видишь узкую, болѣе 200 метровъ въ длину, террасу театра, которая тянется подъ агорой и храмомъ Аѳины до скаль подъ акрополемъ.

Покинувъ террасу театра, мы покидаемъ и верхній городъ и возвращаемся въ собственно обитаемый городъ. Послѣдній представляетъ самостоятельный городъ, въ который, идя снизу, мы входимъ черезъ открытыя въ 1900 году Дёрпфельдомъ южныя ворота (см. планъ, 1). Такъ какъ они характерны для эллинистическаго города, то и мы пойдемъ черезъ нихъ. Черезъ входныя ворота мы вступаемъ въ четырехугольный главный дворъ; здѣсь мы видимъ рядъ великолѣпныхъ столбовъ, позади которыхъ, по предположенію Дёрпфельда, билъ фонтанъ, и оставляемъ дворъ черезъ выходныя ворота, которыя — что удивительно — находятся на той же сторонѣ, гдѣ и входныя. Пѣшеходы могли пользоваться для входа во дворъ небольшой боковой калиткой. Ворота были защищены большими угловыми башнями. Проѣзжая дорога особенно хорошо сохранилась въ воротахъ. Она вымощена большими трахитовыми плитами; подъ ними проложены многочисленныя водопроводныя глиняныя трубы; онѣ идутъ

къ колодцу у воротъ и къ римскому нижнему городу. Въ одномъ мѣстѣ лежатъ рядомъ не менѣе одиннадцати трубъ, а подъ ними устроены бѣльшіе каналы для грязной воды. Можно еще хорошо различить и колеи на каменной мостовой. Створки воротъ были обиты металломъ.

Отъ южныхъ воротъ мы опять по главной улицѣ идемъ вверхъ; свернувъ съ нея, мы можемъ посѣтить отдѣльныя террасы, на которыхъ сосредоточивалась городская жизнь, но можемъ также заглянуть и въ многочисленныя, большей частью еще не откопанныя переулки и лѣстницы, прорѣзывающіе узкій и извилистый нижній городъ. Если здѣсь пока еще только съ помощью фантазіи можно нарисовать себѣ картину народной жизни въ узкихъ горныхъ улицахъ, то все же фантазія находитъ для этого сильную поддержку въ документахъ. Впечатлѣніе благоустроенности, которое царскій городъ производитъ всюду въ открытыхъ раскопками частяхъ своихъ, еще усиливается, когда мы читаемъ на камняхъ, какъ цари заботились о малѣйшихъ деталяхъ городского управленія и издали полицейскій законъ, какого нѣтъ ни въ одномъ современномъ городѣ на югѣ. Полиція добросовѣстно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы частныя лица не занимали или не застраивали улицъ въ городѣ и внѣ его. Точно предписана ширина большихъ дорогъ (20 локтей) и полевыхъ дорогъ (8 локтей), твердо регламентирована обязанность гражданъ, живущихъ по сторонамъ улицы, чистить ее и поддерживать въ порядкѣ. Кто загрязнилъ улицы свалкой мусора и навоза, долженъ былъ вычистить ихъ на свой счетъ; въ случаѣ же его отказа астиномы, — полиція, — сдавали эту работу съ подряда, а стоимость ея вмѣстѣ съ денежнымъ штрафомъ взыскивалась съ виновнаго. Еще хуже было, — а это, повидимому, происходило чаще, — если кто по случаю новой постройки пользовался улицей для того, чтобы бить на ней камень, мѣсить глину, дѣлать кирпичи или даже копать землю и устраивать жолоба для стока воды. Каждая такая попытка обходилась въ 5 драхмъ штрафа, къ этому присоединялись еще, при устройствѣ жолобовъ, расходы по отводу воды въ

подземные каналы; въ случаѣ необходимости полиція заставляла производить работы принудительнымъ путемъ. Сосѣди несли также общую отвѣтственность за очистку улицъ отъ навоза и грязи, и поэтому они обычно за общій счетъ сдавали съ торговъ работу по очисткѣ ихъ.

Еще важнѣе для общественнаго здравія, чѣмъ охрана улицъ, была охрана колодцевъ и водопровода. Всякому, кто посѣщаетъ современный греческій провинціальный городъ, знакома милая картина, которая въ большинствѣ случаевъ открывается передъ его глазами у городскихъ воротъ. Тѣсной толпой стоятъ женщины и дѣвушки города въ своихъ живописныхъ костюмахъ у колодца передъ воротами, являющагося по большей части самымъ большимъ резервуаромъ въ городѣ, и стираютъ одежду, болтая за работой. Въ Пергамѣ о такомъ употребленіи городского водопровода были иного мнѣнія: „Никому не дозволяется въ общественномъ колодцѣ поить свой скоть, мыть свою одежду, полоскать свою посуду, и вообще что бы то ни было“. Кого уличали въ этомъ, тотъ терялъ, если онъ былъ свободный человѣкъ, скоть, одежду или посуду и платилъ 50 драхмъ штрафа; если то былъ рабъ и дѣйствовалъ по порученію своего господина, то у него также отнимали скоть, одежду или посуду, къ тому же онъ получалъ, закованный въ шейную колодку, еще 50 ударовъ, которые доходили и до 100; наказаніе усиливалось заковываніями на десять дней въ колодку и еще 50-ью ударами передъ освобожденіемъ, если рабъ дѣйствовалъ за собственный страхъ. О такихъ случаяхъ загрязненія колодца каждый обязанъ былъ доносить и получалъ за это въ видѣ награды половину штрафныхъ денегъ, тогда какъ вторая половина шла въ пользу святилища нимфъ. Цистерны и водохранилища въ частныхъ домахъ также подлежали полицейскому надзору, велся даже списокъ всѣмъ такимъ водохранилищамъ, и домовладѣльцы обязаны были снабдить ихъ крышками и слѣдить, чтобы въ нихъ не попадалъ соръ, въ противномъ случаѣ закономъ предписывалось немедленно вычистить ихъ подъ угрозой штрафа въ 100 драхмъ; все это были мѣры, которыя

должны были дать самые благіе результаты, особенно въ случаѣ осады города на горѣ.

Наконецъ, на полицію возложенъ былъ надзоръ за стѣнами домовъ, скученныхъ на крутомъ склонѣ горы. Точно установлено было, въ какой долѣ должны были сосѣди заботиться о ремонтѣ; вообще полиціей, надзирающей за постройками, изданы были точныя постановленія о смежныхъ постройкахъ, о проходахъ между сосѣдними владѣніями, о свободномъ проходѣ черезъ землю сосѣда. Особенно требовали урегулированія закономъ юридическія отношенія между выше стоящимъ и смежнымъ ниже стоящимъ домомъ,—что было всеобщимъ явленіемъ въ Пергамѣ,—такъ какъ жившій ниже легко могъ пострадать отъ сырости стѣны на склонѣ горы. Онъ былъ защищенъ правомъ проложить отдѣльный проходъ шириной въ локоть, по которому можно было ходить въ домъ. Было также запрещено вырывать ямы, ставить бочки и разводить растенія у общей съ сосѣднимъ домомъ стѣны, такъ какъ это могло бы ее повредить.

Если эти постановленія закона позволяютъ намъ заглянуть въ частные дома гражданъ Пергама и видѣть, какъ послѣдніе ссорятся съ милыми сосѣдями, какъ они пытаются воспользоваться улицами въ собственныхъ цѣляхъ, какъ полицейскій служитель со спискомъ подмышкой входитъ въ дома съ цѣлью осмотра цистернъ или общихъ стѣнъ, то законъ о рынкахъ римской эпохи развертываетъ предъ нами еще болѣе наглядную картину городской жизни.

Въ нижнемъ городѣ также имѣлся рынокъ, гдѣ продавались предметы первой необходимости. Къ нему прямо отъ главной улицы вела открытая лѣстница. Рынокъ этотъ представлялъ красивый открытый дворъ въ 34×64 метра, который со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ портиками въ два яруса. Къ нимъ кругомъ примыкала линія лавокъ, магазиновъ и мастерскихъ; ихъ на планѣ Дёрпфельда можно насчитать не менѣе 44. Эти лавки и мастерскія, называвшіяся эргастеріями, сдавались въ аренду частнымъ лицамъ, и арендная плата составляла твердый

доходъ такого общественнаго учрежденія. Точно такъ же и большинство греческихъ храмовъ занималось сдачей въ аренду такихъ лавокъ, и среди статей дохода одного храма въ Пергамѣ значится плата за эргастеріи, построенныя однимъ набожнымъ благотворителемъ. Комнаты отчасти такъ хорошо сохранились, что при помощи новой крыши и придѣланныхъ деревянныхъ дверей оказалось возможнымъ три изъ нихъ сдѣлать снова годными къ пользованію и устроить въ нихъ музей для менѣ цѣнныхъ находокъ. Самый дворъ вымощенъ плитами изъ трахита. На этомъ дворѣ кипѣла рыночная жизнь Пергама во всей ея пестротѣ и разнообразіи. Въ лавкахъ сидѣли ремесленники, лавки которыхъ были въ то же время и мастерскими, мелкіе торговцы, рыбники, благодаря близости моря игравшіе въ Пергамѣ такую же большую роль, какъ и въ Аѣинахъ. За прилавками ихъ толпились покупатели изъ всего города,—шумная, пестрая, крикливая толпа. У агораномовъ, городской полиціи, была канцелярія и на нижнемъ рынкѣ, ибо развѣ могла базарная жизнь въ большомъ оживленномъ городѣ протекать безъ брани и споровъ? Быть можетъ, къ этой канцеляріи принадлежали два найденные въ комнатахъ рынка дара, поднесенные агораномами Гермесу, покровителю рынковъ и торговли. Картина рынка была бы не полна, если бы на немъ не было бы, какъ и теперь въ Смирнѣ, Аѣинахъ или Константинополѣ, столиковъ мѣняль, которые должны были облегчать большой торговый оборотъ размѣномъ крупныхъ денегъ на мелочь здѣсь же на рынкѣ.

Въ Пергамѣ, какъ и во многихъ другихъ греческихъ городахъ, банкирское дѣло было монополіей государства. Только мѣняла, получившіе отъ него концессию, могли открыть свои лавки на рынкѣ, разумѣется, за извѣстную плату, такъ что лажъ при размѣнѣ денегъ тоже служилъ источникомъ дохода для государства. Такимъ образомъ покупатели совершенно не могли обойтись безъ этихъ мѣняль, если они не носили съ собой большого, полнаго мѣдной монеты кошелька, совершенно такъ же, какъ теперь путешествующій въ глубинѣ Малой

Азіи долженъ возить съ собой большую сумку съ піастрами для покрытія своихъ ежедневныхъ расходовъ, если онъ не желаетъ постоянно терять при размѣнѣ турецкаго золота. Разумѣется, при этомъ дѣло не могло обойтись безъ обмана со стороны мѣняль или даже безъ нарушенія банковской монополіи. И посягательства банкировъ на карманы публики приняли въ Пергамѣ въ эпоху римскихъ императоровъ такіе размѣры, что императоръ Адріанъ, по жалобѣ пергамцевъ, издалъ новые указы о денежномъ и торговомъ оборотѣ, которые были высѣчены на камнѣ и выставлены ко всеобщему свѣдѣнію. Твердо установленнымъ принципомъ въ банкирскомъ дѣлѣ было, что банкиры должны продавать серебряный динарій, всеобщую имперскую монету, за 18 ассовъ и покупать его за 17 ассовъ. Такимъ образомъ при размѣнѣ провинціальной мѣдной монеты они уже на сумму въ 32 копейки на наши деньги зарабатывали въ видѣ лажа одинъ ассъ, около 2 копеекъ. Покупающая публика старалась поэтому по возможности избавиться отъ ига мѣняль слѣдующимъ путемъ: или отдѣльное лицо закупало на рынкѣ оптомъ на нѣкоторое количество серебряныхъ динаріевъ, или нѣсколько семействъ соединялись вмѣстѣ, сообща покупали рыбу и опять-таки расплачивались серебромъ. Въ отвѣтъ на это вліятельные банкиры, съ помощью, конечно, городской полиціи, провели постановленіе, что съ каждаго уплаченнаго на рынкѣ динарія, — безразлично, данъ ли онъ серебромъ или мѣдью, — долженъ быть уплаченъ размѣнный лажъ въ одинъ ассъ. Рыботорговцы же, разумѣется, переложили этотъ неслыханный налогъ на покупателей. Противъ этого изъ ряда вонъ выходящаго злоупотребленія и направленъ указъ императора, напоминающій, что старое пергамское постановленіе о мѣняльномъ дѣлѣ имѣло въ виду занимающихся этой професіей, а не покупающую публику, которую, такимъ образомъ, императоръ хочетъ защитить. Въ связи же съ этимъ затронуть былъ вопросъ и о другихъ злоупотребленіяхъ, бросающихъ подозрительный свѣтъ на многіе дѣловые обычаи въ Пергамѣ. Именно, мѣняла

обычно принимали стертую или попорченную серебряную монету только за нѣкоторый лажъ, отъ чего опять-таки особенно страдали рыботорговцы, которымъ приходилось имѣть дѣло съ грошами бѣднаго человѣка. Да и вообще мѣняла имѣли обыкновеніе подъ различными предлогами присчитывать себѣ особые „на чай“. Въ многочисленные годовые праздники, на примѣръ, они брали болѣе высокій лажъ за размѣнъ, а въ мѣсяцѣ Гипербететѣ, послѣднемъ въ году, они заставляли многихъ торговцевъ вносить имъ за разныя нарушенія закона о размѣнѣ своего рода плату за молчаніе; она на пергамскомъ биржевомъ языкѣ носила характерное названіе „деньги для Гермеса, покровителя воровъ“. Императоръ безъ всякаго снисхожденія выступаетъ и противъ этихъ злоупотребленій, онъ ограничиваетъ также право наложенія ареста на имущество неисправныхъ должниковъ.

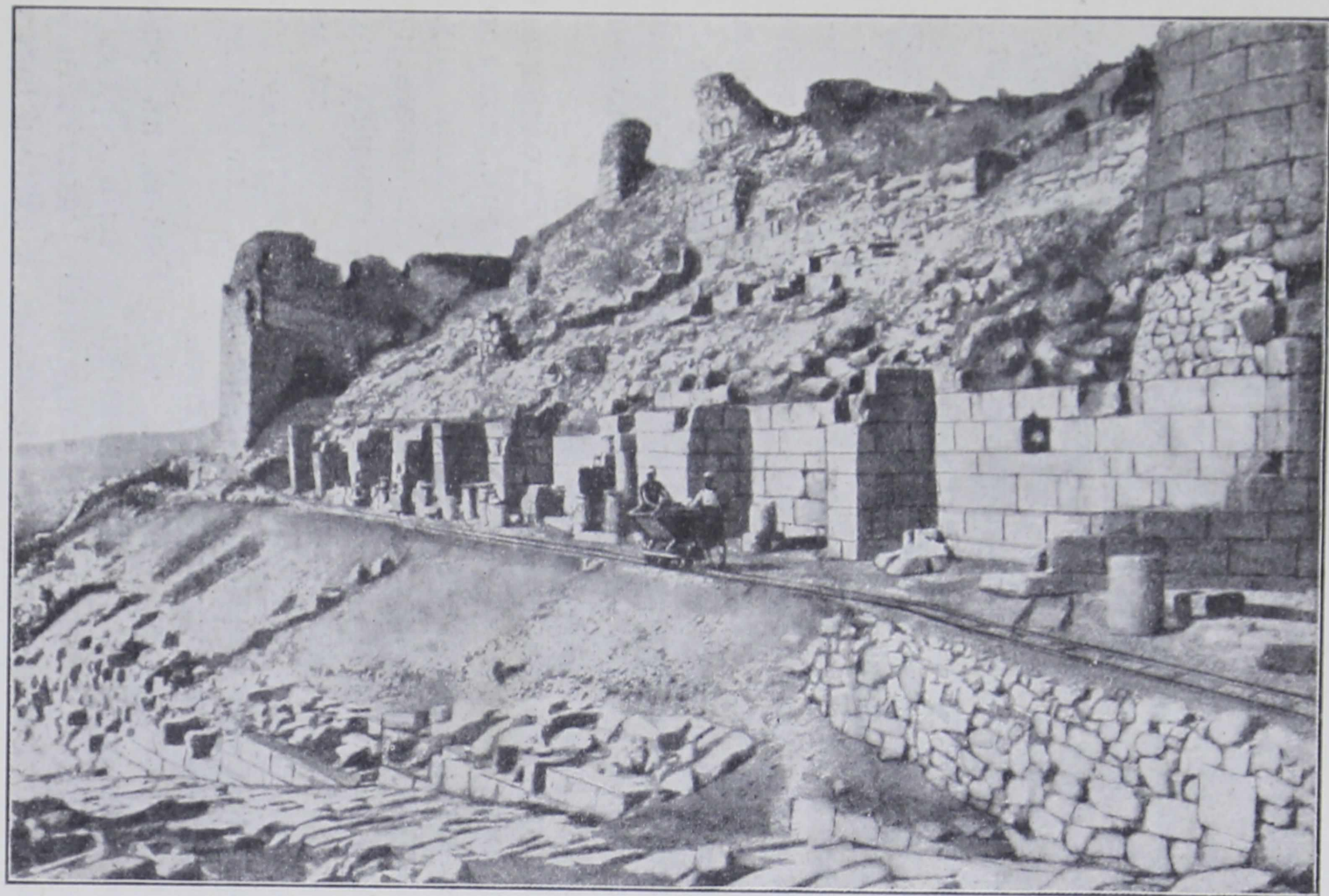
Всякій, кого въ современномъ Константинополѣ или Смирнѣ непріятно поражало, когда при уплатѣ пошлинъ за проходъ черезъ мостъ въ Стамбулѣ или при покупкѣ парходнаго билета въ 10 копеекъ съ него еще взыскивали совершенно несоразмѣрный налогъ за размѣнъ, или когда мѣняла отказывался принять продырявленную двухпіастровую монету, тотъ найдетъ, что рыночная жизнь Пергама изображена чрезвычайно наглядно въ императорскомъ указѣ, и что здѣсь все это уже нѣкогда существовало.

Оставимъ нижній рынокъ и вернемся еще разъ на главную улицу. Послѣ нѣсколькихъ минутъ восхожденія мы очутимся непосредственно у высокихъ башенъ средне-вѣковой крѣпостной стѣны передъ монументальнымъ городскимъ фонтаномъ императорской эпохи съ его великолѣпнымъ бассейномъ въ 21 метръ длины и 3,15 метровъ ширины. Къ нему подходили спереди и доставали воду черезъ каменную ограду. Сохранившіеся два камня имѣютъ еще полукруглыя углубленія, которыя образовались при вытаскиваніи наполненныхъ водой амфоръ. Надъ фонтаномъ подымалась крыша, которую поддерживали 12 круглыхъ колоннъ и много полуколоннъ.

Фонтанъ расположенъ былъ въ очень удачномъ мѣстѣ, потому что непосредственно близъ него находился входъ въ школы Пергама,—три другъ надъ другомъ расположенныя террасы, на которыхъ происходило все обученіе молодыхъ пергамцевъ.

Войдя въ круглый портикъ, мы увидимъ налѣво входъ на нижнюю террасу, а справа—лѣстницу, ведущую на среднюю террасу и представляющую прекрасный образецъ покрытой сводомъ греческой витой лѣстницы. По ней, слѣдовательно, ежедневно поднималась наверхъ пергамская молодежь, и мы послѣдуемъ за ней, чтобы взглянуть на школьныя помѣщенія. Прежде всего мы попадаемъ въ гимназій мальчиковъ, въ низшую школу, какъ мы еще и теперь говоримъ. Это—большая трехугольная площадка, раздѣленная поперечной стѣной на двѣ части. Мы не должны ожидать, что найдемъ здѣсь много классныхъ комнатъ: вѣдь ученіе большей частью происходило на открытомъ воздухѣ. Къ тому же южная часть этой террасы обвалилась вслѣдствіе сильнаго разрушенія ея опорныхъ стѣнъ. Сѣверная часть однако лучше сохранилась. Здѣсь въ скалистой стѣнѣ можно еще различить одиннадцать нишъ. Въ нихъ стояли скамьи для отдыха въ тѣни во время перерывовъ. Объ украшеніи нишъ обычно заботились разумнымъ образомъ сами школьники, что видно еще и теперь въ двѣнадцатой нишѣ. Въ ней стояла мраморная стѣла больше двухъ метровъ вышины со спискомъ 178 мальчиковъ, которые по случаю ихъ перехода въ классъ эфебовъ принесли присягу царевичу Атталу, сыну царя Эвмена II, вѣроятно, потому, что онъ воспитывался вмѣстѣ съ ними. Справа же и слѣва отъ стѣлы, повидимому, стояли въ сохранившихся еще гнѣздахъ двѣ бронзовыя статуи.

Гордо, должно быть, прошли на слѣдующій день эти 178 абитуриентовъ 147/6 года мимо входа низшаго гимназія, подымаясь по витой лѣстницѣ на террасу эфебовъ. Здѣсь все кажется просторнѣе и красивѣе устроеннымъ, да и дошло до насъ въ гораздо лучшей сохранности. Терраса тянется на 150 метровъ въ длину

Пергамъ. Нижняя терраса гимназія.

и 36 метровъ въ ширину. На сѣверѣ ее замыкаетъ большой портикъ, позади котораго поднимается сохранившаяся въ вышину на 10 метровъ крѣпкая опорная стѣна верхней террасы. Къ портику примыкаютъ съ боковъ сдѣланныя въ скалахъ комнаты и ниши, служившія отчасти цѣлямъ культа. Посреди террасы стоитъ маленькій коринѣскій храмъ, который, вѣроятно, былъ посвященъ одному изъ гимназическихъ боговъ, Гермесу или Гераклу, такъ какъ уроки закона божьяго проходились въ греческомъ гимназiи всегда практически, путемъ посѣщенія храма и жертвоприношенія богамъ-покровителямъ юношества.

И здѣсь раскопки еще не окончены, такъ же какъ и въ высшей ступени гимназiи, на третьей террасѣ. По обилію и великолѣпію своихъ помѣщеній она является большимъ, просторнымъ самостоятельнымъ учрежденіемъ. Здѣсь у неоевъ ¹⁾ нѣтъ ни въ чемъ недостатка—ни въ комфортабельной банѣ съ мраморными ваннами, ни въ громаднѣйшей театроподобной аудиторiи. Даже подвальные помѣщенія приспособлены для устройства подвального стадіона, мѣста упражненія въ бѣгѣ.

Всѣ три террасы рассказываютъ намъ благодаря найденнымъ тамъ многочисленнымъ надписямъ, какъ себя чувствовала молодежь Пергама, какія желанія и удовольствiя возбуждали ея сердце. Объединенные гимназiи, отъ имени которыхъ выступалъ старшій годъ, неон, вполне ясно сами высказываютъ это во многихъ большихъ благодарственныхъ и почетныхъ резолюціяхъ о заслуженныхъ гимназіархахъ, или руководителяхъ городского школьнаго дѣла.

Одинъ изъ нихъ, Діодоръ, сынъ Герода, въ эпоху царя Аттала III (138—133) привлекъ къ себѣ сердца молодежи тѣмъ, что во время отпращиванія должности онъ раздавалъ въ гимназiи даромъ масло, а затѣмъ при посвященіи эфебовъ въ мистерiи кабировъ онъ самъ опла-

¹⁾ Неон—это молодые граждане 20—25 лѣтъ. Иногда къ неоямъ причисляли даже всѣхъ гражданъ моложе 30 лѣтъ.

чиваль за нихъ стоимость жертвъ и угощенія народа. По случаю открытія памятника членамъ царской фамиліи онъ устройствомъ состязаній въ бѣгъ и умѣніи владѣть оружіемъ далъ молодежи возможность участвовать въ патриотическомъ праздникѣ и раздавалъ награды побѣдителямъ; онъ старался также ввести снова старыя забытыя уже юношескія забавы, какъ, на примѣръ, травлю барана; для этой цѣли онъ предназначилъ барана съ позолоченными рогами, на котораго нужно было поохотиться прежде, чѣмъ принести его въ жертву. Не менѣе пріятно было школьникамъ установленіе въ память возвращенія Діодора, послѣ удачной дипломатической миссіи въ Римъ, новаго праздничнаго дня, въ который молодежь устраивала торжественную процессію и всегда получала также свою долю жаркого отъ жертвенныхъ животныхъ, которыхъ благородный гимназіархъ доставлялъ большей частью за собственный счетъ.

Еще больше популярности пріобрѣлъ въ качествѣ гимназіарха Метродоръ, сынъ Гераклеона. И его также славная молодежь восхваляетъ въ особенности за устройство игръ для нея по случаю открытія одного памятника. Далѣе неонъ былъ ему обязанъ устройствомъ красивыхъ мраморныхъ ваннъ для мытья, а также мраморныхъ бассейновъ въ залѣ для игры въ мячъ, которые онъ даже снабдилъ губками. Прославлялась, далѣе, его заботливость объ охранѣ одежды купающихся, выразившаяся въ введеніи особой должности сторожа. Но главнымъ образомъ льстило тщеславной пергамской молодежи, что при новомъ режимѣ она могла больше, чѣмъ прежде, выступать публично,—на похоронахъ, въ которыхъ она должна была участвовать въ полномъ составѣ, и въ многочисленныхъ праздничныхъ процессіяхъ. Вообще въ Пергамѣ, какъ и теперь еще въ Греціи, студенчество играло первую роль во всѣхъ общественныхъ празднествахъ, когда нужно было подчеркнуть политическое значеніе города. Конечно, слѣдую примѣру студентовъ и гимназистовъ, ученицы женскаго отдѣленія гимназія также не могли отказать себѣ въ правѣ устроить

вмѣстѣ съ учителями своего рода корпоративную организацію и присуждать любимымъ учителямъ похвальные отзывы и почетные вѣнки. Въ благодарность за такія почести со стороны учениковъ гимназіархъ съ своей стороны проявлялъ удвоенный интересъ къ здоровью и благополучію своихъ учениковъ, какъ это явствуетъ изъ одного директорскаго посвященія школьнымъ богамъ Гермесу и Гераклу, сдѣланнаго *ὕπερ τῆς τοῦ πλήθους σωτηρίας*, „съ молитвой за здравіе нашихъ учениковъ“.

При томъ свободномъ воспитаніи, которое существовало въ Пергамѣ, неудивительно, что молодежь и внѣ школы и связанныхъ съ нею учреждений уже рано стала играть роль въ городской жизни. Это вѣрно особенно по отношенію къ распространеннымъ въ Пергамѣ, какъ и повсюду на греческой почвѣ, политическимъ и религиознымъ союзамъ. Одинъ изъ нихъ намъ особенно хорошо извѣстенъ, онъ связанъ былъ съ культомъ Августа и богини Ромы и объединялъ ограниченное число членовъ—около 35-ти; всѣ они принадлежали къ зажиточнымъ семьямъ. Члены эти назывались *ὁμιλοῦσι θεῶν Σεβαστοῦ καὶ θεᾶς Ῥώμης*,—„пѣвцы императора и богини Ромы“; у каждаго долженъ былъ быть свой гимнъ, переходившій по наслѣдству отъ отца къ сыну и внуку. Въ чемъ выражалось официальное участіе этого замкнутаго хора въ общегородскихъ празднествахъ, мы не знаемъ, но зато мы можемъ взглянуть на жизнь въ помѣщеніи союза, въ гимнодейонѣ. Тамъ союзъ былъ въ своемъ кругу и добросовѣстно праздновалъ день рожденія Августа и Ливіи не только ежегодно, но и ежемѣсячно. Разумѣется, праздновались также и дни рожденія позднѣйшихъ императоровъ вплоть до Адріана, ко времени царствованія котораго относится имѣющаяся у насъ главная надпись; въ равной мѣрѣ праздновался и римскій новый годъ, какъ и трехдневный праздникъ розъ въ маѣ и столь же продолжительный праздникъ мистерій въ іюнѣ. На всѣхъ этихъ праздникахъ или предсѣдатель, эвкосмосъ, или жрецъ союза, или секретарь должны были доставлять хлѣбъ и вино, а также вѣнки, пироги и свѣтильники со-

членамъ и ихъ дѣтямъ и внукамъ, такъ что каждый разъ происходило праздничное пиршество. Въ извѣстныхъ случаяхъ для сыновей опредѣленно назначалась лишь половинная порція. Зато и участвовавшіе въ праздникѣ сыновья членовъ союза должны были уплачивать также лишь половину вступительной платы, которая вообще доходила до 150 динаріевъ на необходимыя жертвоприношенія и до 15 динаріевъ плюсъ вино и по три хлѣба каждому члену союза (всего 692 $\frac{1}{2}$ динарія), слѣдовательно, была дорогимъ удовольствіемъ.

Подобно уставу гимнодовъ, и многочисленныя другія надписи даютъ намъ возможность бросить взоръ на частную жизнь пергамцевъ и заглянуть внутрь ихъ домовъ. Въ самомъ дѣлѣ, недавно еще Рихардъ Вюншъ познакомилъ насъ съ домашней утварью одного профессиональнаго прорицателя или колдуна, который въ позднѣйшую римскую эпоху занимался въ одномъ домѣ нижняго города своимъ, навѣрно, очень прибыльнымъ ремесломъ. Здѣсь налицо имѣется все, что можетъ дать наглядное представленіе о приемахъ колдовства: бронзовые плитки съ волшебными знаками, которыя прикрѣплялись къ комнатнымъ дверямъ въ качествѣ амулетовъ, волшебный камень, который самъ колдунъ носилъ на шеѣ, кольцо изъ бронзы, которое онъ носилъ на пальцѣ, каменные амулеты, которые онъ передъ началомъ заклинанія клалъ себѣ подъ ноги, наконецъ, самое главное, — волшебный столъ. Онъ состоитъ изъ бронзоваго карманнаго треножника, доска котораго, имѣвшая форму равносрсонняго треугольника, украшена была фигурами Гекаты и магическими письменами. Изъ середины доски поднимается стержень, на которомъ укрѣпленъ круглый вертящійся бронзовый дискъ. Послѣдній раздѣленъ на 24 поля съ буквами греческой азбуки. Колдунъ начиналъ съ того, что надъ дискомъ вбивалъ громадный волшебный гвоздь и прикрѣплялъ къ нему ниткой широкое волшебное кольцо. Когда послѣ произнесенія нужныхъ волшебныхъ формулъ и заклинанія Гекаты начинали вертѣть похожій на рулетку дискъ, то висѣвшее надъ нимъ

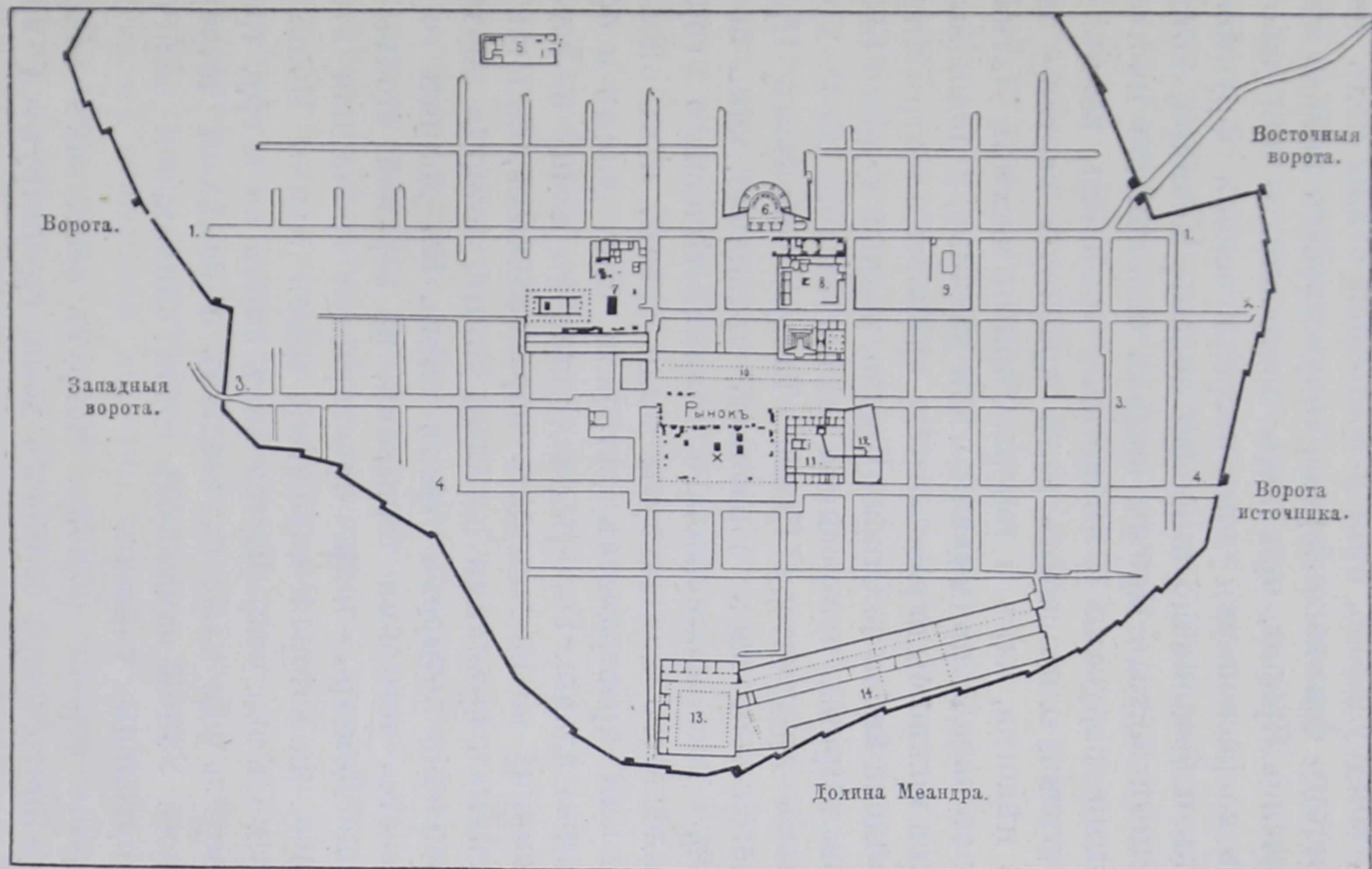
кольцо указывало на какое-нибудь поле, и буквы этого поля должны были тогда объяснить на основании своихъ волшебныхъ книгъ тотъ, кто управлялъ этимъ волшебнымъ оракуломъ.

IV. П р і е н а.

Мы можемъ заглянуть и въ другой малоазійскій греческій городъ, именно, въ Приену, которую окончательно откопали въ 1895—98 годахъ Теодоръ Вигандъ и Гансъ Шрадеръ. Результаты этихъ великихъ раскопокъ оба ученые опубликовали въ 1904 году въ прекрасной книгѣ in folio, на которой покоится и наше изложеніе. Надписи Приены изданы въ 1906 году Фридрихомъ Гиллеромъ фонъ-Герtringеномъ.

Своеобразная прелесть Приены заключается въ полнотѣ и удобообозрѣваемости раскопокъ, что видно уже, если взглянуть на планъ города.

Высоко надъ городомъ, на 371 метръ надъ уровнемъ моря, поднимается „упрямое мраморное чело“ его акрополя, „огромное гнѣздо на скалѣ“; это такое надежное убѣжище, какого нѣтъ больше нигдѣ. Стоя тамъ наверху, легко обозрѣвать все мѣстоположеніе города. Превосходно сохранившіяся стѣны кольцомъ окружаютъ городъ и крѣпость, которые связаны между собой лишь крутой, идущей по скалѣ, лѣстницей. Она подымается ломаной линіей болѣе чѣмъ на 200 метровъ, „требуя отъ жителей, чтобы они не были подвержены головокруженію“. Городскихъ воротъ только трое: восточныя и западныя ворота и ворота источника, устроенныя для того, чтобы облегчить доступъ къ чистому и сильному источнику, бьющему у юго-восточной подошвы городского холма. Прямо у воротъ можно замѣтить нишу для статуи и надъ ней надпись, которая рассказываетъ, что Филій съ острова Кипра видѣлъ во снѣ героя Навлоха и обѣихъ еесмофоръ Деметру и Кору. Это сновидѣніе побудило его воздвигнуть у стѣны, исчезнувшую уже, къ сожалѣнію, статую героя, какъ защитника города.

Планъ Приены. 1. Улица театра. 2. Улица Аѳины. 3. Улица западныхъ воротъ. 4. Улица воротъ источника. 5. Святилище Деметры. 6. Театръ. 7. Святилище Аѳины. 8. Высшій гимназій. 9. Святилище египетскихъ божествъ. 10. „Священная галерея“. 11. Святилище Асклепѳя. 12. Византійская крѣпость. 13. Низшій гимназій. 14. Стадіонъ. x—Алтарь.

Какъ прекрасна была однако идея воздвигнуть герою святилище какъ разъ у городской стѣны, тянущейся высоко у склона горы, можетъ понять, собственно, только тотъ, кому удалось, стоя у восточной стѣны подъ тѣнью вѣтвистаго фіговаго дерева, почувствовать дивное мѣстоположеніе Приены, при видѣ построеннаго для работающих на раскопкахъ дома посреди зелени фруктовыхъ садовъ и безконечно широкой долины Меандра, которую античный житель Приены видѣлъ оживленной многочисленными парусами и пѣнистыми гребнями волнъ. Эту единственную въ своемъ родѣ красивую картину замыкалъ нѣкогда, какъ и теперь, горный массивъ Латма; къ нему съ запада примыкали цѣпи холмовъ, у подошвы которыхъ можно было разсмотрѣть крѣпость и театръ Милета.

Найдена вновь не Старая Приена, родина мудраго Біанта, а Новая Приена, построенная ранѣе 334 года до Р. Хр. по планамъ архитектора Пиѳея. Такимъ образомъ Приена является для насъ образцомъ правильно, какъ по линейкѣ, распланированнаго эллинистическаго города. Прежде всего воздвигнуты были стѣны, и въ опоясанномъ ими пространствѣ устроили сѣть улицъ и общественныя зданія. Городъ раздѣлили въ длину на восемь, въ ширину на шестнадцать параллельныхъ, сплошь вымощенныхъ крѣпкими плитами улицъ, которыя идутъ въ направленіи четырехъ странъ свѣта. Къ долину городъ спускается четырьмя террасами; на верхней стоитъ святилище Деметры; ниже простирается громадная вторая терраса, на которой находятся храмъ Аѳины Полиасъ и театръ. Съ нея открывается видъ внизъ на агору, третью террасу, и еще ниже на стадионъ и гимназій четвертой террасы. Улицы замыкають собой одинаковой величины прямоугольные участки.

Сердце города—рынокъ. Вокругъ него, какъ вокругъ внутренняго двора большого дома, группируются храмы и общественныя и частныя зданія; отъ него расходятся главные пути сообщенія. Мы попадаемъ на рынокъ, войдя въ городъ черезъ западныя ворота у сторожки и направляясь къ центру города по совершенно прямо под-

нимающейся главной улицѣ, мимо сдѣланныхъ изъ квадратныхъ плитъ фасадовъ и выбѣленныхъ стѣнъ болѣе скромныхъ обывательскихъ домовъ съ ихъ красивыми черепичными крышами. Крутыя узкія улочки идутъ слѣва лѣстницами вверхъ къ скалистому хребту; лавки и мастерскія указываютъ на близость рынка. Немного не доходя до него, мы замѣчаемъ у перекрестка хорошо сохранившійся мраморный фонтанъ. Находившійся передъ нимъ бассейнъ исчезъ, такъ же какъ и бронзовая голова хищнаго звѣря, изъ которой била вода, но свинцовая водопроводная труба и жолобъ для стока воды въ уличный каналъ еще сохранились.

Меньшихъ размѣровъ фонтаны были разбросаны по всему городу. Горная свѣжая вода была проведена въ нихъ изъ источника, находившагося на крѣпостной скалѣ на высотѣ 800 метровъ. Еще и понынѣ можно различить мѣсто, гдѣ водопроводъ входилъ въ городскія стѣны, и одна надпись сообщаетъ намъ, что въ римскую эпоху богатая женщина, Филадельфа, супруга Тессала, отремонтировала на свой счетъ бассейнъ и глиняныя водопроводныя трубы. Въ благодарность за это она, женщина, назначена была стефаномъ, нѣчто въ родѣ городского головы. Можно всюду прослѣдить, что водопроводъ шелъ и въ частные дома. Прочищать его можно было черезъ отверстія въ главномъ рукавѣ, которыя закрывались хорошо пригнанными глиняными крышками. Колѣнчатые трубы и отвлѣченія встрѣчались рѣже; замазываніе трубъ бѣлой гипсовою массой весьма часто. Какъ довѣряли ея прочности можно убѣдиться хотя бы изъ того, что трубы для питьевой воды проходили во многихъ мѣстахъ черезъ водосточные каналы, — „пріемъ, въ гигиеническомъ отношеніи, конечно, весьма сомнительный“.

Но вотъ мы на городскомъ рынкѣ. Приена была небольшимъ провинціальнымъ городомъ съ едва 5000 жителей, къ которымъ нужно еще причислить окрестныя деревни, но ея агора могла сдѣлать честь любому большому городу. Это — окруженная галереями площадь приблизительно въ 75 метровъ длины и 46 метровъ ширины. Главная

улица дѣлится ее на бѣольшую, южную, и меньшую, сѣверную, часть. „Взоръ быстро охватываетъ длинные ряды дорическихъ колоннъ, которыя поддерживаютъ крышу галереи, гдѣ расположены были конторы видныхъ купцовъ“.

Сѣверная галерея, длинная зала съ фасадомъ въ 49 колоннъ, въ которыхъ соединены дорическiй и iоническiй стиль, была, конечно, недоступна частному пользованiю. Просторныя приемыя вѣли здѣсь въ кабинеты городскихъ властей. На стѣнахъ вывѣшивались важныя объявленiя. Большiя надписи на западной стѣнѣ рассказываютъ намъ, что просторная галерея служила пиршественной залой, когда какой-нибудь городской чиновникъ считалъ нужнымъ въ большiе праздники угостить на свой счетъ всѣхъ гражданъ. Сообразно съ этимъ зала называлась *ἱερά στοά*, „священная галерея“, и ею не пользовались ни для какихъ мiрскихъ дѣлъ. Наоборотъ, за галереями на трехъ другихъ сторонахъ рынка расположены были торговыя помещенiя или конторы съ 31 выстроенными лавками или мастерскими. Непосредственно у юго-западной лѣстницы, ведущей на рынокъ, найденъ былъ подвалъ съ узкими камерами. Здѣсь наткнулись на большое множество амфоръ и черепковъ отъ покрытыхъ чернымъ лакомъ кубковъ, такъ что открывшiе этотъ подвалъ сейчасъ же признали въ немъ устроенную въ прохладномъ мѣстѣ винную лавку.

Городскiя власти приняли разумныя мѣры, чтобы красивыя галереи не были загрязнены продажей мяса и рыбы. Для послѣдней цѣли служилъ главнымъ образомъ переднiй рынокъ, площадь въ 30 метровъ длины и 16 метровъ ширины къ югу отъ главной улицы, у выхода послѣдней на рынокъ; здѣсь въ грубыхъ столахъ и наклонныхъ, предназначенныхъ для стока жидкостей, каменныхъ плитахъ, какiе имѣются и въ помпейскомъ мацеллумѣ, признали прилавки торговцевъ хлѣбомъ, масломъ, зеленью, мясомъ и рыбой.

На обширномъ окруженномъ мраморными галереями городскомъ рынкѣ находился центръ городской жизни, сюда ежедневно уже съ ранняго утра стекалось городское и

сельское населеніе по своимъ дѣламъ или просто для того, чтобы убить время. Здѣсь поддерживались также городскія традиціи, находившія себѣ выраженіе въ многочисленныхъ почетныхъ памятникахъ заслуженнымъ городскимъ главамъ, достойнымъ уваженія жрецамъ, испытаннымъ воинамъ. Ибо и въ Приенѣ чрезмѣрно процвѣтало личное и муниципальное тщеславіе. На широкой средней улицѣ стояли вперемежку мраморныя яркѣ раскрашенныя статуи и покрытыя красивымъ зеленымъ налетомъ или позолоченныя бронзовыя фигуры, отъ которыхъ сохранились еще многочисленныя базы, часто съ прекрасными скамьями для отдыха посѣтителей рынка. Внутреннія стѣны сѣверной галереи были также оживлены нарисованными картинами, масса же почетныхъ статуй должна была производить почти подавляющее впечатлѣніе, въ виду того, что въ Приенѣ далеко не скупились на раздачу городскихъ почестей. Если въ другихъ городахъ довольствовались тѣмъ, что въ честь заслуженнаго согражданина ставили или вѣшали одно изображеніе, то въ Приенѣ, какъ свидѣтельствуя надписи, одно и то же лицо чествовали иногда четырьмя изображеніями—позолоченнымъ, бронзовымъ, мраморнымъ и нарисованнымъ на стѣнѣ галереи. Итакъ, рыночныя галереи вполнѣ соотвѣтствуютъ почетной залѣ современной большой городской думы.

Продолжая отыскивать во время нашего обхода значительныя общественныя зданія города, мы прямо съ сѣверной галереи рынка вступаемъ въ эkkлeciастерій, залу засѣданій гражданъ Приены, на ряду съ театромъ лучше всего сохранившееся зданіе города. Это—четыреугольное, похожее на театръ зданіе, въ которомъ съ трехъ сторонъ возвышаются другъ надъ другомъ, вокругъ алтаря въ срединѣ, мраморныя сидѣнія. На четвертой сторонѣ они замыкаются отлогими стѣнами, соотвѣтствующими пародамъ ¹⁾ театра.

¹⁾ Народами назывались проходы между стѣнами, поддерживавшими мѣста для зрителей, и боковыми стѣнами сцены.

На мѣстѣ сцены ясно можно различить у южной стѣны председательскую скамью и скамьи засѣдателей и писмоводителей. Сохранились еще шестнадцать рядовъ сидѣній у сѣверной стороны, прилегающей къ скаламъ, и десять рядовъ у западной и восточной стѣны, надъ которыми поднимается крыша. Всего насчитали въ этомъ зданіи около 640 мѣсть для сидѣнія. Это зданіе имѣло три входа — на сѣверѣ, западѣ и югѣ. Больше всего пользовались, повидимому, сѣверной дверью, которая вела на улицу театра, такъ какъ здѣсь узкій проходъ между эkkлeсiастеріемъ и сѣверной галереей перегородженъ былъ рѣшеткой въ 0,65 метровъ ширины, такъ что сразу можно было пропускать только одно лицо. Проходы съ юга къ помѣщенію, гдѣ былъ алтарь, также можно было загородить.

Эти приспособленія служили для контроля входящихъ, и притомъ не столько для того, чтобы не допустить не имѣющихъ права входа, сколько для установленія списка присутствующихъ. Какъ производился контроль, можно судить по интересному народному рѣшенію сосѣдняго города Іаса, касавшемуся способовъ распредѣленія діетъ ¹⁾, такъ называемаго эkkлeсiастикона, между народными представителями. Именно, тамъ поставлены были у входовъ въ помѣщеніе собранія чиновники съ ящикомъ, имѣвшимъ отверстіе въ два пальца длины и въ бобъ ширины. Каждый входящій долженъ былъ вручить этимъ чиновникамъ *πεσός*, овальный камень, на которомъ написано было его имя. По этимъ контрольнымъ маркамъ распредѣлялись діеты, вѣроятно, три обола въ день.

Позади эkkлeсiастерія и примыкающаго къ нему общественаго зданія, пританея, въ которомъ засѣдали выборные отъ гражданъ, крутая улица ведетъ вверхъ къ величественному храму Аѣины Полиасъ. Это одинъ изъ красивѣйшихъ памятниковъ іоническаго стиля; удивительно, какъ такой маленькій городъ могъ соорудить такое

¹⁾ Денежныя раздачи гражданамъ за исполненіе различныхъ должностей. Здѣсь говорится о эkkлeсiастиконѣ, — раздачѣ по три обола каждому гражданину за участіе въ народномъ собраніи.

великолѣнное зданіе, и невольно приходять при этомъ на умъ многіе превосходные соборы въ итальянскихъ провинціальныхъ городахъ. Строитель храма, архитекторъ Пиеей, построившій также и знаменитый мавзолей въ Галикарнассѣ, упомянулъ его въ спеціальному сочиненіи какъ образецъ храмовой архитектуры.

Судьбы храма вполне типичны для того отношенія къ античнымъ памятникамъ, которое было прежде обычнымъ явленіемъ въ Турціи. Еще въ 1868 г. здѣсь стояли стѣны храмовой целлы и отдѣльныя большія колонны; англійскій архитекторъ Поппвель Полланъ могъ съ небольшими усиліями возстановить все зданіе. Но едва онъ отправилъ въ Лондонъ самыя красивыя въ архитектурномъ отношеніи части и надписи, какъ каменотесы изъ сосѣдней деревни Келебешъ уже устроили въ древнихъ достойныхъ уваженія храмовыхъ стѣнахъ свои мастерскія и начали изъ мощенаго пола святилища выдѣлывать ступеньки лѣстницъ. Роковой случай еще ускорилъ дѣло разрушенія. Англійскій промышленникъ, жившій въ Сокіа, гдѣ и теперь еще англійская фабрика изготовляетъ лакрицу изъ дико растущаго солодковаго корня, посѣтилъ въ 1870 г. храмъ и къ своему ужасу замѣтилъ, что варвары уже сдвинули съ мѣста пьедесталь священной статуи Аѣины и наполовину разбили его. Когда онъ пожелалъ точнѣе установить размѣры причиненнаго вреда, онъ нашелъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ пьедесталь, покрытую землей серебряную четырехдрахмовую монету князя Ороферна изъ Каппадокіи. Тогда ему пришла мысль изслѣдовать съ помощью двухъ работавшихъ тамъ греческихъ каменотесовъ остатки фундамента пьедестала, и онъ дѣйствительно нашелъ еще двѣ четырехдрахмовыхъ монеты той же чеканки и золотое кольцо съ гранатовымъ камнемъ и, кромѣ того, золотой оливковый листъ. Всѣ эти предметы находились въ маленькихъ углубленіяхъ подъ камнями. Они положены были туда при закладкѣ статуи, потому что дѣйствительно Орофернъ Каппадокійскій воздвигъ статую Аѣины для города Пріены въ благодарность за то, что городъ во время военныхъ дѣйствій

честно сохранилъ ему 400 талантовъ, которые онъ спря-талъ въ храмъ. Англійскій фабрикантъ вернулся въ Со-кіа, довольный своей находкой, но уже на слѣдующій день вся деревня Келебешъ при извѣстїи о находкѣ устре-милась въ храмъ Пріены, и въ результатъ не осталось камня на камень, такъ какъ всюду чудились спрятанныя сокровища. Лишь нѣмецкія раскопки освободили храмо-вую площадь отъ толстаго слоя щебня, который могъ служить лучшимъ показателемъ того, какъ хозяйничали тамъ современные грабители храма. Несмотря на это ди-кое разрушеніе, остатки импонируютъ еще и понынѣ. Правда, не хватаетъ лучшихъ архитектурныхъ частей, которыя, какъ это обычно бываетъ съ античными архи-тектурными произведеніями, нужно искать въ Британскомъ музеѣ, Луврѣ и Берлинѣ. Точно такъ же и отъ священ-ной статуи Аѣины Полиасъ, представляющей копию статуи изъ слоновой кости и золота работы Фидія въ Парѣнонѣ въ Аѣинахъ, найдены были лишь передняя часть лѣвой ноги съ ясными слѣдами металлическихъ завязокъ для сандалій, куски лѣвой кисти и лѣвой руки и позолочен-ныя крылья богини Побѣды.

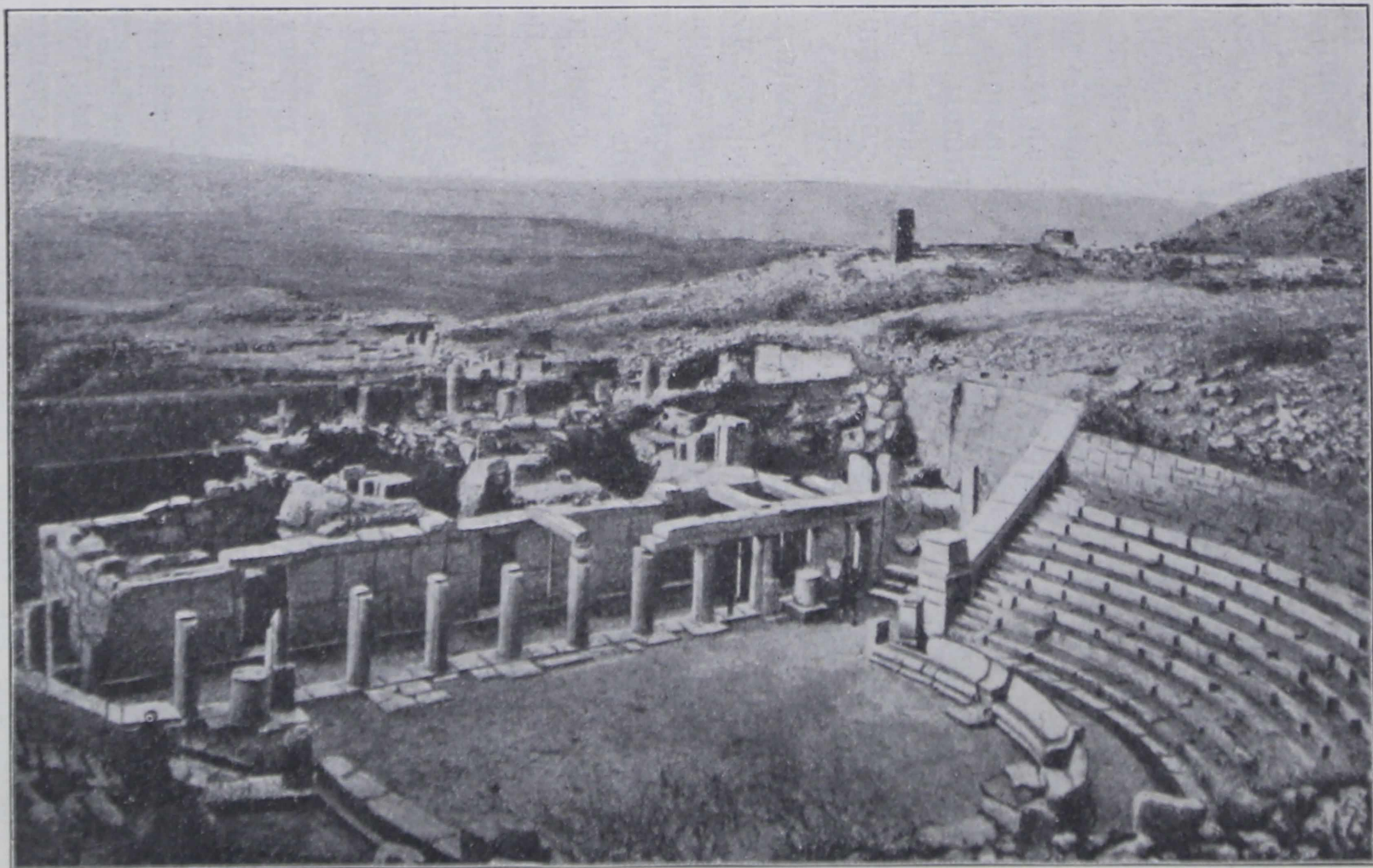
Громадныя глыбы передъ входомъ въ храмъ, на кото-рыхъ пріенцы высѣкали свои важнѣйшіе государствен-ныя документы, также находятся нынѣ въ Британскомъ музеѣ. Но и теперь еще мы ходимъ по устроеннымъ изъ громадныхъ мраморныхъ глыбъ террасамъ храма, по-строеннаго Александромъ Великимъ. Дѣйствительно, верх-няя изъ надписей на фасадѣ храма называется именно его основателемъ святилища. Извѣстно вѣдь, что во время своего побѣднаго шествія вдоль побережья Малой Азіи онъ сначала предложилъ городу Эфесу, который какъ разъ возстановлялъ свой знаменитый храмъ Артемиды, что онъ возьметъ на себя всѣ дальнѣйшіе расходы подъ тѣмъ условіемъ, чтобы его имя было выставлено на храмѣ. То, что эфесцы тогда гордо отклонили, скромные пріенцы, навѣрно, приняли, и онъ создалъ имъ зданіе, которымъ они всегда могли гордиться,—великолѣпный храмъ съ одиннадцатю колоссальными колоннами по про-

дольной сторонѣ и шестью по фасаду. Обширная площадь съ портиками окружала храмъ, передъ восточной стороной котораго возвышался жертвенникъ Аѳины. Еще и теперь стоитъ въ цѣлости часть боковой стѣны входныхъ воротъ въ святилище, высотой около 4 1/2 метровъ.

Къ склону крѣпостной скалы прислонился маленькій театръ Приены, до котораго можно очень скоро дойти отъ храма Аѳины и отъ рынка. Только потому, что до раскопокъ его совсѣмъ не было видно, онъ такъ прекрасно сохранился. Можно было даже сомнѣваться въ существованіи театра. Отъ подробнаго описанія избавляетъ меня снимокъ, который говоритъ самъ за себя. Видны вырубленные въ скалахъ ряды сидѣній съ проэдріей — почетными мѣстами для высшихъ городскихъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ, видна сцена съ дорійскимъ проскеніемъ — задней кулисой, передъ которой разыгрывалось дѣйствіе. Она такъ хорошо сохранилась, что можно было установить также и ея раскраску. Полуколонны и капитель, нужно думать, были пурпурно-красными, тѣніа архитрава красная, триглифы, поддерживавшіе сине-красный валъ съ іониками, свѣтлосиніе. Вообще синій и голубой чередовались, какъ главные цвѣта. Между полуколоннъ помѣщались пинаки — дощатая кулиса, деревянная декорация, устроенная такъ, чтобы ихъ можно было снимать при смѣнѣ сценъ. Все сооруженіе было настоящимъ ларчикомъ для драгоценностей и, навѣрно, составляло гордость провинціального города.

Бросимъ теперь еще взглядъ на нижнюю террасу города. Въ виду большихъ своихъ размѣровъ она служила для обученія юношества и для спорта. Хорошо виденъ нижній гимназіи, обширный, свободно построенный на громадной опорной стѣнѣ внутренній дворъ, окруженный крытыми галереями и необходимыми для ученія комнатами. Заглянемъ еще въ пять большихъ залъ; средняя — это эфебеумъ, въ концѣ галерей находится помѣщеніе для мытья, гдѣ сохранились еще львиные головы, изъ которыхъ вода текла въ большіе мраморные бассейны.

Исключительно для спорта служилъ нѣсколько ниже

Приена. Театръ.

лежащій стадіонъ, самое большое помѣщеніе въ Пріенѣ, со своими мраморными сидѣніямъ въ средней трети, деревянными скамьями или деревянными сидѣніями на боковыхъ крылахъ. Особенно вызываетъ здѣсь интересъ стартовое сооруженіе (афезисъ) у алтаря Гермеса, коринскія ворота съ десятью мраморными столбами, изъ которыхъ, отодвинувъ деревянную перегородку, можно было одновременно выпустить состязавшихся въ бѣгѣ.

Послѣ того какъ мы такимъ образомъ познакомились съ официальной Пріеной въ ея главныхъ зданіяхъ, намъ остается еще заглянуть въ дома горожанъ, открытые въ рѣдкой сохранности. Здѣсь можно посѣтить въ большомъ количествѣ греческіе жилые дома, тогда какъ раньше получить представленіе объ античномъ жиломъ домѣ возможно было почти исключительно въ Помпеѣ.

„Такъ же, какъ и въ Помпеѣ, съ улицъ Пріены обычно нельзя заглянуть въ домъ. Не окна, а внутренніе дворы служили источникомъ свѣта для домовъ; входъ въ домъ, если то было возможно, старались расположить со стороны тихой боковой улицы или глухого переулка“. Фасадъ на улицу предпочитали устраивать или совершенно глухимъ, или посѣтитель долженъ былъ пройти черезъ длинный узкій проходъ, прежде чѣмъ попасть на непокрытый красивый мощный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ жилыми помѣщеніями. Наболѣе замѣчательнъ въ домахъ Пріены обращенный всегда на югъ залъ, большей частью съ открытымъ поддерживаемымъ колоннами вестибюлемъ. Онъ служитъ главнымъ отличительнымъ признакомъ эллинистическаго дома и называется у Витрувія, нашего главнаго источника по античной архитектурѣ, простасомъ (вестибюлемъ) и ойкосомъ (заломъ). Тамъ стоялъ домашній алтарь, тамъ домохозяинъ принималъ посѣтителей, тамъ же была и семейная столовая.

Женская половина большей частью была расположена въ верхнемъ этажѣ, отъ котораго въ Пріенѣ сохранились, конечно, лишь ведшія къ нему лѣстницы. Такъ было и въ Аѣинахъ, какъ показываетъ трогательный рассказъ у Лисія, въ которомъ обманутый супругъ въ слѣдующихъ

словахъ описываетъ на судѣ свой домъ: „У меня двухэтажный домъ, комнаты котораго наверху и внизу вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу; наверху были женскіе покои, внизу—жилище мужчинъ. Но когда у насъ родился ребенокъ, моя жена стала его кормить и перебралась внизъ, чтобы не приходилось каждый разъ, когда ребенка нужно было купать, сносить его по лѣстницѣ“.

Для какой цѣли служили меньшія помѣщенія вокругъ двора, точно опредѣлить можно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Кухня часто совершенно отсутствуетъ, такъ какъ для варки пищи пользовались переносными жаровнями, найденными въ большомъ количествѣ. Часто пользовались, какъ кухней, и вестибюлемъ залы, какъ это показываютъ найденные очаги, квадратныя обмазанныя глиной глыбы бута, и ручныя мельницы, мраморныя водоемы и сосуды для припасовъ. Ванныя комнаты были уже извѣстны, хотя и весьма примитивнаго устройства и маленькія. Полъ занятъ плоскимъ прямоугольнымъ глинянымъ сосудомъ, имѣющимъ круглое мискообразное углубленіе. Это была, слѣдовательно, сидячая ванна, въ которую вода шла изъ глиняной трубы. Въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ находятся двѣ подобныя сидячія ванны изъ Микенъ и Теры.

Въ Приенѣ можно также получить представленіе объ обстановкѣ и украшеніяхъ внутри греческаго городского дома. Городъ былъ около 150 года до Р. Хр. уничтоженъ пожаромъ, и въ толстомъ слоѣ искрошенныхъ черепицъ изъ чистой глины и — подъ нимъ — въ слоѣ сгорѣвшаго дерева, остаткѣ поддерживавшихъ крышу балокъ и досокъ, сохранилась повсюду большая масса обломковъ штукатурной облицовки стѣнъ; кромѣ того, найдены желѣзная и бронзовая утварь, глиняная посуда, мраморныя статуэтки, терракотовыя фігуры, наконецъ, многочисленныя монеты, — все съ ясными слѣдами пожара. Монеты большей частью давали цѣнный матеріаль для установленія эпохи, къ которой относился домъ. Такъ, въ одномъ домѣ напротивъ фонтана у подножія храмовой террасы найденъ былъ въ бронзовомъ котелкѣ кладъ изъ 4.313

бронзовыхъ монетъ, изъ которыхъ 3.582 штуки относились къ третьему вѣку до Р. Хр. Точно такъ же и касса въ лавкѣ одного купца, горшокъ съ 50 бронзовыми монетами, указываетъ на ту же эпоху, тогда какъ 2—3.000 приенскихъ монетъ, найденныхъ въ третьемъ домѣ, испорчены, къ сожалѣнію, мѣдной ржавчиной, и надпись на нихъ сдѣлалась неразборчивой.

Лучшимъ украшеніемъ дома были мраморныя статуэтки и терракотовыя фигуры, сдѣланныя, несомнѣнно, въ самомъ городѣ. Лишь немногія изъ нихъ служили для домашняго религіознаго культа, какъ, напримѣръ, статуэтки Кибелы и египетскихъ боговъ. Офіціальные боги государственнаго культа отступаютъ на задній планъ, зато весьма часто встрѣчались статуэтки Афродиты съ ихъ игривыми мотивами; ихъ даже вѣшали вмѣстѣ съ летающими эротами, какъ стѣнное украшеніе. Излюбленнымъ украшеніемъ жилыхъ помѣщеній были также Діонисъ съ своей веселой свитой и театральныя маски. Далѣе, найдено было большое количество изображеній изъ повседневной жизни низшихъ классовъ; это — небольшія жанровыя картинки.

Здѣсь сидитъ старая женщина и играетъ на китарѣ, а возлѣ нея стоитъ маленькая дѣвочка, завернутая въ плащъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ на играющую; тамъ стоитъ мужчина въ хитонѣ и плащѣ, опираясь лѣвой ногой на скамейку. Онъ кладетъ правую руку на пюпитръ со свиткомъ, который развертываетъ голый мальчикъ, его слуга. Или видишь согбеннаго стараго учителя съ сѣдой бородой, а около него ученика съ раскрытой дощечкой для письма, которую тотъ собирается взять. Превосходна также и статуэтка мальчика съ занозой, шутливая передѣлка извѣстнаго мотива: широкоплечій, толстощекий крестьянскій мальчикъ съ плоскимъ носомъ смотритъ, прищуривъ глаза, на раненую лѣвую ногу, собираясь вынуть занозу. Найдено было еще много подобныхъ карикатуръ, какъ, напримѣръ, изображеніе побитаго раба.

Изъ собственно домашней обстановки, на ряду съ посудой для ѣды и питья съ малоазійскихъ, самосскихъ и

аттическихъ фабрикъ, наиболѣе извѣстны намъ кровати, такъ какъ ихъ легкой и изящный деревянный станокъ для украшенія и большей прочности обивался бронзовой оправой, которая сохранилась. Своеобразной красотой отличалось изголовье кровати, оканчивавшееся на верхнихъ углахъ прекрасной, полной жизни лошадиной головой или, на другомъ экземплярѣ, изображеніемъ головы и груди молодой красивой дѣвушки. Но вообще-то бронза была въ Приенѣ рѣдкимъ и дорогимъ металломъ. Дѣйствительно, столь хорошо извѣстные изъ Помпеи канделябры здѣсь дѣлались изъ желѣза, и даже на немногихъ лампахъ изъ бронзы замѣтно, какъ экономили на матеріалѣ. Наоборотъ, желѣзные инструменты, дающіе весьма наглядное представленіе о греческомъ домашнемъ обиходѣ и ремеслѣ, найдены въ большомъ количествѣ. Въ числѣ ихъ назовемъ топоры, большей частью обоюдоострый топоръ съ двумя перпендикулярными лезвіями, мотыки для садовыхъ и полевыхъ работъ, серпы, лопаты, грабли, кузнечные щипцы, долота, плотничій циркуль, ножи, ножницы и много другихъ предметовъ.

Въ общемъ картина города Приены необыкновенно разнообразна и интересна, особенно послѣ того, какъ съ изданіемъ найденныхъ среди развалинахъ 360 надписей возможно стало оживить улицы и дома съ ихъ обитателями, рассказать о жизни и судьбахъ города. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Гарнизонъ гордой крѣпости на скалѣ, — состоящая на жалованьѣ милиція, — былъ отрѣзанъ отъ всего міра и предоставленъ самому себѣ. Воины на истинно товарищескихъ началахъ объединялись въ военный союзъ, у котораго было собственное святилище, посвященное герою крѣпости Телону. Этотъ союзъ присуждалъ особья почести коменданту, если онъ хорошо заботился о воинахъ. За это начальникъ крѣпости приглашалъ ихъ тогда на веселый пиръ, потому что и онъ не имѣлъ права оставлять крѣпость во все время своего начальствованія (4 мѣсяца) и долженъ былъ довольствоваться обществомъ своихъ солдатъ. Что жители Приены, однако, умѣли также сражаться въ

случаѣ необходимости, объ этомъ зообщаетъ своеобразный воинскій памятникъ, наверху котораго имѣются рельефные шлемъ и щитъ, и который въ длинной почетной надписи восхваляетъ подвиги Сотаса. Тяжкая бѣда нагрянула на мирную долину Меандра. Массы дикихъ галатовъ проникли послѣ 277 г. до Р. Хр. вплоть до Милета. Неистовую жестокость проявляли они по отношенію къ плѣнникамъ, никакой храмъ не представлялъ защиты отъ нихъ, всѣ усадьбы передъ воротами Приены погибли въ пламени. Тогда Сотасъ во главѣ милиціонеровъ рѣшился напасть на галатовъ. Прежде всего онъ предоставилъ всему сельскому населенію съ женщинами и дѣтьми возможность спастись за крѣпкими стѣнами города, а затѣмъ побѣдоносно отразилъ галатовъ и отнялъ у нихъ много плѣнниковъ. Нѣкоторые другіе документы сообщаютъ о томъ, какъ отразилась высшая политика на тихомъ городѣ на горѣ, о политической борьбѣ въ самомъ городѣ и его борьбѣ со многими сосѣдними городами. Гораздо выразительнѣе, однако, картина, которую даетъ намъ городская жизнь, такъ, какъ она проявлялась въ красивыхъ, обширныхъ галереяхъ рынка. Найдены и восстановлены въ прежнемъ видѣ многочисленные обломки, особенно западной стѣны сѣверной галереи. Они рассказываютъ о шумной рыночной жизни, очевидцами которой они нѣкогда были, такъ какъ красивыми, шириной иногда въ 11 метровъ, каменными плитами пользовались въ древности для записыванія на нихъ многочисленныхъ документовъ. Въ этихъ городскихъ галереяхъ можно было прочесть записанныя шрифтомъ надписей имена и дѣянія заслуженныхъ гражданъ города. Тутъ былъ нѣкій Мосхіонъ, сынъ Кидима, который въ весьма смутное время спасъ свое довольно приличное состояніе. Онъ далъ своимъ деньгамъ истинно-патріотическое употребленіе. Не хватало городского бюджета,—онъ приходилъ на помощь и вносилъ 1.000 драхмъ. Городской гимназіей требовалъ ремонта,—онъ оплачивалъ расходы въ 3.000 драхмъ. Открывалъ городъ подписку на внутренній заемъ среди гражданъ,—онъ первый подписывался на 1.105 драхмъ. И такъ далѣе

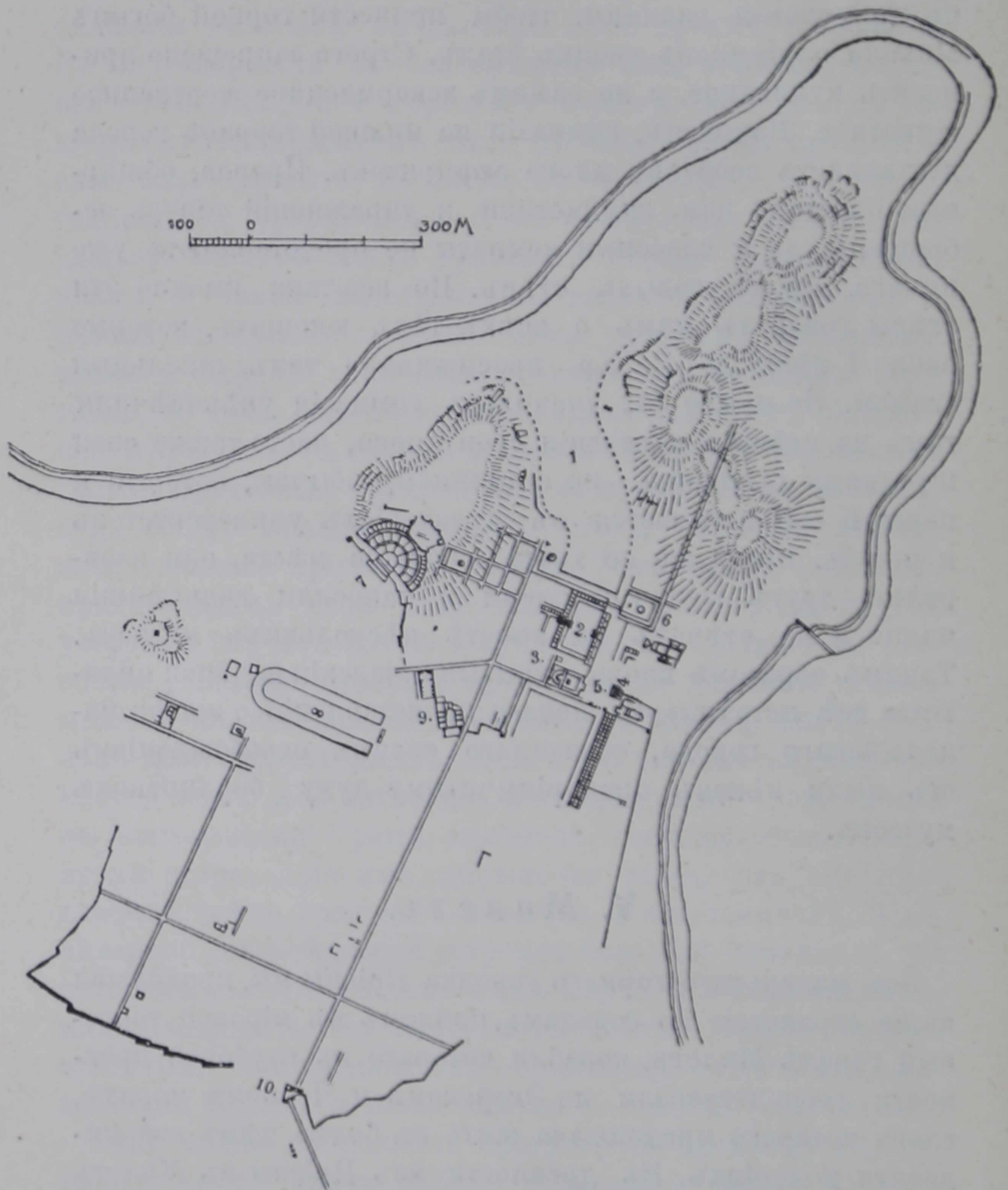
при всякомъ случаѣ, когда у городской кассы не оказывалось средствъ! Даже проценты городского долга онъ однажды уплатилъ въ размѣрѣ 2.158 драхмъ 4 оболловъ! Въ благодарность за благородство онъ, понятно, пожиналъ всѣ мыслимыя городскія почести. Зато онъ въ такихъ случаяхъ долженъ былъ въ свою очередь проявлять свою благодарность въ качествѣ правящаго городского головы, или стефанофора, и по приенскому обычаю приглашать къ себѣ всѣхъ гражданъ города съ ихъ сыновьями, а также иностранцевъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ на стаканъ сладкаго вина, при чемъ подавалась также и ѣда. Но такъ какъ стефанофоръ смѣнялся ежегодно, то такія народныя угощенія имѣли мѣсто, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, и всякій разъ новому городскому головѣ предстояла трудная задача превзойти въ чемъ-нибудь своего предшественника, чтобы свискать любовь избалованнаго приенскаго народа. Такъ, одинъ изъ нихъ пригласилъ на свой свадебный пиръ полгорода, другой устроилъ сейчасъ же по вступленіи въ должность всеобщее угощеніе, принялъ при этомъ во вниманіе всевозможные классы населенія, украсилъ гимназій, много сдѣлалъ для общественныхъ бань, куда онъ доставлялъ бесплатно масло для натиранія, а въ праздники — даже масло съ благовоніями! Третій, наконецъ, пытался обезсмертить время отпращиванія имъ должности тѣмъ, что онъ пригласилъ всѣхъ гражданъ, включая и школьниковъ, и въ сѣверной галереѣ рынка устроилъ большой праздникъ, на которомъ выступилъ даже мимъ Плутогенъ подъ аккомпаниментъ флейтъ! На похоронахъ такихъ людей, — общественныхъ благотворителей, — принимала участіе вся официальная Приена, а также школы со своими учителями!

Такъ можно продолжать прогулку по древнему городу, находя всюду какую-нибудь интересную деталь. Передъ храмомъ Діониса лежатъ доски съ узаконеніями о жреческой должности, о доходахъ ея, правахъ и обязанностяхъ. 12.002 драхмы были уплачены за приобрѣтеніе пожизненнаго званія жреца. Въ другомъ храмѣ Гермогенъ, — вѣроятно, извѣстный строитель храма въ Магнезій, — посвятилъ

архитектоническій рисунокъ на камнѣ. Въ областное святилище въ Оивахъ, на мысѣ Микале, стекаются пастухи съ приморской равнины, чтобы принести горной богинѣ Микале первенцовъ своихъ стадъ. Строго запрещено приносить купленное, а не самимъ вскормленное жертвенное животное. Наконецъ, гимназій на нижней террасѣ города доставляетъ особенно много сюрпризовъ. Правда, обширныя площади для гимнастики и упражненій теперь заброшены, да и классныя комнаты не представляютъ уже ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ. Но все-таки именно эти стѣны говорятъ намъ о всѣхъ тѣхъ юношахъ, которые около I вѣка до Р. Хр. просиживали тамъ школьныя скамьи. Не менѣе 732 учениковъ гимназія увѣковѣчила тамъ на стѣнахъ заведенія свои имена, часто также свои шутивыя прозвища,—по старинному обычаю, который и понынѣ еще встѣчается въ аудиторіяхъ университетовъ и школъ. Когда же не хватало больше мѣста, они взбирались другъ другу на плечи и заносили дальнѣйшія надписи на стѣнахъ на высотѣ нѣсколькихъ метровъ. Такимъ образомъ вновь открытыя приенскія надписи являются всѣ источникомъ яснаго представленія о жизни малоазійскаго города, обязаннаго своимъ освобожденіемъ отъ пыли вѣковъ предприимчивому духу берлинскихъ музеевъ.

V. Милеть.

Изъ маленькаго горнаго городка Приены мы, продолжая наше странствіе по городамъ, пойдёмъ въ міровой торговый городъ Милеть, корабли котораго въ глубокой древности господствовали на Эгейскомъ и Черномъ моряхъ, слава котораго продолжала жить въ болѣе чѣмъ восьми-десяти колоніяхъ. Въ древности изъ Приены въ Милеть ѣздили водой, пересѣкая заливъ, въ который впадалъ Меандръ. Теперь по прямой линіи, черезъ лишенную деревьевъ и кустовъ долину Меандра, доѣзжаютъ туда верхомъ приблизительно въ два часа; большей частью дорога идетъ тамъ, гдѣ раньше была зеркальная поверх-

Планъ Милета. 1. Львиная бухта. 2. Сѣверный рынокъ. 3. Булеутерій. 4. Нимфеумъ. 5. Рыночныя ворота. 6. Дельфиній. 7. Театръ. 8. Стадіонъ. 9. Термы. 10. Священныя ворота.

ность моря. На полдорогѣ небольшая, привезенная сюда изъ Милета, античная колонна, служащая дорожнымъ столбомъ во время наводненія, указываетъ на близость громаднаго города развалинъ. Наконецъ, мы добираемся до переправы черезъ Меандръ, какъ разъ напротивъ крѣпостной горы Милета, которая нѣкогда выдавалась мысомъ въ море.

Мало найдется такихъ античныхъ городовъ, въ которыхъ современному посѣтителю такъ трудно было бы, какъ въ Милетѣ, отличить прошлое отъ настоящаго. Большая портовая площадь не имѣетъ уже теперь гавани, а лежитъ въ двухъ миляхъ отъ моря. Бухты гавани постепенно засыпаны наноснымъ пескомъ Меандра. Даже тамъ, гдѣ впадаетъ Меандръ, нельзя пристать, такъ какъ передъ устьемъ находится большой барьеръ лагунъ и болотъ. Такимъ образомъ, стоя на южномъ берегу рѣки, мы находимся въ серединѣ древней гавани Милета.

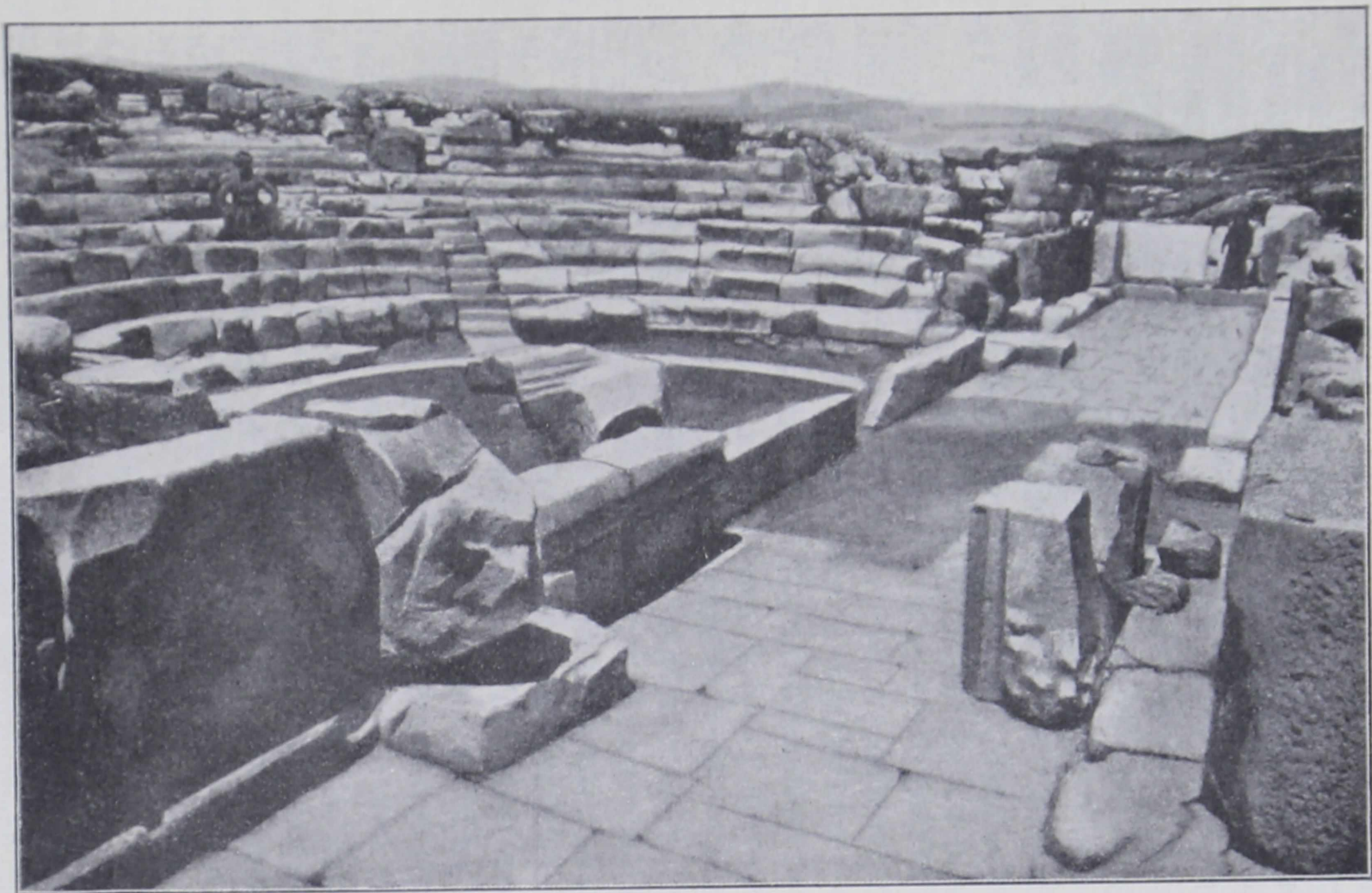
Оставимъ теперь въ сторонѣ все современное и попытаемся, насколько пока позволяютъ незаконченныя еще раскопки, послѣдовать за древнимъ посѣтителемъ города, — быть можетъ, за какимъ-нибудь провинціаломъ, прибывшимъ въ метрополию изъ колоніи, — въ его прогулкѣ по большому, широко раскинувшемуся городу.

Медленно огибалъ корабль гору съ крѣпостью Милета и входилъ къ востоку отъ нея въ одну изъ четырехъ гаваней Милета. Направо и налево отъ узкаго входа въ гавань лежало въ угрожающей позѣ по громадному льву изъ мрамора, — гордый гербъ этой Венеціи древняго міра. Оба они найдены снова и точно указываютъ то мѣсто, гдѣ море когда-то катило свои волны между городскими холмами. Затѣмъ корабль приставалъ къ набережной, шириною въ десять, а мѣстами и въ восемнадцать метровъ. Чужеземца встрѣчала громко орущая, мечущаяся во всѣ стороны толпа матросовъ, торговцевъ, таможенныхъ надсмотрщиковъ, мѣнялъ и проводниковъ, толпа столь же оживленная, какъ и нынѣ въ гавани Смирны, такъ какъ до самой набережной тянулся сѣверный рынокъ, окруженный съ трехъ сторонъ двухэтажными мраморными гале-

реями съ примыкающими частью къ нимъ лавками и магазинами. Уже набережная нѣкоторыми величественными памятниками давала представленіе о величинѣ и значеніи Милета. Колоссальная бронзовая статуя сирійскаго царя Селевка I, пьедесталь которой найденъ, свидѣтельствовала о хорошихъ отношеніяхъ республики къ этому могущественному властителю. Далѣе, у склона крѣпостной горы, возвышался гордый знакъ милетскаго морского господства. На кругломъ въ четыре уступа фундаментѣ, имѣвшемъ 7 метровъ высоты, стоялъ гигантскій мраморный треножникъ. Его поддерживали сидѣвшіе на заднихъ лапахъ львы; они сидѣли на рельефныхъ изображеніяхъ военныхъ кораблей, на каждомъ изъ трехъ тупыхъ концовъ которыхъ выступалъ корабельный носъ. Море, по которому плавали корабли, также было символизировано морскими кентаврами и дельфинами. Три скамьи у подножія памятника манили къ краткому отдыху гуляющихъ по набережной.

Какъ и всѣ общественныя зданія торговаго города, сильное впечатлѣніе производили своими размѣрами и ворота порта, имѣвшія въ ширину 21 метръ; ихъ поддерживали 16 колоннъ. Ворота эти находились на восточномъ концѣ набережной рядомъ съ святилищемъ Аполлона Дельфинія. Они образуютъ входъ на широкую портовую улицу, которая ведетъ мимо пропилей зданія совѣта къ громадному двухэтажному строенію рыночныхъ воротъ и къ совѣтской площади съ ея богатыми монументальными украшеніями. Рядомъ съ портовой улицей удалось установить также, благодаря тому, что открыты были во время раскопокъ уличные перекрестки, и направленіе остальныхъ продольныхъ улицъ и лежащія между ними застроенные домами участки (*insulae*).

Булевтеріѣ основанный двумя государственными людьми родомъ изъ Милета, любимцами сирійскаго царя Антіоха IV Эпифана, это — залъ засѣданій городского совѣта, выстроенный въ видѣ театра, — практичная форма, которую удержали и понынѣ еще зданія парламентовъ. Главный входъ находился на востокѣ, на западной сто-

Милеть. Булевтерій.

ронѣ двѣ красивыхъ двери вели на верхній ярусъ. Изъ покрытыхъ мраморомъ, расположенныхъ амфитеатромъ скамей сохранилось еще девять рядовъ; по нимъ высчитано было, что здѣсь могли усѣсться около 500 членовъ совѣта. Въ перерывы или во время утомительно длинныхъ рѣчей члены совѣта могли выходить въ монументальное фойе, такъ какъ на востокъ простирался громадный четырехугольный дворъ, окруженный портиками и въ своей внутренней, открытой, части заключавшій большое прямоугольное мраморное строеніе, почетную гробницу одного выдающагося согражданина. Такъ вѣдь и жители Магнезій на Меандрѣ почтили нѣкогда тѣлоThemistocle гробницей посрединѣ рыночной площади.

Галерея непосредственно передъ входомъ въ залъ засѣданій была городской почетной галереей. Тамъ стояла бронзовая статуя Лихаса, сына Гермофанта, заслуженнаго государственнаго мужа и испытаннаго дипломата. Впослѣдствіи римскіе намѣстники обычно выставляли тамъ для всеобщаго свѣдѣнія свои указы.

Если мы пойдемъ отъ зданія совѣта на востокъ, то мы должны перескочить черезъ нѣсколько столѣтій, такъ какъ главная часть великолѣпно украшенной площади передъ зданіемъ совѣта извѣстна намъ только въ своемъ римскомъ видѣ. Такія большія раскопки, какъ милетскія, требуютъ, подобно осмотру историческаго музея, способности переноситься въ самыя различныя эпохи.

Напротивъ фасада зданія совѣта видно, теперь незамѣтное, зданіе, Нимфеумъ, которое нѣкогда великолѣпіемъ своего пестраго мрамора и своихъ статуй съ большимъ блескомъ заканчивало площадь съ востока. То, что видишь теперь, представляетъ едва третью часть прежней высоты зданія; вмѣсто трехъ сохранившихся еще нишъ нужно представить себѣ 27 и въ большинствѣ изъ нихъ— греческія мраморныя статуи, отдѣленные другъ отъ друга колоннами изъ самыхъ дорогихъ цвѣтныхъ сортовъ мрамора, блестящихъ красными, зелеными, бѣлыми переливами. Когда солнце сіяло сквозь водяныя струи, которыя непрерывно стекали по всему монументальному фасаду,

то это было, навѣрно, такое полное воздушности и изящной декоративной прелести зрѣлище, о которомъ намъ можетъ еще дать нѣкоторое представленіе лишь помпейская стѣнная живопись. Зданіе это служило конечной стѣной для величественнаго водопровода, которымъ щедрость римскихъ императоровъ наградила важный торговый городъ. Передъ фасадомъ частью сохранился внизу большой бассейнъ, откуда милетскія женщины брали воду. Онѣ при этомъ опускали амфоры въ бассейнъ и вытаскивали ихъ наполненными водой черезъ камни края бассейна, на которыхъ и теперь еще видны круглыя впадины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вытаскивали амфоры. И кому пришлось узнать цѣнность свѣжей воды въ жаркій сентябрьскій день на пустынномъ теперь мѣстѣ прежняго Милета, тотъ можетъ понять, что этотъ великолѣпный колодець былъ дѣйствительно царскимъ подаркомъ.

Отъ Нимфеума, какъ называютъ римляне такіе великолѣпные фронтоны, изъ которыхъ бьютъ фонтаны, къ южному рынку нужно пройти черезъ упомянутыя уже рыночныя ворота съ ихъ тремя громадными проходами. Здѣсь также имѣются двухэтажные воздушные мраморныя табернаклы и изящныя фронтоны; надъ ними стояли мраморныя статуи боговъ выше человѣческаго роста, какъ, напримѣръ, Зевсъ въ стилѣ Зевса изъ Отриколи и римскій императоръ со скованными врагами у ногъ его. Позади этихъ воротъ расположенные прямоугольникомъ портики съ тысячей колоннъ окружаютъ главный рынокъ шириной въ 164 метра и длиной свыше 200 метровъ. Это самая большая сохранившаяся греческая агора. По отношенію къ гораздо меньшему сѣверному рынку у Львиной бухты она занимала совершенно такое же мѣсто, какъ въ Венеціи Пьяцетта по отношенію къ Пьяцца. Особо замѣчательнымъ украшеніемъ южнаго рынка была прелестная изящная галерея въ коринѳскомъ стилѣ начала III вѣка до Р. Хр., имѣющая громадное значеніе для исторіи архитектуры. Тамъ стоялъ также храмъ римскаго народа и богини Ромы, Ромайонъ, съ запада же къ рынку

примыкалъ большой городской хлѣбный амбаръ и дальше святилище Сераписа.

Прекрасное строеніе рыночныхъ воротъ было еще цѣло въ византійскую эпоху. Но когда натискъ варваровъ съ востока сталъ угрожать и древнему Милету, то въ силу необходимости милетцы вынуждены были весьма спѣшно воздвигнуть новую линію укрѣпленій, въ которую вошли и монументальныя рыночныя ворота, защищенныя сильной башней. Это сдѣлалъ епископъ Гіацинтъ при императорѣ Юстиніанѣ. Однако величественное строеніе скорѣе спасено было этимъ, чѣмъ уничтожено, какъ вообще позднее разрушенія Милета сослужило, какъ теперь оказывается, хорошую службу наукѣ. Дѣйствительно, многіе памятники изъ разныхъ концовъ древняго города, площадь котораго сокращена была наполовину новой линіей укрѣпленій, пошли тогда на постройку стѣны и теперь опять появились на свѣтъ божій, тогда какъ иначе они давно уже были бы сожжены въ печахъ для обжиганія извести. Такимъ образомъ юстиніанова стѣна содержитъ цѣлый складъ милетской архитектуры и скульптуры. Очевидно, въ военное время нельзя было взять на себя трудъ сначала отыскать и отесать камни для стѣны. Такъ возникла замѣчательная каменная баррикада. Архитравныя балки длиной до 3-хъ метровъ, рельефныя плиты, барабаны колоннъ, даже цѣлыя колонны изъ прекраснѣйшаго краснаго мрамора, куски стѣнъ портиковъ, капители, пьедесталы императорскихъ статуй съ большими греческими надписями-посвященіями, также цѣлыя статуи и притомъ особенно изъ архаической эпохи, молодой быкъ изъ мрамора въ натуральную величину,—все безъ всякаго разбора пошло на кладку стѣны. Если оставались еще отверстия, то ихъ забивали головами, ногами, руками, пальцами разбитыхъ мраморныхъ статуй, а оставшіяся еще послѣ этого щели затыкали кирпичами или даже зелеными, красными, бѣлыми и черными мраморными плитками, употреблявшимися на облицовку стѣнъ изысканныхъ римскихъ построекъ. Такимъ образомъ разборка найденныхъ частей этой стѣны служила при раскопкахъ

постоянно новымъ источникомъ самыхъ прекрасныхъ сюрпризовъ.

Съ рынка мы пойдёмъ еще разъ къ сѣверу по направлению къ сѣверной гавани и войдемъ въ святилище Аполлона Дельфинія, главнаго божества города на ряду съ Аполлономъ Дидимейскимъ.

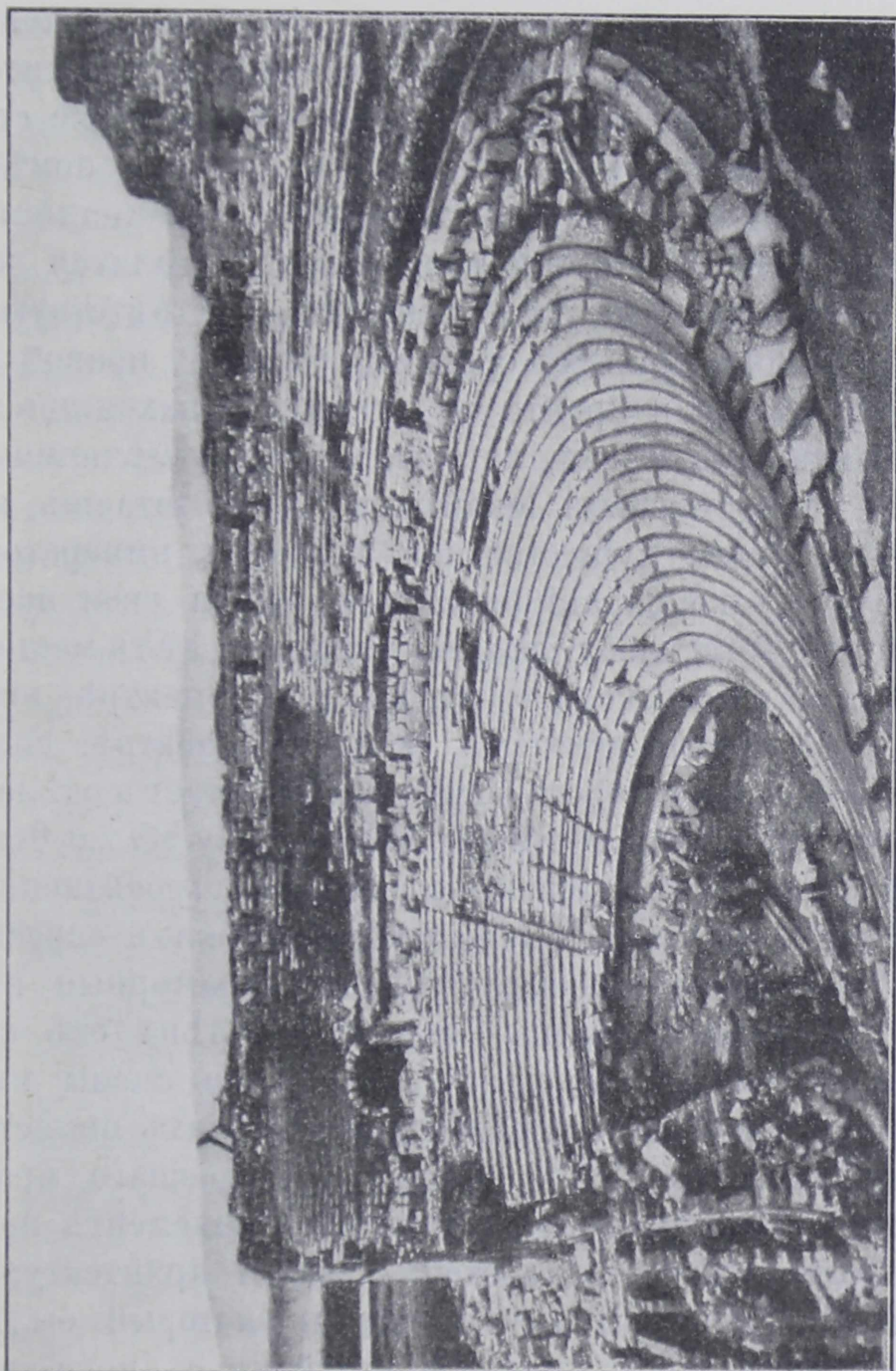
Мы находимся теперь на большой четырехугольной площади, окруженной портиками. Въ срединѣ возвышается круглое строеніе и передъ нимъ полукруглыя сидѣнія, украшенныя статуями, и алтари. Впереди у самаго входа въ гавань бросается въ глаза мостовая. Это — древняя греческая мостовая, она-то именно и доставила величайшіе сюрпризы. Она, очевидно, лежала слишкомъ низко и при нѣкоторомъ повышеніи уровня воды Меандра оказывалась подъ водой. Поэтому въ поздне-римскую эпоху ее сдѣлали выше, употребивъ для этого прекрасныя, высотой въ 2—3 метра, очень толстыя мраморныя стѣлы, которыя во множествѣ стояли и лежали въ святилищѣ и такимъ образомъ, уложенныя въ мягкій иль исписанной стороной, сохранились до нашего времени. Когда при раскопкахъ познакомились только съ особенностями мостовой, это не обращавшее на себя особаго вниманія святилище доставило не менѣе ста большихъ документовъ на камнѣ.

Однако древній посѣтитель навѣрно испытывалъ особую радость въ этомъ святилищѣ. Ибо здѣсь онъ находилъ собраннымъ все, что только для него, чужеземца, могло быть достойнымъ изученія. Если онъ былъ родомъ изъ милетской колоніи, то въ собранныхъ здѣсь государственныхъ и торговыхъ договорахъ города онъ могъ прочесть, какія права были предоставлены ему самому въ Милетѣ. Если онъ замѣтилъ какой-либо величественный памятникъ въ городѣ и запомнилъ имя его творца, то онъ находилъ здѣсь документальныя свѣдѣнія объ эпохѣ послѣдняго въ громадныхъ хронологическихъ спискахъ, въ которыхъ перечислены были стефанофоры, высшіе магистраты города. Даже своихъ земляковъ, жившихъ въ Милетѣ, онъ могъ отыскать здѣсь въ своего

рода монументальной адресной книгѣ. Ибо внутреннія стѣны портиковъ были покрыты именами тѣхъ людей, которымъ дарованы были права милетскаго гражданина или же почетное званіе проксена. Дѣйствительно, ни въ одномъ городѣ древняго міра не найдено столь же богатаго государственнаго архива, какъ Дельфиній въ Милетѣ. О видѣ святилища, въ которомъ всюду стояли большіе каменные документы, и стѣны галерей котораго также были покрыты повѣшенными на нихъ небольшими дощечками съ надписями и скульптурными произведеніями, даетъ прекрасное наглядное представленіе одно городское объявленіе, которое гласитъ: „На основаніи рѣшенія высокаго совѣта и народа Милета и по предложенію гегесіанакта запрещается прибавлять доски съ надписями или что-либо иное къ деревянной обшивкѣ новой галереи въ святилищѣ Аполлона, дабы не попортить деревянной обшивки, а равно и къ колоннамъ. Если же кто пожелаетъ посвятить что-либо новой галереѣ, то пусть онъ это помѣститъ на расписанныхъ стѣнахъ подъ верхнимъ рядомъ плитъ. Нарушеніе этого постановленія будетъ наказываться штрафомъ въ десять статовъ, уплачиваемымъ въ храмовую кассу“.

Мы продолжаемъ однако наше странствованіе по городу и направляемся, наконецъ, къ высшему пункту города, къ горѣ крѣпости, лежащей между двумя крайними сѣверными бухтами гавани. По крутымъ улицамъ, большей части которыхъ еще не откопали, мы вскарабкиваемся къ древней крѣпости, на мѣстѣ которой можно теперь видѣть великолѣпныя развалины средневѣковаго замка. Съ этой небольшой возвышенности открывается чудесный видъ на Львиную бухту и рыночную площадь, которую мы только что покинули. Но любопытство тянетъ насъ въ другую сторону, въ сторону моря, потому что тамъ сіяетъ въ своемъ бѣломъ мраморномъ великолѣпнѣи гордость города, театръ, въ верхній ярусъ котораго мы можемъ вступить съ крѣпостного холма. Отсюда взоръ нашъ, минуя зданіе театра, далеко охватывалъ бы картину оживленной гавани, такъ какъ корабли стояли не-

посредственно у театральныхъ стѣнъ. Посѣтитель третьяго яруса, бывшаго въ античномъ открытомъ театрѣ отнюдь не плохимъ мѣстомъ, могъ съ гордостью наслаждаться видомъ острова Лады и далекаго Самоса. Въ на-

Милегъ. Помѣщеніе для зрителей и оркестра театра.

стоящее время приходится довольствоваться меньшимъ и наблюдать, какъ сѣрая безконечная долина Меандра, занятая раньше моремъ, оживляется рѣзвыми табунами лошадей, ищущихъ въ кустахъ на рѣчномъ берегу за-

щиты отъ комаровъ и мухъ, или важно ступающимъ караваномъ изъ пяти—восьми верблюдовъ, съ вьючныхъ сѣделъ которыхъ свѣшиваются съ обѣихъ сторонъ въ пестрой смѣси самыя различныя ноши, отъ элегантнаго камышоваго дорожнаго сундука до толстыхъ, запакованныхъ въ красныя и зеленыя турецкія ткани, тюковъ.

Тотъ театръ, который мы видимъ теперь, относится къ римской эпохѣ, но онъ находится на мѣстѣ болѣе стараго греческаго театра. Три прохода раздѣляютъ помѣщеніе для зрителей на три яруса, каждый въ восемнадцать рядовъ сидѣній, которые въ свою очередь дѣлятся каменными лѣстницами на пять клиньевъ, соответствующихъ приблизительно нашему среднему балкону, правой и лѣвой сторонѣ. Если пройти по рядамъ, то находишь много абонированныхъ мѣстъ, которыя просто отмѣчались надписями на мраморныхъ скамьяхъ. Тутъ читаешь имена частныхъ лицъ, существовала также и императорская ложа, да и у корпорацій и союзовъ были свои постоянныя ложи. Такъ, цеху *αὐράριοι*, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, принадлежало нѣсколько мѣстъ, а въ центрѣ перваго яруса, въ самомъ лучшемъ мѣстѣ въ театрѣ, совсѣмъ близко отъ императорскаго мѣста, мы читаемъ сдѣланную красивыми буквами надпись: *τόπος Ἰουδαίων τῶν καὶ Θεοσεβίων* (мѣсто іудеевъ, называемыхъ также богобоязненными) здѣсь, слѣдовательно, была ложа милетскихъ евреевъ.

Изъ помѣщенія для зрителей двѣ мраморныя въ восемь ступенекъ лѣстницы, справа и слѣва отъ сцены, вели внизъ въ оркестру. Передняя стѣна сцены имѣетъ три прохода и украшена рядомъ дорическихъ пилястровъ, нижняя часть которыхъ сдѣлана изъ краснаго мрамора, стержень изъ чернаго, капитель и антаблементъ изъ бѣлаго. Если прибавить къ этой цвѣтной архитектурѣ сохранившійся отчасти полъ оркестры, который былъ выложенъ бѣлыми мраморными плитками съ ярко-красными, фіолетовыми и темно-синими жилками, то мы получимъ общую картину рѣдкаго великолѣпія внутренней части этого монументальнаго театра.

Такъ какъ въ немъ нѣкогда было мѣсто для сидѣнія бо-

лѣе чѣмъ на 25.000 человекъ, то вопросъ о входахъ и выходахъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ. И дѣйствительно, милетская строительная полиція приняла хорошія мѣры безопасности, такъ какъ всѣ внутренніе сводчатые коридоры и лѣстницы имѣютъ въ ширину 4 метра. Къ западному порталу вела прямо отъ набережной гавани вверхъ широкая лѣстница, и прежде, чѣмъ войти въ театръ, можно было съ портала бросить взглядъ на море и на суету въ гавани. И теперь еще это мѣсто у портала является наиболѣе излюбленнымъ, такъ какъ въ полдень здѣсь можно найти тѣнь, и вмѣстѣ съ прилегающимъ высокимъ театральнымъ коридоромъ оно самое прохладное во всемъ Милетѣ. Отъ портала монументальная каменная лѣстница ведетъ на второй ярусъ. Мы поднимаемся по ней, и прежде чѣмъ, пройдя мѣсто контроля билетовъ, мы вступимъ снова въ помещеніе для зрителей, нашъ взоръ упадетъ на глыбу известняка отъ площадки лѣстницы, на которой имѣется большая надпись.

Содержаніе надписи довольно любопытно. Оно гласитъ: „Объединенные вокругъ Э. . . . Эпигона каменщики, которые работаютъ надъ той частью театра, гдѣ подрядчикомъ состоитъ Ульпіанъ Геръ, а руководителемъ работъ — архитекторъ Менофилъ, спрашиваютъ бога: выводить ли имъ арку и сводъ надъ колоннами и взять эту работу на себя или заняться другой работой?“ Надпись эта переноситъ насъ въ тѣ времена, когда еще шла стройка театра, а именно — наружнаго прохода помещенія для зрителей. Колонны этой галереи уже были поставлены, но не начинали еще выводить дугъ крестоваго свода. Тутъ поднялся споръ среди рабочихъ, на которыхъ лежало это важное дѣло. Быть можетъ, сознавая, что безъ нихъ нельзя обойтись при этой тяжелой заключительной работѣ, они требовали особой повышенной платы, или проектъ архитектора - руководителя показался имъ слишкомъ смѣлымъ. Они еще не были восстановлены противъ всякаго авторитета, еще не изсякла старая сила греческой религіи, и они изъявили готовность подчиниться рѣшенію оракула. Камень передаетъ намъ

и отвѣтъ бога. Соотвѣтственно затруднительному положенію вещей отвѣтъ этотъ оказался особенно темнымъ. Богъ далъ слѣдующій оракулъ: „Рекомендуется слѣдовать испытанному, мудрому искусству строить зданія и совѣту умѣлаго, превосходнаго человѣка и съ жертвами и молитвой приблизиться къ Палладѣ Тритогенейѣ и сильному Гераклу“. Что стачка дѣйствительно мирно окончилась благодаря оракулу, на это указываетъ то, что камень былъ помѣщенъ на самомъ видномъ мѣстѣ законченнаго зданія.

При этой постройкѣ мы наблюдаемъ также то интересное явленіе, что рабочіе были объединены по хижинамъ, имѣвшимъ прочную организацію. Они обычно пользовались ею не только какъ принудительнымъ средствомъ, но, какъ мы читаемъ на одномъ достойномъ упоминанія камнѣ изъ храма Аполлона въ Дидимахъ, отъ организованнаго рабочаго союза исходили также почести, которыми благодарные строительные рабочіе награждали заслуженныхъ городскихъ чиновниковъ, руководившихъ общественными постройками.

Отъ театральнаго портала мы, идя въ южномъ направленіи, снова попадаемъ на почву стараго города. Раскопку его здѣсь особенно затрудняютъ дома современной турецкой деревни Балата, получившей свое имя отъ Паллаціи, какъ назывались съ средніе вѣка развалины Милета.

Въ срединѣ деревни на южной сторонѣ Театральной бухты найденъ былъ стадіонъ. Монументальныя арочныя ворота изъ 16-ти коринѣскихъ мраморныхъ колоннъ вели къ бѣговой дорожкѣ въ 185 метровъ длины, которую съ востока и запада ограничивали по трое водяныхъ часовъ на мраморныхъ постаментахъ.

Къ стадіону примыкали громадныя термы, подарокъ императрицы Фаустины. Передъ переднимъ фасадомъ у Театральной бухты находился колоссальный, почти квадратный колонный дворъ изъ мрамора, богатой архитектуры. Не всѣ помѣщенія этого большого учрежденія служили для мытья. Особенно великолѣпно украшенъ былъ большой залъ для пріемовъ. Онъ долженъ былъ служить

Милетъ. Заль въ термахъ Фаустины.

лекціонной залой, музейномъ, какъ на это указываютъ скульптурныя украшенія въ многочисленныхъ стѣнныхъ нишахъ. Тамъ стояли мраморныя въ натуральную величину статуи, изображенія боговъ и императоровъ и, кромѣ того, играющій на лирѣ Аполлонъ и шесть изъ его музъ. Лежащій рѣчной богъ Меандра лить воду въ бассейнъ съ холодной водой.

И жалкая деревушка Балать видѣла когда-то лучшія времена; она даже и теперь имѣетъ удивительное зданіе, дающее прекрасное представленіе о богатствѣ и блескѣ эпохи господства сельджуковъ въ этихъ областяхъ. Это—красивая мечеть, сіяющая снаружи и внутри разноцвѣтнымъ мраморомъ, такъ какъ каждый камешекъ, украшающій ее, взятъ изъ развалинъ богатаго мраморнаго города. Мечеть построена въ 1401 году сельджукскими князьями изъ Ментеше въ Каріи, какъ гласитъ турецкая надпись надъ главнымъ порталомъ. Внутренній дворъ, на которомъ растутъ вѣковые каменные дубы, поражаетъ своей красотой. Раскопки оказали услуги и мечети, такъ какъ Вигандъ реставрировалъ весьма цѣнное для турецкаго искусства зданіе.

Отъ мечети нашъ путь идетъ дальше къ югу. Мы все еще находимся на почвѣ Милета и подходимъ къ эллинистической городской стѣнѣ съ южными воротами, Священными воротами. Эта стѣна, выдающееся произведеніе греческаго фортификаціоннаго искусства, замыкала эллинистическій Милетъ съ юга, единственнаго мѣста, гдѣ полуостровъ соединялся съ материкомъ. До сихъ поръ удалось установить положеніе трехъ воротъ и, кромѣ того, семи квадратныхъ башенъ, каждая въ два этажа, изъ которыхъ нижній былъ построенъ сплошнымъ, а верхній приспособленъ для установки метательныхъ орудій. Старый же Милетъ, разрушенный персами въ 494 году, выходилъ далеко за стѣны. Какъ установлено за послѣдніе годы, онъ занималъ обширное поле къ югу отъ городской стѣны, а также включалъ известковую, вышиною въ 63 метра, гору, называющуюся теперь Калабактепе. Она, вѣроятно, являлась крѣпостью древнѣйшаго Милета,

отстояла она отъ моря только на 100 метровъ. Отъ ея крѣпостной стѣны на южной сторонѣ сохранилась лишь незначительная часть съ воротами, защищенными двумя башнями. На сѣверномъ склонѣ и у подошвы горы найдены многочисленныя развалины архаическихъ домовъ. Здѣсь откопали также маленькій храмъ въ антахъ. Большое количество обычно употребляемой утвари, особенно посуды и свѣтильниковъ, облегчаетъ возможность получить наглядное представленіе о жилищахъ и частной жизни древнѣйшихъ милетцевъ.

У южныхъ воротъ начинается Священная дорога. Она вела набожнаго милетскаго паломника въ Дидимы, къ древнему, высокосвященному храму Аполлона, который хотя и отстоялъ километровъ на пятнадцать отъ Милета, но находился въ тѣсной связи съ послѣднимъ. Священные ворота города найдены и откопаны. На кускѣ стѣны открыта была надпись, прославляющая на латинскомъ и греческомъ языкахъ тотъ фактъ, что императоръ Траянъ сдѣлалъ снова проходимою Священную дорогу, засыпавъ долины и прорѣзавъ холмы. Намъ хорошо извѣстно теперь начало Священной дороги съ превосходными надгробными памятниками по обѣимъ сторонамъ, но далѣе отъ воротъ, метрахъ въ 500 отъ нихъ, линія дороги еще скрыта отъ насъ. Правда, современные ученые ежедневно выѣзжаютъ за Священные ворота, держась приблизительно направленія дороги, чтобы добраться до лежащаго высоко на холмахъ въ $\frac{3}{4}$ часа пути отъ Милета дома, построеннаго для работающихъ на раскопкахъ. Однако прослѣдить направленіе древней дороги пришлось бы по многочисленнымъ нивамъ и полямъ, что довольно трудно и поэтому можетъ быть выполнено лишь медленно. Такимъ образомъ пока приходится довольствоваться чтеніемъ описанія ея на камняхъ Милета и сопровождать процессію во время ея торжественнаго шествія въ Дидимы.

Это — процессія танцовщиковъ Аполлона, которые ежегодно въ мѣсяцѣ Тауреонѣ совершали святое паломничество. Они образовывали союзъ, существованіе котораго

можно прослѣдить въ теченіе, по крайней мѣрѣ, семи столѣтій, и который стоялъ въ тѣсной связи съ государственнымъ культомъ.

Религіозный союзъ мольповъ проявлялъ почитаніе боговъ, главнымъ образомъ, пѣніемъ и танцами. Во главѣ стояло эсимнетъ, на которомъ лежало руководство какъ хозяйственной, такъ и музыкальной частью. Помощниками его были пять *просѣταιροι*, представители народа, делегированные филими въ администрацію полуофициальной гильдіи пѣвцовъ, очевидно, потому, что городъ былъ весьма заинтересованъ въ ея существованіи, такъ какъ большинство религіозныхъ праздниковъ сопровождалось обычно исполненіемъ музыкальныхъ номеровъ. Члены союза распадаются на нѣсколько классовъ, главный изъ которыхъ носилъ названіе *στέφανηφόροι*, т.-е. носители вѣнка. Наоборотъ, младшіе классы, которые должны были дѣлать и нѣкоторыя низкія работы, носятъ названіе *ὄυτάδαι*, ослики.

Неяснымъ остается, какъ члены раздѣлялись на различные хоры, однако на опредѣленныхъ праздникахъ происходили состязанія мольповъ въ пѣніи. Въ составъ администраціи союза входилъ, разумѣется, и жрецъ, такъ какъ у союза былъ свой домъ, въ которомъ находилось также святилище союза.

Въ качествѣ низшаго чиновника мы знаемъ вѣстника, который вмѣсто жалованья былъ освобожденъ отъ взносовъ въ союзную кассу и получалъ, сверхъ того, долю внутренностей всѣхъ жертвенныхъ животныхъ и бесплатно вино, которое онъ однако долженъ былъ на свой счетъ доставлять въ различныя мѣста празднествъ, гдѣ приходилось выступать пѣвцамъ.

О публичныхъ выступленіяхъ этого союза мы узнаемъ изъ важнѣйшаго опубликованнаго уже документа, который можетъ быть отнесенъ къ 448 году и содержитъ часть устава союза. Однако мы знакомимся только съ тѣмъ, что ему, по стародавнему обычаю, приходилось уже задолго до персидскихъ войнъ выполнять въ культѣ Аполлона Дельфинія. Связь союза съ храмомъ этого бо-

га, повидимому, была весьма тѣсная. Дѣйствительно, выборы эсимнета и прикомандированныхъ къ нему делегатовъ производятся въ святилищѣ Аполлона послѣ исполненія пѣсни союза, пѣана. Это происходило седьмого числа, въ день рожденія Аполлона. Девятаго же новый предсѣдатель вступалъ уже въ должность, получая полагающійся ему почетный кусокъ бедра жертвеннаго быка. Затѣмъ вино смѣшивалось въ кратерахъ, что вообще всегда дѣлали въ пѣвческомъ домѣ, и союзъ запѣвалъ свой пѣанъ. Выходящій въ отставку эсимнетъ приносилъ жертву Гестіи, домашней богинѣ союза, и долженъ былъ заплатить за кратеръ вина и спѣть соло. — И такъ продолжалось постоянно, — всякій разъ при выступленіи пѣвцовъ проводится точное различіе между тѣмъ, что составляетъ государство, — на что они могли претендовать, какъ на гонораръ, — и тѣмъ, что они сами обязаны были приносить къ празднику. Ибо союзъ, владѣя хорошо обставленнымъ союзнымъ домомъ, обязанъ былъ во время большихъ праздниковъ, когда храмового инвентаря не хватало на многочисленныхъ гостей, приходить на помощь персоналу храма, доставляя глиняную, желѣзную и мѣдную посуду, дрова, воду, столы, сосновые лучины для освѣщенія, которыя скоро замѣнили масляные свѣтильники, цыновки, на которыхъ дѣлили мясо, путы для жертвенныхъ животныхъ. Кромѣ того, онитады должны были прислуживать на праздникѣ и помогать жарить внутренности, варить и разрѣзать куски мяса, печь праздничные пироги.

Самымъ чтимымъ днемъ для всего союза былъ день большой государственной процессіи изъ Милета въ Дидиму. Пѣвцы и танцовщики составляли тутъ самый главный элементъ процессіи, такъ какъ въ ихъ постановленіяхъ значится: „Когда носители вѣнковъ идутъ въ Дидимы, городъ даетъ въ качествѣ гекатомбы трехъ наилучшихъ жертвенныхъ животныхъ“. Процессія собирается въ Дельфиніи, гдѣ носители вѣнковъ должны принести жертву. Затѣмъ направляются торжественнымъ шествіемъ по главной улицѣ города къ Священнымъ воро-

тамъ. Здѣсь рядомъ съ Гекатой у воротъ ставятъ и украшаютъ вѣнкомъ одинъ изъ двухъ игральныхъ камней, которые несутъ въ процессіи, и окропляютъ его также чистымъ виномъ. При этомъ поютъ и пѣанъ. Затѣмъ уже праздничная процессія направляется по Священной дорогѣ, которая ведетъ въ Дидимы, и описаніе памятниковъ которой мы имѣемъ въ упомянутомъ документѣ: „Они идутъ сначала по широкой дорогѣ до возвышенности, отъ возвышенности черезъ лѣсъ“. Послѣдуемъ и мы за ними по этому пути.

VI. Храмъ Аполлона Дидимскаго.

Отъ Священныхъ воротъ дорога медленно подымается въ гору между табачными плантаціями и доходитъ до увѣчанной вѣтряными мельницами возвышенности, у которой расположенъ домъ для работающихъ на раскопкахъ, близъ маленькой греческой деревни Аккеи. Чудный видъ открывается съ возвышенности. На сѣверѣ далеко виденъ древній Милетъ и долина Меандра, на югѣ, какъ бы завершая картину, разстилается море съ его богатой цѣпью острововъ отъ Самоса до Калимны. Наша турецкая лошадь съ трудомъ взбирается на послѣдній крутой холмъ, и тогда передъ нами открывается синій, тихо волнующійся Архипелагъ, и мы наслаждаемся отсюда видомъ устья Меандра, который уже не впадаетъ въ море у Милета, какъ прежде, но, постоянно образуя все новыя и новыя лагуны, отодвинулъ море на много миль отъ материка. Наша дорога становится теперь все болѣе и болѣе величественной. Сначала она идетъ у самаго моря по краю отвѣснаго берега до мыса Плаки, гдѣ обыкновенно пристають теперь туристы, пріѣзжающіе въ Милетъ водою. Далѣе побережье имѣетъ уже болѣе мягкія очертанія; вдоль пути тянется бѣлый красивый пляжъ, на которомъ находятъ прелестнѣйшія раковины; вдоль обработанныхъ полей мы черезъ 1½ часа достигаемъ плодородной долины бухты Кувеллы, древней гавани

Панорма; отсюда Священная дорога черезъ 45 минутъ приводитъ насъ наверхъ къ храму Аполлона Дидимскаго.

Дорога, которую мы прошли, съ каждымъ шагомъ все больше и больше наслаждаясь въ высшей степени красивымъ ландшафтомъ, это — съ нѣкоторыми уклоненіями — древняя Священная дорога процессій изъ Милета въ Дидимы. И вполне естественно, что надписи танцовщиковъ и тысяча другихъ нитей, указывающихъ на близкую связь Милета съ Дидимами, направили мысль руководителя раскопокъ, Теодора Виганда, на громадный храмъ Аполлона, окончательныя раскопки котораго, какъ завершеніе милетскихъ раскопокъ, начаты были весной 1905 года королевскими берлинскими музеями при щедрой поддержкѣ частныхъ лицъ, любителей искусства.

Уже древніе милетцы ясно показали всему свѣту свое право на Священную дорогу монументальными украшеніями, особенно многочисленными въ послѣдней части ея, отъ гавани до храма. Какъ Левъ св. Марка еще теперь охраняетъ города, принадлежавшіе нѣкогда къ Terra Firma Венеціи, такъ охраняли милетскія гавани, а также Священную дорогу львы милетскаго герба, изъ которыхъ пять мраморныхъ львовъ уже найдены. И когда, наконецъ, издали уже показывались гордыя колонны храма, тогда благочестиваго паломника приводили въ благоговѣйное настроеніе тѣ торжественно серьезныя архаическія мраморныя статуи сидящихъ мужчинъ, которыя въ количествѣ, по крайней мѣрѣ, девятнадцати штукъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга стояли справа вдоль дороги къ храму и служили долговѣчнымъ свидѣтельствомъ благочестиваго почитанія, которое оказывали богу посѣтителю храма въ VI вѣкѣ до Р. Хр.

Тутъ проходили въ процессіи и пѣвцы, за которыми мы хотѣли слѣдовать, потому что среди стоянокъ, гдѣ они останавливались, чтобы пропѣть пѣанъ, на послѣднемъ мѣстѣ упоминается: „въ области Рогатаго у мужскихъ фигуръ Хареса». Дѣйствительно, одна изъ лучшихъ фигуръ сидящаго мужчины имѣетъ на стулѣ над-

пись древними іоническими буквами: „Я Харесь, сынъ Клесиса, властитель Тейхіуссы, обѣтныи даръ Аполлону“. Другія каменные фигуры на дорогѣ также рассказываютъ еще о своемъ происхожденіи, а наиболѣе подробно—одинъ изъ львовъ этой части Священной дороги, на спинѣ котораго читаемъ: „Эти дары посвятили Аполлону, какъ десятину, сыновья Пиѳона, предводителя, Ѡалесь и Пасикль, и Хагесандръ, и Анаксилей“. Итакъ, эти монументальныя украшенія праздничной дороги обязаны своимъ существованіемъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ. Но милетцы позаботились и о томъ, чтобы и сама дорога съ ея шоссе шириною въ 4,8 метра имѣла монументальный характеръ. До самыхъ воротъ, заканчивающихъ собою дорогу процессій, тянутся вдоль нея многочисленныя гробницы. Затѣмъ она идетъ между рядами домовъ городка при храмѣ, частью же ее окаймляютъ крытыя галереи и лавки. Длинная первая часть дороги процессій также, повидимому, имѣла во многихъ мѣстахъ подобныя же украшенія, потому что и у мыса Плаки найдены были двѣ возсѣдающія на тронѣ мраморныя фигуры, точно такъ же, какъ и въ юстиніановой стѣнѣ найдены были четыре такихъ же фигуры, которыя украшали, быть можетъ, начало Священной дороги. Всѣ эти придорожныя статуи имѣютъ для насъ еще особую цѣнность, какъ единственныя свидѣтельницы эпохи до персидскихъ войнъ, эпохи древняго Дидимскаго храма. И по особому стеченію обстоятельствъ именно въ тѣ годы, когда приступили къ болѣе точному изслѣдованію сожженнаго персами города, начались и раскопки въ гордой крѣпости персидскихъ царей—въ Сузѣ, гдѣ Дарій сложилъ свою взятую у грековъ добычу. Дѣйствительно, французскій капитанъ де-Морганъ нашелъ въ Сузѣ предметы, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, были привезены сюда персами въ качествѣ добычи. Между ними имѣется мѣдный слитокъ, около 93 килограммовъ вѣсомъ, представляющій изъ себя гирю съ двумя ушками. Надпись древними милетскими буквами сообщаетъ, что Аристолахъ и Ѡрасонъ посвятили металлъ въ даръ Аполлону,

какъ десятину своей добычи, и что отлилъ его Гесиклъ, сынъ Кидимандра.

Статуи сидящихъ мужчинъ вдоль Священной дороги указываютъ на то, что уже въ раннюю эпоху самый храмъ едва могъ вмѣстить всю массу обѣтныхъ даровъ и произведеній искусства. Неудивительно поэтому, что культурные народы уже рано начали оспаривать другъ у друга это сокровище греческаго искусства. Особенно старались заполнить свои музеи художественными предметами изъ этой сокровищницы іонійскаго искусства двѣ націи, англичане и французы.

Уже въ 1673 г. нѣкоторые англійскіе купцы изъ Смирны вмѣстѣ съ жившимъ тамъ врачомъ Пикерингомъ посѣтили Дидимскій храмъ. Сдѣланные ими замѣтки и рисунки были англійскимъ консульствомъ переданы извѣстнымъ путешественникамъ Джеку Спону и Джоржу Уилеру. Правда, они уже не нашли храмовыхъ стѣнъ въ такой сохранности, какъ ихъ описываетъ въ 1446 году итальянскій купецъ Кириакъ изъ Анконы,—все же найденныя ими колонны и части стѣнъ целлы были тогда въ гораздо большей сохранности, чѣмъ теперь. Почти столѣтъ спустя Society of Dilletanti (и это было большой ея заслугой) снарядила для описанія іонійскихъ древностей экспедицію, члены которой д-ръ Ричардъ Чэндлеръ, Николай Реветтъ и художникъ У. Пэрсъ въ 1765 году два дня зарисовывали Дидимы. Такъ какъ они дали лишь архитектурныя детали, но не планъ и общій видъ, то въ 1812 году посланъ былъ съ двумя архитекторами въ дополнительную экспедицію Уильямъ Гелль, который доставилъ планъ храма и окрестностей и видъ Священной дороги со статуями. Такъ привлечено было въ Англии вниманіе на статуи сидящихъ мужчинъ, которыя позднѣе, въ 1858 году, Чарльзъ Томасъ Ньютонъ послѣ непродолжительныхъ раскопокъ доставилъ въ Лондонъ.

У французовъ интересъ къ Дидимамъ былъ пробужденъ путешествіями, предпринятыми частными лицами. Графъ Шуазель-Гуфье первый далъ въ своемъ трудѣ „Voyage pittoresque“ (1782) краткое описаніе Милета и Дидимъ.

За нимъ послѣдовалъ въ 1817 году графъ Фурбенъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи французское военное судно и везшій съ собою нѣсколько художниковъ и архитекторовъ, которые могли бы сдѣлать необходимые снимки. Однимъ изъ нихъ былъ Жанъ Гюйо, замѣчательные эскизы и снимки котораго съ развалинъ Магнезіи, Милета и Дидимъ найдены были въ Парижской Национальной библиотекѣ. Затѣмъ, въ 1833 году, министръ народнаго просвѣщенія Гизо послалъ на казенный счетъ на Востокъ Шарля Тексье съ порученіемъ представить описаніе древнихъ городовъ и памятниковъ всей Малой Азіи. Имѣя передъ собою такую задачу, Тексье могъ посвятить Дидимахъ лишь нѣсколько дней. Прошло еще сорокъ лѣтъ, пока нашлись въ Парижѣ два человѣка, Густавъ и Эдмонъ Ротшильды, которые въ 1872 году снарядили новую экспедицію въ долину Меандра, поручивъ выполнение этого дѣла археологу Оливье Райэ вмѣстѣ съ архитекторомъ Альберомъ Тома. Оба эти лица съ большимъ успѣхомъ работали также и въ Дидимахъ и наполнили цѣлый залъ въ Луврѣ находками, но имъ пришлось преждевременно прервать свои работы. Лишь въ 1895 году французское правительство рѣшилось снова приступить къ этому дѣлу. Археологъ Б. Госсуллье и архитекторъ К. Понтремолли производили раскопки въ Дидимахъ въ 1895 и 1896 годахъ и описали свои находки въ роскошномъ иллюстрированномъ сочиненіи. Однако и ихъ работа имѣла значеніе только частичныхъ раскопокъ, имъ пришлось ограничиться лишь раскопками главнаго фасада храма. При этомъ имъ удалось открыть множество надписей, которыя оказались въ высшей степени цѣнными для ознакомленія со всѣмъ храмомъ и исторіей его постройки. Но внутрь святилища они не проникли.

И вотъ, послѣ того, какъ и эти французскіе ученые не выполнили задачи своего путешествія, за дѣло взялись здѣсь въ сентябрѣ 1906 года нѣмецкіе ученые. Не одна какая-нибудь часть храма должна была быть раскопана, но все громадное зданіе въ его цѣломъ. Конечно, сто лѣтъ тому назадъ эту задачу легче было бы разрѣшить, чѣмъ

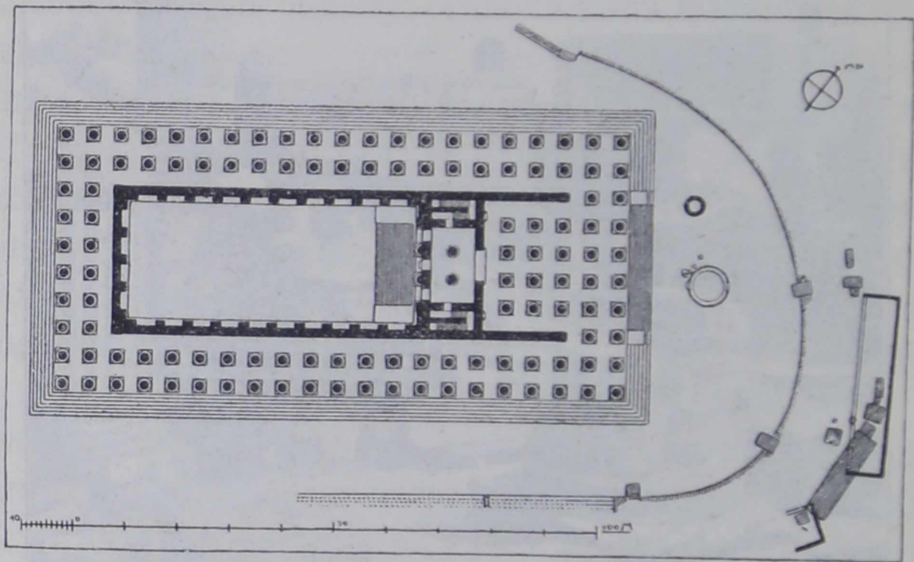
теперь, такъ какъ тогда площадь храма была свободна, между тѣмъ какъ приблизительно съ 1790 года тамъ выросла греческая деревня Геронта. Дома ея лежали прямо у храма, даже на развалинахъ его, и наверху, на горѣ, тоже на развалинахъ, вертѣлись крылья вѣтряной мельницы. Раскопки пришлось такимъ образомъ начать съ

Дидимы. Фасадъ храма Аполлона.

покупки этой мельницы и всѣхъ домовъ вокругъ храма, при чемъ лишь послѣ утомительнѣйшаго торга удалось сойтись въ цѣнѣ. Всѣ зданія снесли, и этимъ создана была вокругъ храма свободная зона, давшая широкій просторъ, столь необходимый для грандіозной работы. Но великолѣпное зданіе щедро вознаградитъ за всѣ потраченныя усилія! Это—гигантское зданіе въ 109,41 метра

длины и 51,13 метра ширины. На искусственной террасѣ изъ семи высокихъ уступовъ поднимался лѣсъ колоннъ двойного перистиля, отъ внутренняго ряда колоннъ котораго стоятъ еще на мѣстѣ три колонны, двѣ на сѣверной сторонѣ и одна на южной, тогда какъ всего храмъ имѣлъ 120 колоннъ. Семь уступовъ со стороны главнаго фасада, обращеннаго на востокъ, превращены были путемъ удвоенія шести верхнихъ въ удобную открытую лѣстницу въ тринадцать ступеней, которая ведетъ въ пронаосъ, переднее помѣщеніе храма, и имѣеть рав-

Дидимы. Планъ храма Аполлона.

ную съ нимъ ширину (25 метровъ). Въ пронаосѣ двѣнадцать іоническихъ колоннъ поддерживали богато декорированный мраморный потолокъ, отдѣланный кассетами. Входъ въ среднюю залу образовывали громадныя мраморныя ворота, никогда не запиравшіяся, а справа и слѣва отъ нихъ находились двѣ маленькія двери сводчатыхъ идущихъ внизъ коридоровъ, которые выходили подъ средней залой въ лежащую на 4,5 метра ниже главную залу. Техника ихъ свода отличается высокимъ совершенствомъ. Изъ средней залы вели внизъ въ главную залу три двери. Черезъ послѣднія вступали на величественную открытую лѣстницу, ведущую на 6 метровъ внизъ. Работы по раскопкѣ главной залы еще продолжаются, и онѣ

выясняютъ намъ расположеніе остальныхъ внутреннихъ помѣщеній, хресографейона, адитона ¹⁾, верхняго этажа. До 1906 года откопали одинъ только главный фасадъ. И послѣдній уже доставилъ намъ удивительные образцы архитектуры храма. Особенно же хорошо ознакомились съ колоннами и ихъ перекрытіемъ. Все это построено въ совершенно своеобразномъ вкусѣ. Ни у одной изъ десяти колоннъ главнаго фасада нѣтъ базы, похожей на базу другой колонны, но каждая база въ богатой смѣнѣ геометрическихъ и цвѣточныхъ орнаментовъ должна быть разсматриваема какъ самостоятельное художественное произведеніе. То же самое было съ капителями, какъ можно было убѣдиться по балкамъ сѣверо-восточнаго угла. Въмѣсто обычныхъ іонійскихъ капителей угловыя колонны имѣли фигурныя капители, представлявшія грифона, голову быка и бюстъ божества, голова котораго грозно смотритъ въ даль. Отдѣльныя части фриза украшены попеременно виноградными лозами и головами медузъ. Какое колоссальное количество труда и денегъ должны были затратить милетцы на этотъ храмъ! И сколько времени должно было пройти до окончанія его? Развалины и на эти вопросы даютъ отчасти уже теперь отвѣтъ.

Громадное зданіе никогда не было совершенно закончено. Стоитъ только взглянуть на южную колонну. На ней нѣтъ совсѣмъ каннелюръ, тогда какъ на обѣихъ сѣверныхъ есть. А десять великолѣпныхъ базъ на главномъ фасадѣ обнаруживаютъ во многихъ мѣстахъ своими скульптурными украшеніями начатую, но не законченную работу. Даже ступеньки открытой лѣстницы, которою, несомнѣнно, пользовались, и пилоны на ней еще и нынѣ имѣютъ марки каменоломень, откуда они взяты, и имена подрядчиковъ, доставившихъ ихъ.

Объясненіе этому поразительному факту даетъ исторія постройки храма, матеріалы для которой, болѣе

¹⁾ Хресографейонъ—помѣщеніе, гдѣ записывались отвѣты, данныя орაკуломъ вопрошавшимъ; адитонъ — особо священное помѣщеніе храма, куда обыкновенно могли входить только жрецы.

Прим. ред.

богатые и точные, чѣмъ для какого-либо иного античнаго зданія, мы можемъ найти въ найденныхъ строительныхъ документахъ,—въ отчетахъ, которые, по древнему обычаю, выставлялись для всеобщаго обозрѣнія. Они сообщаютъ о всѣхъ деталяхъ новой постройки храма, начатой послѣ 333 года. О старомъ храмѣ, который персы сожгли въ 494 году, въ этихъ отчетахъ, конечно, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Однако уже найдены строенія и архитектурныя части той эпохи, особенно терраса для обѣдненныхъ приношеній на восточномъ фасадѣ храма, архаическій алтарь передъ восточнымъ фасадомъ, остатки архаическихъ колоссальныхъ фигуръ, обломки іонійскихъ капителей и мраморныхъ черепицъ.

Чтеніе документовъ позволяетъ намъ заглянуть въ строительную контору *νεοπολείου*, гдѣ можно было разсматривать контракты съ отдѣльными подрядчиками, цѣны на рабочія руки, строительные планы и модели, гдѣ, быть можетъ, находились и кабинеты архитекторовъ-руководителей. Мы видимъ каменотесовъ за работой надъ неоконченными еще колоннами: одинъ дѣлалъ каннелюры на готовыхъ уже колоннахъ, на другого падала гораздо болѣе трудная задача — точно измѣрить барабаны и намѣтить каннелюры маленькими параллельными штрихами. Вѣдь открыли же острые глаза французскихъ изслѣдователей на шести изъ восемнадцати барабановъ южной колонны крошечныя отмѣтки каменотесовъ, указывающія въ цифрахъ діаметръ прилегающихъ барабановъ! Или мы обозрѣваемъ процессъ перевозки каменныхъ колоссовъ для высокихъ 20-тиметровыхъ колоннъ отъ каменоломень къ кораблю и отъ гавани Панорма до храма, читая въ отчетахъ: „Перевозка восьми барабановъ для колоннъ, размѣромъ 700 кубическихъ футовъ, отъ каменоломни (вѣроятно, на островахъ Корсіаяхъ у Патмоса) къ берегу и отсюда въ Панормъ. Перевозка 19-ти барабановъ изъ Панорма по Священной дорогѣ къ храму по условленной счетоводами храма цѣнѣ въ 4.450 драхмъ 3 обола. Отдѣлка этихъ 19-ти барабановъ—2.009 драхмъ 3 обола. Постройка лѣсовъ для поднятія барабановъ третьей ко-

лонны—200 драхмъ. Установка барабановъ (указаніе числа ихъ отсутствуетъ) той же колонны—724 драхмы 3 обола“. Или, наконецъ, мы прослѣживаемъ движеніе работъ на одномъ и томъ же мѣстѣ зданія черезъ рядъ лѣтъ и заглядываемъ въ мастерскія для обтесыванія камней. Въ теченіе многихъ лѣтъ мастерской служилъ пронаосъ храма, тогда какъ въ хресмографейонѣ помѣщался складъ обработанныхъ уже мраморныхъ глыбъ. Тутъ можно прослѣдить за судьбой многихъ камней отъ момента отправки изъ гавани до того момента, когда они достигали конечнаго пункта своего назначенія. Особенно это можно сказать, напримѣръ, о матеріалѣ для большой главной двери средней залы. О ней отчеты одного года середины второго вѣка сообщаютъ: „Изъ хресмографейона, склада, доставлены были въ продомосъ мраморные дверные косяки. Притолоку привезли изъ гавани Панорма на мѣсто стройки и доставили въ мастерскія и работали надъ подстилкой дверного порога и надъ ложемъ косяковъ; наконецъ, установили косяки“.

Нѣсколько лѣтъ спустя мы читаемъ слѣдующія интересныя детали о дальнѣйшемъ ходѣ работъ: „Дверная перекладина доставлена была изъ хресмографейона въ продомосъ, послѣ того какъ была построена и установлена подъемная машина на четырехъ колесахъ. Затѣмъ по сооруженію второй двухколесной машины дверная перекладина поднята была на косяки. Привезенъ былъ также изъ гавани Панорма фризь и антифризь двери. Оба сначала были обтесаны и затѣмъ подняты на дверную перекладину. Все вмѣстѣ составляетъ 1702½ кубическихъ фута“.

Отчеты слѣдующихъ лѣтъ даютъ намъ затѣмъ возможность получить полное представленіе объ общемъ видѣ этой великолѣпной двери. Это—монументальная коринтская дверь, подобно двери аѣинскаго Эрехтейона. У косяковъ были богатые консоли, поддерживавшія покрытый орнаментомъ фризь. Послѣ шестилѣтней работы дверь закончена была самое большее начерно, такъ какъ болѣе ста лѣтъ спустя надъ ней опять работали. Тогда милет-

скій посоль привезъ отъ двора царя Птолемея XIV (51—47) изъ Александрии даръ для храма, состоявшій изъ тридцати четырехъ слоновыхъ зубовъ (около 482 килограммовъ слоновой кости для большой двери). Итакъ, вѣроятно, имѣлась временная деревянная дверь въ вѣрномъ расчетѣ на какого-нибудь царственнаго благодѣтеля, который украсилъ бы ее болѣе благороднымъ матеріаломъ.

Помимо такихъ деталей, отчеты по постройкѣ даютъ далѣе разъясненія по многимъ общимъ вопросамъ, возникающимъ въ связи съ такимъ громаднымъ предприятиемъ. Прежде всего можно хорошо изучить вопросъ о поставкахъ и о раздачѣ работъ по этой грандіозной постройкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отчеты содержатъ утомительный перечень данныхъ, въ кубическихъ футахъ и квадратныхъ метрахъ, о произведенныхъ въ годъ работахъ надъ стѣнами храма и колоннами и даютъ намъ такимъ образомъ возможность мѣстами контролировать ходъ работъ метрами. При этомъ мы узнаемъ, что поставка отдѣльныхъ каменныхъ глыбъ и приспособленіе ихъ къ употребленію при постройкѣ храма предоставлено было по крайней мѣрѣ 19-ти подрядчикамъ, изъ которыхъ одни доставляли только мраморъ, другіе—только известнякъ. Главной работой надъ самымъ храмомъ и собственно постройкой занимались *ἱεροὶ παῖδες*, рабы бога. Они работали за гораздо болѣе дешевую плату, чѣмъ чужіе каменщики, поэтому храмовая администрація пользовалась ими, гдѣ только было возможно, и старалась съ ихъ помощью добиться экономіи. Для того же, чтобы при годовомъ отчетѣ можно было точно установить, какіе камни для храмовой стѣны, мостовой, ступенекъ лѣстницы доставили *ἱεροὶ παῖδες* и какіе—разные строительные подрядчики, каждый поставщикъ обыкновенно выставялъ на передней сторонѣ глыбы свое имя, которое, разумѣется, должно было быть стесано при окончательной шлифовкѣ стѣнъ. А такъ какъ храмъ сохранился въ неоконченномъ видѣ, то и теперь еще можно на многихъ глыбахъ прочитывать такія имена, и храмовая стѣна, въ томъ видѣ, какъ она еще существовала въ 1673 г. при посѣщеніи англи-

чанъ, имѣла на отдѣльныхъ кускахъ массу именъ. Тутъ читали то: ΙΕ (ρός) δημό (σιος) Μι (λησίων), то ΕΒ (τύχους), или Θεοδότη (ου), и поставки этихъ и другихъ подрядчиковъ можно было прослѣдить и въ отчетахъ по постройкѣ. Другого рода надписи мы имѣемъ на южныхъ храмовыхъ уступахъ. Въ римскую эпоху, когда вокругъ храма устроенъ былъ стадіонъ, эти уступы служили сидѣніями для зрителей на бѣгахъ. Свыше 250 мѣстъ отмѣчены надписями.

Далѣе возможно прослѣдить на протяженіи столѣтій, какъ подвигалась впередъ вся работа. Можно узнать, какъ сказывалось вліяніе политики на постройкѣ храма, и указать, въ какіе годы милетская государственная касса была такъ истощена, что работа почти совершенно приостанавливалась. Можно также вычислить, какова была высота храмовыхъ стѣнъ въ опредѣленные годы. Твердо установлено было, что между 180—150 годами до Р. Хр. ступеньки открытой лѣстницы не были окончены, гордые пилоны не были украшены статуями, въ лѣсѣ колоннъ перистиля не настланъ былъ еще полъ. Самыя колонны также еще не всѣ стояли на своихъ мѣстахъ, нѣкоторыя изъ нихъ поставлены были только въ императорскую эпоху.

Но самое замѣчательное въ этомъ незаконченномъ еще храмѣ то, что громадной площадью, отведенной подъ зданіе, непрерывно, въ продолженіе вѣчно продолжавшейся стройки, пользовались для цѣлей культа. Надписи даютъ намъ и на этотъ счетъ самыя точныя разъясненія. Онѣ содержатъ своего рода списокъ посѣтителей храма въ храмовыхъ инвентаряхъ, т.-е. описи даровъ, посвященныхъ посѣтителемъ богу. Уже въ 312 году царь Сиріи Селевкъ I обращался съ вопросомъ къ новооснованному оракулу и въ 295/4 году, — подъ вліяніемъ, вѣроятно, своего генерала Демодаманта, родомъ изъ Милета, — изъявилъ ему истинную царскую благодарность, возвративъ статую бога, бронзоваго колосса работы Канаха, увезеннаго нѣкогда персами въ Сузу. Также и сынъ его Антиохъ I выстроилъ въ Милетѣ портикъ съ лавками для сдачи въ наемъ, доходъ съ которыхъ долженъ былъ поступать въ

кассу Дидимейскаго храма. И вотъ вокругъ только что начатаго постройкой храма, отъ котораго не видно было еще ни одной колонны, а лишь самое большее—части стѣнъ целлы, зародилась новая жизнь, такъ какъ храмъ долженъ былъ самъ себя выстроить. Если бы не удалось снова привлечь искусными рекламами толпы паломниковъ къ нѣкогда знаменитому мѣстонахожденію оракула, то у храма не оказалось бы достаточно доходовъ, чтобы продолжать постройку. Но это удавалось! Уже вскорѣ послѣ 293 года до Р. Хр. были опять въ ходу Дидимейи, праздничныя игры, какія происходили около столь многихъ греческихъ храмовъ. Побѣдитель, большей частью родомъ изъ окрестностей, получалъ въ награду денежный призъ. Однако вначалѣ, вѣроятно, эти игры на площади, отведенной подъ строившійся храмъ, привлекали мало посѣтителей изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Поэтому пришлось, повидимому, прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительному рекламированію храма. Такъ, около 246—240 годовъ до Р. Хр. милетцы, какъ полстолѣтія спустя и магнезійцы, рѣшили объявить свой храмъ и его игры мѣстомъ національнаго праздника для всей Греціи и замѣнить денежный призъ побѣдителю, какъ это было въ обычаѣ, вѣнкомъ Аполлона. Разумѣется, это важное измѣненіе было предписано въ соотвѣтствующихъ изреченіяхъ оракула самимъ богомъ и высокими покровителями святилища, властителями изъ династіи Селевкидовъ, которые обязаны были дидимейскому оракулу маршальскимъ жезломъ и трономъ. Милетцы не преминули также для вящей религіозной мотивировки значенія Дидимъ указать на тотъ фактъ, что Зевсъ и Латона, родители Аполлона и Артемиды, отпраздновали въ Дидимахъ свое священное бракосочетаніе. Такъ значитъ въ письмѣ, адресованномъ по этому поводу городу Косу и найденномъ тамъ Рудольфомъ Герцогомъ.

Съ подобными письмами разъѣзжали тогда еѳоры, или священные послы, по всему греческому міру отъ княжескаго двора въ Александріи до царей Внѳиніи, чтобы передать торжественное приглашеніе прислать делега-

товъ на праздникъ въ Дидимахъ. И если приглашенный государь не желалъ имѣть своего представителя въ Дидимѣ, то все же онъ посылалъ богатые дары въ благодарность за благопріятныя изреченія оракула или за статуи, воздвигнутыя ему и его супругѣ въ Милетѣ или Дидимахъ. Но, по крайней мѣрѣ, посламъ должны были давать даръ для бога, часто наличными деньгами, на которыя затѣмъ въ Милетѣ изготовлялся подарокъ богу съ соответствующей надписью: сдѣлано изъ почетнаго дара царя Антиоха и т. д. Мы имѣемъ за много лѣтъ опись поступившимъ такимъ путемъ во владѣніе бога золотымъ и серебрянымъ вещамъ, и далеко небезынтересно прочитывать ее. Тутъ и тощіе годы, въ которые богу посвящены были только двѣ скромныхъ серебряныхъ чаши стоимостью въ 90—100 драхмъ каждая, или благочестивый землевладѣлецъ увеличилъ храмовую конюшню, подаривъ пять паръ муловъ съ полагающимися къ нимъ пятью рабами. Гораздо уже больше вознаграждалась дѣятельность *ταμίαι τῶν ἱερῶν χρημάτων*, коллегіи шести финансовыхъ чиновниковъ, въ тотъ годъ, когда неизвѣстный намъ благотворитель дарилъ золотой кадилный алтарь стоимостью въ 500 золотыхъ монетъ, или когда вообще приходилось заносить въ инвентарь многочисленныя золотыя вѣнки, миски, чаши стоимостью въ 200 золотыхъ монетъ и серебряныя чаши стоимостью въ 50—2.000 драхмъ.

Когда же дѣло шло о приѣмѣ пословъ могущественныхъ царей Египта, Сиріи и Вифиніи или даже галатскихъ вождей и принятіи и занесеніи въ инвентарь ихъ богатыхъ даровъ, тогда вся коллегія бралась торжественно за работу. Но рѣдко, вѣроятно, чиновники отправляли свою должность съ большей радостью и гордостью, чѣмъ въ 246 году до Р. Хр. Тогда въ Милетѣ прибылъ спеціальныи посолъ царя Селевка II, чтобы вручить слѣдующее собственноручное письмо послѣдняго: „Царь Селевкъ шлетъ совѣту и народу Милета свой привѣтъ. Мы послали Полианта, чтобы онъ доставилъ въ храмъ Аполлона въ Дидимахъ большую лампу и золотыя и серебряныя сосуды для

питья въ качествѣ дара богамъ-спасителямъ, всѣ съ надписями. Вы же примите при его прибытіи эти дары, посланные съ благочестивыми желаніями, и передайте ихъ въ храмъ, и когда вы будете ихъ употреблять для возліяній или чего-либо другого, да будетъ вамъ благо и счастье, а городу вашему долговѣчность, каково мое и ваше желаніе. Итакъ, примите у себя Полианта, и когда вы совершите освященіе даровъ, принесите жертву, которую мы ему поручили принести, позаботьтесь также о томъ, чтобы все совершенно было подобающимъ образомъ. Я приложилъ для васъ при семь описъ предназначенныхъ для храма золотыхъ и серебряныхъ вещей, дабы вы знали различныя качества и вѣсъ каждой вещи. Прощайте". И даръ Селевка былъ поистинѣ царскимъ, какъ указываетъ сохранявшаяся на томъ же камнѣ опись. Это, повидимому, была такая коллекція отборныхъ художественныхъ произведеній золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, которая составила бы славу величайшему современному музею. Тутъ упоминаются золотыя чаши съ оригинальнымъ орнаментомъ изъ финиковъ и посвященіемъ Озирису, или Латонѣ, или Гекатѣ, или Тюхе, стоимостью въ 113—247 драхмъ, пара бокаловъ съ оленьими головами, стоимостью 318 драхмъ 3 оболы за пару, рогъ для питья, посвященный Зевсу (173 драхмы 3 оболы), кружка для вина (386 драхмъ), употреблявшійся у варваровъ сосудъ для охлажденія вина, украшенный драгоценными камнями (372 драхмы), золотое блюдо для хлѣба стоимостью и вѣсомъ въ 1.088 драхмъ, посеребранный бокалъ съ изображеніями звѣрей и ситечкомъ (380 драхмъ), серебряный сосудъ для охлажденія вина съ двойными ручками стоимостью не менѣе 9.000 драхмъ. Если мы прибавимъ еще, что на нужды храма предназначены были далѣе: 10 талантовъ ѳиміама, 1 талантъ мирры, 2 мины касіи (пряныхъ короковъ), 2 мины киннамона (корицы), 2 мины костоса (перца), а кромѣ того, въ жертву назначено было 1000 овецъ и 12 быковъ, то этотъ царскій даръ Дидимскому храму долженъ былъ занимать совершенно особое мѣсто.

Если подвести итогъ всѣмъ отдѣльнымъ инвентарямъ, то получается такая великолѣпная храмовая сокровищница, которая по цѣнности и богатству уступала развѣ только сокровищницѣ Делосскаго храма. Но возникаетъ вопросъ, гдѣ хранились эти сокровища храма въ этомъ такъ долго остававшемся незаконченнымъ зданіи. Надписи указываютъ лишь, что всѣ дары находились въ сокровищницѣ Аполлона, что, слѣдовательно, отдѣльныя, упомянутыя на дарахъ, божества не имѣли своихъ особыхъ сокровищницъ, какъ это было, на примѣръ, на Делосѣ. Такъ какъ до сихъ поръ не найдено никакого помѣщенія въ нижней части храма, которое было бы, повидимому, приспособлено подъ сокровищницу, то Госулье искалъ ее въ верхнемъ этажѣ храма. Конечно, и это помѣщеніе храма, вѣроятно, никогда не было окончено, и сокровища храма никогда не были перенесены изъ ихъ временнаго помѣщенія въ одномъ изъ зданій у храма въ самый храмъ. Какъ долго сохранялись тамъ вообще сокровища, объ этомъ документы не даютъ никакихъ свѣдѣній, потому что въ нихъ не упомянута ревизія инвентаря, какъ, на примѣръ, на одномъ храмовомъ документѣ изъ Герайона на Самосѣ, гдѣ точно отмѣчены ревизіонной комиссіей всѣ предметы, не оказавшіеся налицо къ опредѣленному времени. А такъ какъ послѣдній дидимейскій инвентарный документъ относится приблизительно къ 88—83 годамъ, то нужно думать, что скоро послѣ этого киликійскіе морскіе разбойники, грабившіе въ то время берега всего Средиземнаго моря, совершили удачный разбойничій набѣгъ на сокровищницу Дидимскаго храма, при чемъ, конечно, отъ нея остались однѣ лишь голыя стѣны. Однако этотъ грабежъ никоимъ образомъ не означалъ полной гибели Дидимскаго храма. Онъ, правда, еще не былъ даже оконченъ, такъ какъ многочисленныя войны постоянно истощали кассы малоазійскихъ государей, главныхъ покровителей храма. По развалинамъ установлено было, что и при римскихъ императорахъ, послѣ строительнаго періода свыше чѣмъ въ 300 лѣтъ, онъ не былъ еще

готовъ. Онъ и никогда не былъ оконченъ, хотя императоръ Калигула ревностно поддерживалъ постройку и велѣлъ ускорить ее, чтобы выстроенный роскошный храмъ сталъ мѣстомъ культа императоровъ въ Малой Азіи. Еще при Траянѣ и Адрианѣ надъ нимъ, повидимому, усердно работали. Но именно потому, что эта огромная постройка не есть произведеніе какого-нибудь точно ограниченнаго періода іонической архитектуры, но объединяетъ въ себѣ все, что это искусство создало въ продолженіе многовѣкового развитія,—именно поэтому раскопки храма до конца являются одной изъ грандіознѣйшихъ и благороднѣйшихъ задачъ археологіи.

VII. Греческіе города въ Египтѣ.

Когда географъ Страбонъ посѣтилъ приблизительно около Рождества Христова городъ Арсиною въ Верхнемъ Египтѣ, другъ, связанный съ нимъ узами гостепріимства, повелъ его на озеро священныхъ крокодиловъ. При этомъ онъ захватилъ съ собой маленькій пирогъ, кусокъ жаркого и наполненную сладкимъ виномъ маленькую кружку. На берегу лежалъ, благодушествуя, крокодилъ. Тутъ подошли жрецы священныхъ крокодиловъ, открыли ему пасть, всунули въ нее пирогъ и жаркое и влили туда вино. Животное же прыгнуло опять въ озеро и весело поплыло къ другому берегу, гдѣ другой путешественникъ по Египту вскорѣ повторилъ кормежку. А за столѣтъ раньше, когда римскій сенаторъ Л. Меммій посѣтилъ въ качествѣ туриста Египетъ, мы въ письмѣ одного египетскаго окружного начальника, сообщавшаго мѣстнымъ властямъ о высокомъ посѣщеніи и приказывавшаго сдѣлать необходимыя приготовленія, читаемъ слѣдующее:

„Позаботься же о томъ, чтобы въ надлежащихъ мѣстахъ былъ приготовленъ ночлегъ, и пристани были въ порядкѣ, и чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, куда пристанетъ сенаторъ, ему были вручены подобающіе гостю подарки, далѣе, чтобы держали наготовѣ хлѣбъ для Петесуха и другихъ крокодиловъ“.

Какимъ же образомъ сохранилось это письмо, дающее такую наглядную картину изъ жизни туристовъ въ Египтѣ въ 112 году до Р. Хр.? Благодаря самимъ же крокодиламъ, какъ ни странно это звучить! Ибо высокое почитаніе, которымъ пользовались эти животныя у египтянъ, оказало археологіи неоцѣнимыя услуги, какъ это впервые открылось въ 1899 году. И это произошло такимъ образомъ. Когда прославившіеся находками папирусовъ англичане Бернардь Гринфель и Артуръ Гѣнтъ какъ разъ недалеко отъ города Арсиной (или Крокодилополя), у мѣстечка Уммъ эль-Барогать, древняго Тебтуниса, вскрыли могилы эпохи Птолемеевъ, разыскивая тамъ папирусы, одинъ изъ ихъ рабочихъ натолкнулся на мумію крокодила, которую онъ съ досады разбилъ въ куски, такъ какъ подобныя животныя часто не имѣли совершенно никакой цѣны. Но кто опишетъ радость англійскихъ изслѣдователей, когда обнаружилось, что этотъ крокодилъ былъ завернутъ въ длинные исписанные листы папируса! И вотъ начались дѣятельные поиски крокодиловъ въ песокѣ, и въ нѣсколько недѣль найдены были тысячи мумій этихъ животныхъ; изъ нихъ, къ сожалѣнію, только два процента завернуто было въ папирусы. Могилы крокодиловъ были всѣ очень неглубокія, рѣдко глубже 1 метра, и крокодилы часто были положены по пяти—десяти штукъ въ одной могилѣ и лежали всегда головой къ сѣверу. Похороны ихъ забавляли, должно быть, почитателей бога Сэбэка, потому что рядомъ съ большими, взрослыми экземплярами найдены были многочисленныя крохотныя крокодиловыя муміи, даже куклы, имѣвшія видъ крокодиловъ, но содержавшія лишь нѣсколько яицъ или иногда также каменное или деревянное изображеніе животнаго. И что главное, — для заворачиванія крокодиловъ употребляли возможно большіе листы папируса. Такимъ образомъ до насъ дошли длинные свитки нерѣдко въ 100 до 200 писанныхъ строчекъ. Число папирусныхъ документовъ, которыми мы обязаны кладбищу крокодиловъ въ Тебтунисѣ, достигаетъ 264, и найдены они только на 31 муміи крокодиловъ. Конечно, могилы крокодиловъ не всегда такъ

богаты. Французскіе изслѣдователи папирусовъ П. Жуге и Ж. Лефевръ также натолкнулись у Мединетъ-эль-Нагасъ на крокодиловое кладбище, находившееся рядомъ съ человѣческимъ кладбищемъ. Крокодилы и здѣсь были погребены семьями, часто болѣе двадцати въ одной могилѣ, но трупы найдены были перевязанными бечевками, сплетенными изъ волоконъ камыша, иногда съ нѣсколькими крокодиловыми яйцами, мумій же тамъ не было. Равнымъ образомъ и могила съ муміями кошекъ, лежавшая посреди мумій крокодиловъ, не доставила ни одного папируса.

Но что далъ этотъ эпизодъ съ крокодилами для картинъ античной городской жизни? Эти найденные на крокодилахъ папирусы составляютъ лишь малую часть громадной массы документовъ, извлеченныхъ за послѣднія два десятилѣтія на свѣтъ изъ песковъ Египта и изъ его развалинъ. Только по этимъ папирусамъ можно вполне познакомиться съ жизнью греческихъ городовъ Египта, такъ какъ надписи на камнѣ сравнительно рѣдки, а сами развалины, занесенныя песками пустыни, болѣе чѣмъ гдѣ-либо стали неузнаваемыми.

Какъ же возможно было, что тысячи листовъ папируса сохранились подъ землей двѣ тысячи и болѣе лѣтъ въ такомъ состояніи, которое позволяетъ въ очень многихъ случаяхъ еще и теперь прочесть, что на нихъ написано? Отвѣтъ опять-таки даютъ сами находки. Несмотря на огромнѣйшее производство папирусной бумаги, въ Египтѣ придавали большое значеніе сохраненію всякаго рода расписокъ и документовъ. Частныя лица держали ихъ въ деревянныхъ ящикахъ или клали ихъ въ большія глиняныя амфоры, въ которыхъ обыкновенно хранили припасы. И вотъ приблизительно въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Хр. одному изобрѣтательному человѣку пришло на умъ извлечь и практическую пользу изъ огромныхъ массъ папирусной макулатуры, которую можно было всюду найти. Онъ изобрѣлъ крышку для мумій, — картонъ, склеенный изъ старыхъ папирусовъ, и многочисленные найденные въ могилахъ экземпляры его спасли намъ древнѣйшіе папирусы эпохи Птолемеевъ. Однако

найденные на кладбищахъ папирусы составляютъ лишь ничтожную часть всего ихъ количества. Безчисленное множество папирусовъ никогда не выходило за предѣлы храмовыхъ архивовъ и чиновничьихъ канцелярій, гдѣ ихъ также заботливо хранили. Тамъ, слѣдовательно, нужно искать ихъ, такъ какъ медленно надвигающійся песокъ пустыни засыпалъ въ Египтѣ, и особенно въ мѣстности Файюмъ, цѣлый рядъ городовъ и этимъ сохранилъ ихъ. Дорогу къ такимъ древнимъ домамъ часто находили египетскіе феллахи, которые роются въ развалинахъ, разыскивая сокровища, и давно уже узнали рыночную стоимость кусковъ папируса.

Такимъ образомъ непосредственно въ древнихъ домахъ городовъ Файюма сдѣланы были особенно блестящія находки папирусовъ, такъ какъ до нихъ легче всего можно было добраться. Особенно дома въ Диме (Сокнопайюнесъ) уже въ 1887—1894 годахъ доставили туземнымъ торговцамъ ту богатую добычу папирусовъ римской эпохи, большая часть которой попала въ собранія папирусовъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Лондонѣ. Гринфелю и Гёнту также удалось найти еще на мѣстѣ отдѣльные папирусы въ домахъ Комъ-Усхима (Караниса). Болѣе того: когда они въ Косръ эль-Банатѣ, древней Эвгемеріи, принялись обыскивать домъ за домомъ, они нашли тамъ въ двухъ смежныхъ комнатахъ одного и того же дома около ста документовъ эпохи Домиціана и Траяна, цѣлую корреспонденцію одного богатаго землевладѣльца и стараго ветерана, Люція Белліена Гемелла. Сосѣдніе дома также дали тамъ много цѣнныхъ находокъ. Такъ же посчастливилось обоимъ неутомимъ изслѣдователямъ въ домахъ Гарита (Θεαδελφίи) и Уммъ эль-Барагата (Тебтуниса). Такія отдѣльныя счастливыя находки въ греческихъ городахъ Египта были затѣмъ причиной того, что археологи стали внимательнѣе изслѣдовать эти развалины и разсматривать дома не только какъ мѣсто находокъ папирусовъ. Особенно обязаны мы Отто Рубенсону тѣмъ, что мы можемъ составить себѣ ясное представленіе о греко-римскихъ домахъ Файюма.

Кто знаетъ жалкія феллахскія хижины, въ которыхъ живетъ теперь населеніе страны, тотъ пораженъ будетъ, увидѣвъ, какъ уютно устроилъ свой очагъ поселенный въ Θεαδελφίи и Тебтунисѣ греческій солдатъ-наемникъ. Правда, дома построены только изъ необожженныхъ кирпичей, имъ придавалась большая прочность тѣмъ, что въ стѣны вкладывались на опредѣленныхъ промежуткахъ стволы пальмъ, но внутри дома производятъ очень милое впечатлѣніе своими окнами, запиравшимися ставнями, своими нишами въ стѣнахъ, створчатыми дверями и, болѣе того, оштукатуренными стѣнами, которыя не лишены были и стѣнной живописи. Равнымъ образомъ и находки монетъ даютъ весьма выгодное представленіе о благосостояніи обитателей этихъ домовъ. Дѣйствительно, вѣдь въ томъ же деревенскомъ домѣ въ Бату-Гаритѣ (Θεαδελφίи) найдены бронзовый кувшинъ, глиняный сосудъ и деревянный сосудъ, всѣ три до верху наполненные александрійскими бронзовыми монетами и римскими мѣдными. Въ одномъ изъ этихъ домовъ, въ которомъ можно было еще различить лишь три смежныхъ комнаты, на полу, на томъ самомъ мѣстѣ, куда онѣ упали со стѣны, лежали двѣ разбившіяся на множество кусковъ картины, написанныя на доскахъ. Около даже лежалъ еще грубый деревянный гвоздь съ пеньковой веревкой, одинъ конецъ которой былъ обвитъ вокругъ рамы картины и указывалъ на способъ прикрѣпленія картинъ на стѣнѣ. Первую картину легко удалось составить, и Берлинскій музей славится теперь, какъ обладатель первыхъ и пока единственныхъ картинъ на деревянныхъ доскахъ, найденныхъ въ античномъ домѣ. Главная картина состоитъ изъ пяти узкихъ дощечекъ, скрѣпленнымъ между собой деревянными шипами. На нихъ нанесенъ разведенный на клеѣ мѣловой грунтъ, и на немъ нарисована картина красками *a tempera*. Виденъ тронъ съ высокой спинкой и точеными ножками. Въмѣсто подушки—на сидѣніи покрывало съ черными поперечными полосами. Тронъ занимаетъ божественная пара, слѣва—богъ съ развѣвающимися волосами и бородой, въ длинномъ зеленомъ хитонѣ и плащѣ, съ ногами, обутыми

въ сандаліи. Правой рукой онъ держитъ египетскій скипетръ боговъ, на лѣвой покоится крокодилъ. Богиня справа также носить хитонъ и плащъ, только бѣлаго цвѣта, въ правой рукѣ она держитъ цвѣтущую вѣтку, въ лѣвой рукѣ у нея пучокъ колосьевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это изображенъ водяной богъ Файюма, Сокнебтинисъ, а рядомъ съ нимъ—Исида. Хорошо сохранилась также деревянная рама, сдѣланная изъ четырехъ покрытыхъ темной штукатуркой брусковъ изъ акаціи. Деревянные гвозди соединяютъ на углахъ вертикальные бруски съ горизонтальными.

Еще большій интересъ представляетъ вторая стѣнная картина, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ попорчена. Изображена на ней Аѣина съ эгидой. Вмѣсто шлема на богинѣ, согласно египетскому вкусу, нимбъ и вѣнокъ изъ лучей. Къ лѣвому плечу прислонено копье, къ древку котораго придѣланы нѣсколько металлическихъ колецъ. Около богини стоитъ пинія съ суковатымъ стволомъ, вокругъ котораго обвивается змѣя. Вторая змѣя обвивается вокругъ другого копья, которое принадлежало не сохранившемуся на картинѣ божеству, быть можетъ, Аресу. Когда были повѣшены картины для украшенія стѣнъ въ этомъ деревенскомъ домѣ, можно догадаться по отрывкамъ греческихъ и египетскихъ папирусовъ, лежавшихъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Онѣ относятся къ срединѣ второго вѣка нашей эры. Вѣроятно, вскорѣ послѣ этого домъ былъ покинутъ и занесенъ пескомъ. На эту же эпоху указываетъ и стиль картинъ, съ которыми можно сравнить лишь знаменитые портреты мумій изъ Файюма.

Однако вообще находки папирусовъ въ развалинахъ домовъ являются рѣдкостью, потому что почва тамъ слишкомъ влажная, и почвенныя воды большей частью уничтожили документы. Главнымъ же мѣстомъ находокъ служатъ мусорныя холмы, называемые арабами „комъ“ и составляющіе характерную черту египетскаго ландшафта. По классическому описанію Ульриха Вилькенса, это—горы въ 20 — 70 метровъ высоты, образовывавшіяся при каждомъ античномъ поселкѣ отъ скопленія всякаго рода

отбросовъ, каковы глиняные черепки, шлаки, зола, уголья, тряпки, солома, навозъ. На такіе холмы выбрасывали также въ громадномъ количествѣ старую бумагу, макулатуру, изъ официальныхъ архивовъ и изъ частныхъ домовъ. Около города Оксирина найдены были даже наполненные свитками папирусовъ корзины, которыя собирались выбросить въ мусорныя кучи. Благопріятныя же климатическія условія Египта способствовали тому, что верхніе слои этихъ холмовъ изъ отбросовъ, поскольку до нихъ не доходили почвенныя воды, сохранились въ теченіе тысячелѣтій подъ защитнымъ покровомъ сора и песку. Вотъ такіе-то холмы и нужно изслѣдовать путемъ правильной разработки ихъ, чтобы извлечь изъ нихъ папирусы. Конечно, англійскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ изслѣдователямъ, ежегодно работающимъ въ Египтѣ, грозитъ при этомъ своеобразная конкуренція со стороны феллаховъ, которые давно убѣдились, что земля этихъ мусорныхъ холмовъ является превосходнымъ удобреніемъ для ихъ полей. Поэтому они въ свою очередь усердно работаютъ надъ уничтоженіемъ этихъ многочисленныхъ холмовъ при помощи такъ называемаго копанія ссебаха ¹⁾, и при этомъ они и наукѣ оказываютъ невольныя услуги, высвобождая часто изъ-подъ толщи мусора античныя дома.

На этомъ мы покончимъ съ мѣстонахожденіями папирусовъ. Уже изъ способа ихъ отысканія ясно, что они даютъ намъ возможность бросить взглядъ на интимную сторону жизни египетскихъ городовъ и частныхъ домовъ. Дѣйствительно, обогащеніе нашихъ свѣдѣній объ античной жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ, чему мы обязаны папирусамъ, несравнимо велико. Нѣтъ ни одной стороны городского управленія, городской жизни, великихъ социальныхъ вопросовъ древности, которая на основаніи папирусовъ не выступала бы въ новомъ интересномъ освѣщеніи. Въ нихъ мы имѣемъ совершенно новый и почти неисчерпаемый матеріалъ для исторіи культуры и экономической жизни древности.

¹⁾ Удобреніе.

Чтобы разъяснить это, и прежде всего въ общихъ чертахъ, возьмемъ одинъ изъ греческихъ городовъ, на мѣстѣ котораго сдѣланы были особенно большія находки папирусовъ! Выберемъ городъ Арсиною, потому что о немъ издано австрійскимъ изслѣдователемъ папирусовъ Карломъ Вессели своего рода статистическое руководство, въ которомъ приведены въ удобномъ для обозрѣнія видѣ всѣ данныя документовъ на папирусахъ, касающіяся города. По развалинамъ нельзя установить плана города. Однако документы даютъ такія многочисленныя указанія о топографіи города, что въ немъ можно вполне ориентироваться безъ плана.

Арсиною владѣла богатой мѣстностью. Отъ ея воротъ тянулись на далекое разстояніе роскошныя фруктовые сады, въ которыхъ зрѣли финики, персики, тыквы на ряду со многими сортами овощей, какъ явствуетъ изъ документовъ о сдачѣ въ аренду такихъ фруктовыхъ садовъ. Въ городѣ занимались многочисленными промыслами, по которымъ назывались площади и улицы. Такъ, имѣлись одежный рынокъ, соляная базарная площадь, льноткацкая улица, чечевичная и стручковая базарная площадь, улица гусеводовъ. Изъ лицъ, занимающихся другими промыслами, упоминаются красильщики, кожевники, прачечники, горшечники, веревочники, портные, торговцы платьемъ, старьевщики, зеленщики, мельники, садовники, далѣе торговцы парфюмеріей и притираніями, повара, занимающіеся извознымъ промысломъ, погонщики ословъ, золотыхъ дѣлъ мастера, торговцы свиньями, рабочіе на виноградникахъ, живописцы, рыботорговцы и сборщики арендной платы. Мы имѣемъ также данныя о распредѣленіи промысловъ по отдѣльнымъ частямъ города; особенно мѣста наиболѣе оживленнаго торговаго оборота можно узнать по положенію банкирскихъ конторъ, которыхъ въ главномъ городѣ округа было не менѣе сорока восьми, но которыя не существовали всѣ одновременно. Въ этихъ банкахъ имѣли часто свой счетъ и мелкіе промышленники, такъ какъ денежный оборотъ былъ уже весьма развитъ въ Египтѣ.

Изъ общественныхъ зданій города упоминаются храмы Сокнопая, Суха, императорскаго культа, Исиды, Озириса и Гарпократа, архивъ, публичная библіотека, зданіе городскихъ вѣсовъ, театръ, общественная баня, больница (лишь въ византійскую эпоху), ипподромъ, большой гимназіи и хлѣбные амбары. Амбары нужно искать въ нижней части города, по близости отъ каналовъ, по которымъ громадныя хлѣбныя грузы перевозились въ главный городъ провинціи. И въ округѣ Арсиной хлѣбъ,—эта слава и богатство страны,—занималъ первое мѣсто. На немъ покоилось могущество Птолommeевъ и вліяніе Египта на римскую мировую политику. Хлѣбъ игралъ выдающуюся роль въ государственномъ строѣ и въ управленіи всей страны, какъ блестяще доказалъ это Ростовцевъ. Много радости отъ своихъ хлѣбныхъ полей самъ крестьянинъ, конечно, не имѣлъ. Земля повсюду была государственной собственностью или собственностью солдатъ и чиновниковъ. Крестьянину по большей части принадлежалъ на правѣ собственности лишь его домъ и дворъ, изъ урожая же онъ пользовался только очень небольшой долей. Ни одного зернышка онъ не смѣлъ отнести домой при жатвѣ. Хлѣбъ его молотился на государственныхъ токахъ передъ деревней подъ государственнымъ надзоромъ. Затѣмъ въ присутствіи деревенскихъ властей слѣдовалъ расчетъ съ государствомъ. Немедленно вычитывали все, что крестьянинъ еще оставался долженъ, затѣмъ измѣряли его подать,—причитающееся государству зерно. Онъ самъ, кромѣ того, долженъ былъ позаботиться и о доставкѣ зерна въ ближайшіе царскіе тезавры, хлѣбные амбары. Тамъ выступали уже на сцену завѣдывавшіе хлѣбной частью чиновники, ситологи. Ихъ инвентарныя записи поступленій за весь годъ, по которымъ можно высчитать доходность зарегистрированныхъ деревень, даютъ намъ твердыя данныя. Гильдія владѣльцевъ вьючныхъ животныхъ, имѣвшая свои развѣтвленія по всему государству, должна была на своихъ ослахъ или верблюдахъ доставить хлѣбъ къ ближайшему каналу или къ Нилу. Дальнѣйшая перевозка въ Александрію совершалась на корабляхъ. Кормчій дол-

женъ былъ при приѣмкѣ груза дать присягу быть честнымъ и заботиться о томъ, чтобы экипажъ судна оставался на мѣстѣ до конца поѣздки и сдалъ правильно грузъ. Въ міровой же гавани Александріи хлѣбъ принималъ капитанъ или владѣлецъ идущаго въ Италію судна, который сдавалъ цѣнный грузъ въ ПUTEОЛИ или ОСТИИ. Сохранилось письмо на папирусѣ и такого капитана по перевозкѣ хлѣба: оно извѣщаетъ о его прибытіи въ ПUTEОЛИ и остановкѣ по дѣламъ въ Римѣ.

Кромѣ хлѣба, египетскій крестьянинъ разводилъ также бобы, огурцы, чечевицу, ревенъ, каперсы; выращивалъ онъ и маслины, виноградъ, фіги, миндаль и фіники. О его повседневныхъ заботахъ и сельскохозяйственныхъ работахъ сообщаютъ многія частныя письма. Немаловажно было и скотоводство. Въ одной записи перечислены 62 верблюда и 52 головы крупнаго рогатаго скота, при чемъ рогатый скотъ принадлежитъ семи различнымъ владѣльцамъ. У одного убитаго землевладѣльца на ряду съ правильно указаннымъ для обложенія налогомъ количествомъ скота установлена была наличность еще 500 незаявленныхъ овецъ, а также телятъ и другого скота. Тѣмъ не менѣе жаркое изъ говядины ѣли лишь тогда, когда приносились жертвы, чаще же къ столу подавалась птица, куры и голуби, и рыба изъ Меридова озера. Рыболовство приняло большіе размѣры, на что указываютъ большія суммы, уплачивавшіяся въ видѣ налога за этотъ промыселъ.

Вернемся, однако, на минуту въ городъ Арсиною и пройдемся по нѣкоторымъ его улицамъ. Если мы и не можемъ опредѣлить ихъ точнаго положенія на планѣ города, все же по нѣкоторымъ улицамъ мы въ состояніи ходить изъ дома въ домъ и знакомиться съ каждымъ отдѣльнымъ жильцомъ, съ его домашними и прислугой. Этимъ мы обязаны прекрасно организованной городской администраціи, назначавшей на каждый кварталъ уличнаго надзирателя, амфодарха. Онъ долженъ былъ вести точныя списки движенію населенія въ округѣ. До насъ дошли три свитка папируса съ такими списками, которые въ пятомъ году правленія императора Веспасіана

вель Гераклидъ, бывший начальникомъ улицы Паремболы Аполлонія, и которые даютъ намъ свѣдѣнія о возрастѣ, смертности, приростѣ, національности, производительности труда, податномъ обложеніи, правахъ состоянія населенія этого квартала. Мы знакомимся съ 35-ью домовладѣльцами, по имени которыхъ называются дома, такъ какъ нумераціи домовъ не существовало. Разумѣется, они не всегда сами жили въ своихъ домахъ, а сдавали ихъ въ наемъ. Наниматели также переписаны. Одинъ снялъ третью часть дома, другой четвертую, еще кто-нибудь—полдома. Мы знакомимся также съ отдѣльными семьями; даже живущіе за границей, въ Италіи или Индіи, члены семьи приведены въ спискахъ. Возрастъ мужчинъ точно указанъ, такъ какъ сообразно съ этимъ исчислялась поголовная подать, у женщинъ и дѣвушекъ данныхъ о возрастѣ не имѣется, потому что онѣ были освобождены отъ этой подати. Только еврейки должны были указывать также и свой возрастъ, такъ какъ онѣ платили особую еврейскую подать. Всего на улицѣ Паремболѣ Аполлонія жило 346 мужчинъ у которыхъ, какъ можно твердо установить, было 44 раба. Однако одной богатой семьѣ принадлежало семь рабовъ. Число членовъ семьи колеблется между двумя и шестью лицами. Приблизительно же черезъ сто лѣтъ городъ былъ еще болѣе густо населенъ, такъ какъ тогда, напримѣръ, какъ показываютъ акты одной народной переписи въ 187/8 году, кожевенникъ Геродъ занималъ десятую часть дома на Виѣинской улицѣ и насчитывалъ ближайшихъ родственниковъ и жильцовъ не менѣе 26 человекъ. Что бы мы дали, если бы и въ Помпеѣ можно было съ помощью такихъ уличныхъ списковъ оживить сохранившіеся еще дома ихъ прежними обитателями!

Такимъ же образомъ, какъ съ городомъ Арсиноей, хорошо знакомимся мы приблизительно съ дюжиной другихъ городовъ и могли бы о каждомъ дать маленькій историческій очеркъ со многими весьма интересными деталями. Но мы знакомимся также съ государственнымъ и административнымъ строемъ всей страны и получаемъ

очень высокое мнѣніе о правительственной мудрости Птолмеевъ и ихъ преемниковъ, римлянъ. Еще надолго хватитъ работы исторіи права по обработкѣ богатаго историко-правового матеріала папирусовъ. Среди нихъ содержится масса юридическихъ документовъ всякаго рода. Прежде всего ярко освѣщаются всѣ юридическія отношенія частной жизни. Многочисленные заемные документы, долговые расписки, безчисленныя квитанціи, выданныя частными лицами и банками, ипотечныя письма, залоговыя расписки и закладныя говорятъ о широкомъ распространѣніи денежнаго оборота. Договоры о поставкахъ, арендные договоры, опредѣленія о передачѣ аренды третьему лицу, контракты о наймѣ разъясняютъ соответствующія юридическія отношенія. Даже египетскую поземельную книгу мы можемъ подробно разсмотрѣть. Далѣе, сохранившіеся во множествѣ акты изъ официальныхъ канцелярій открываютъ намъ доступъ въ залы суда и знакомятъ насъ тамъ въ пестромъ многообразіи съ большимъ числомъ интересныхъ юридическихъ казусовъ со всѣми ихъ деталями.

Особенно плодотворны были въ этомъ отношеніи французскія раскопки на мѣстѣ древняго города Магдолы. Благодаря открытію кладбища мумій, онѣ дали цѣлыя груды актовъ на папирусахъ, которые читаются, какъ современный полицейскій рапортъ. Они всѣ сплошь—прошенія къ царю Египта, которыя, однако, въ виду ничтожнаго значенія предмета жалобы большей частью не пошли дальше канцелярії правителя округа, стратега. Тутъ и старый ветеранъ, который жалуется на то, что завистливые сосѣди заманили у него восемь свиней въ кусты тамариска и тамъ убили ихъ.—Тутъ два друга изъ деревни Пелузій, жившіе дружно на одной квартирѣ, пока не появился злой рокъ въ образѣ одной женщины, Θεодоры. Оба влюбились въ нее, ревность омрачила ихъ совмѣстную жизнь, и, когда одинъ уѣхалъ по дѣламъ, добрый другъ укралъ у него серпъ цѣной въ 2 драхмы, топоръ цѣной въ 2½ драхмы, мѣшокъ съ шерстью, сундукъ и 20 драхмъ наличными деньгами.—Рѣшенія строительной полиціи

добивается вдова Асія. Ея покойный мужъ Махатъ владѣлъ совмѣстно съ Поорисомъ участкомъ земли въ деревнѣ Пелузїи и воздвигъ тамъ святилище сирїйской богинѣ и Афродитѣ, которое онъ хотѣлъ отгородить стѣной отъ владѣнія Поориса. Смерть помѣшала ему закончить стѣну, и сосѣдъ, по неизвѣстнымъ намъ основанїямъ, заявилъ протестъ противъ дальнѣйшей стройки, такъ что онъ могъ безпрепятственно ходить на участокъ Асіи.—Далѣе упомянемъ дѣло одного капитана, который велъ государственное судно для перевозки хлѣба; такія суда въ большомъ количествѣ ходили по рѣкамъ и каналамъ страны. Мачты и рей на его суднѣ повреждены были бурей у Афродитополя, и потому оно въ силу необходимости зашло въ Арсиною. И вотъ онъ проситъ у подлежащихъ властей, чтобы грузъ хлѣба, который онъ долженъ былъ взять дальше на югъ въ другомъ округѣ, былъ ему сданъ въ Арсиноѣ, и такимъ образомъ его порожнее судно было бы обезпечено отъ дальнѣйшей аварїи.—Далѣе выступаетъ бравый полевой сторожъ Кратевантъ, македонскїй ветеранъ. Онъ отправлялъ свою службу на поляхъ въ окрестностяхъ города и натолкнулся при этомъ на пастуховъ сосѣднихъ деревень, которые наглымъ образомъ погнажи свои стада на ввѣренныя его надзору поля. Понятно, дѣло дошло до ссоры и деревенской драки, во время которой у жалобщика - пастуха сорванъ былъ плащъ.—Послѣ него выступаетъ фабрикантъ, владѣвшій небольшою ткацкою мастерскою. Онъ хочетъ поставить два новыхъ ткацкихъ станка взамѣнъ двухъ испорченныхъ и проситъ разрѣшенїя на это у властей, такъ какъ разведенїе конопли и ткацкїй промыселъ были въ Египтѣ государственной монополїей.—Далѣе появляется Гиппоникъ, который долженъ наследовать своему умершему брату, но отказывается вступить въ наследство, такъ какъ оно обременено долгами.—За нимъ слѣдуетъ крестьянинъ, у котораго милые сосѣди, злостно заперевъ шлюзы оросительныхъ каналовъ, залили совершенно водой хлѣбное поле, такъ что у него погибъ урожай.—Объ обманѣ въ торговлѣ виномъ идетъ рѣчь въ жалобѣ трехъ лавочни-

ковъ, Сопатра, Діонисія и Птоломея. Они заказали 126 кувшиновъ вина и въ счетъ этого дали 80 драхмъ, кромѣ того, вошли въ соглашеніе съ оптовой винной фирмой Петенентериса, что уплата остальной суммы должна послѣдовать лишь послѣ полученія ихъ магазинами вина. Однако онъ въ концѣ концовъ доставилъ имъ на 14 кувшиновъ вина меньше, и поэтому они жалуются на него.— Далѣе мы знакомимся съ двумя ветеранами египетскаго войска, аргивяниномъ Эвктомъ и ликійцемъ Θεодосіемъ. Они купили себѣ землю около Магдолы, т. е. сообща арендовали на 99 лѣтъ участокъ въ деревнѣ Автодикѣ. Затѣмъ Эвкту пришлось поѣхать на родину, прежде чѣмъ они пришли къ соглашенію о раздѣлѣ, и Θεодосій воспользовалась прекраснымъ случаемъ присвоить себѣ почти всю землю и начать на ней новую постройку. Тогда старому отцу Эвкта, Марону, пришлось начать тяжбу и протестовать противъ того, что ему досталась узкая, ни на что негодная полоса земли. Власти, произведя на мѣстѣ размежеваніе, принудили Θεодосіа снести уже наполовину законченныя ворота и возвратить истцу соотвѣтствующій кусокъ земли. Конечно, и въ будущемъ сосѣди не будутъ очень хорошо уживаться вмѣстѣ!—Еще одно прошеніе приводитъ насъ въ деревню Александронесъ. Тамъ у одной работницы на льняной фабрики украденъ былъ ея новый плащъ двумя евреями, Дороеемъ и Никомахомъ, дѣйствовавшими по соглашенію съ товаркой по работѣ обокраденной. Боясь, что ихъ откроютъ, они принесли плащъ въ синагогу, чтобы отдать его тамъ на храненіе смотрителю. Они привели также съ собой нѣсколько земляковъ, которые должны были засвидѣтельствовать ихъ право собственности на плащъ. Между тѣмъ среди очевидцевъ этой сцены въ синагогѣ находился одинъ еракіецъ Лесельмисъ, который громко обвинялъ ихъ въ кражѣ. Имъ, такимъ образомъ, ничего не оставалось, какъ оставить плащъ въ синагогѣ и ждать результата жалобы обокраденной.

Наконецъ, мы имѣемъ сцену въ народной банѣ въ сосѣдней деревнѣ Трикоміи, которую описываетъ намъ па-

пирусь 33-й. Крестьянка Филиста, дочь Лисія, только что приняла ванну и вышла изъ воды, чтобы пойти въ помѣщеніе для мытья, гдѣ можно было намылиться. Тутъ банщикъ Петехонъ внезапно открылъ кранъ съ горячей водой и обварилъ лѣвую ногу женщины, получившей отъ этого значительные ожоги. Для установленія своей неработоспособности она показала свою ногу начальнику полиціи въ присутствіи начальника округа, а затѣмъ подала еще прошеніе царю о привлеченіи къ отвѣтственности и банщика за эту дурную шутку. На поляхъ бумаги имѣется резолюція министра: „Немедленно привести и допросить обвиняемаго Петехона“.

Но еще гораздо больше, чѣмъ исторія экономическихъ и административныхъ отношеній и исторія права, выигрываетъ благодаря папирусамъ исторія античной культуры. Дѣйствительно, греко-римская частная жизнь вырисовывается благодаря имъ чрезвычайно ярко. Еще и теперь чтеніе частныхъ писемъ и семейныхъ бумагъ составляетъ самое вѣрное и интересное средство проникнуть въ тайны людей. Въ Египтѣ же, благодаря „великой нескромности“ всемірной исторіи, сохранились многія тысячи писемъ и интимныхъ семейныхъ бумагъ, какъ завѣщанія, акты о раздѣлѣ наслѣдства, брачные контракты, акты о разводѣ, приказы объ оштрафованіи за сокрытіе подлежащаго налогу имущества, договоры купли домовъ, договоры товарищества, долговья расписки, такъ что передъ нами раскрываются сокровеннѣйшія мысли, заботы повседневной жизни множества лицъ, которыхъ мы вообще знаемъ только по имени и можемъ представить себѣ только ихъ одежду и внѣшній видъ, и мы можемъ иногда ходить изъ дома въ домъ, чтобы ориентироваться въ семейной хроникѣ ихъ со всеми ея подробностями. Особенно это можно сказать о городкѣ Оксиридахъ, отъ котораго сохранились лишь незначительныя развалины, но о которомъ теперь рассказываютъ болѣе 1.072 документовъ, цѣлыми корзинами лежавшіе на „комѣ“ этого города. Они вводятъ насъ въ городъ. Правда, топографическая карта не дошла до насъ, зато сохранился списокъ городскихъ

полицейскихъ постовъ, въ которомъ поименованы отдѣльные полицейскіе, дежурившіе у сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ воротъ и у многихъ общественныхъ зданій. На восточной сторонѣ города находится Нилъ и водомѣръ Нила, недалеко отъ него гимназіи, нѣсколько бань и ворота. Улица отъ воротъ гимназіи на сѣверѣ до Гіерактіона была заново вымощена съ обѣихъ сторонъ въ 283 году по Р. Хр. за 4 таланта и 4.000 драхмъ, въ термахъ Адріана произведенъ былъ въ 201 году по Р. Хр. полный ремонтъ за три таланта. Названія улицъ и площадей разъясняютъ часто также и топографію. Вотъ домъ на площади художниковъ Діониса, слѣдовательно, здѣсь находилось помѣщеніе ихъ союза; Еврейская улица, Пастушья улица, улица Гусеводовъ, улица Ипподрома сами за себя говорятъ. Далѣе двѣ улицы, названныя по кавалерійскому лагерю и ликійскому лагерю, несомнѣнно, сообщаютъ объ основаніи города, въ чемъ принимали участіе персидскіе кавалеристы Птолommeевъ. Храмовъ греческихъ боговъ совершенно нѣтъ, а на ряду съ мѣстнымъ *Θερίсомъ* почитаютъ только Сераписа; однако впоследствии, разумѣется, проникъ сюда и культъ императоровъ.

Оксириныхъ—маленькій земледѣльческій городокъ; хлѣбопашество, виноградарство, грузовое движеніе по Нилу и, кромѣ того, кое-какая промышленность доставляютъ средства существованія населенію. Изъ ремесленниковъ, объединенныхъ въ гильдіи, имѣются столяры, жестяники, продавцы пива, слесаря и ткачи. Гильдіи, повидимому, строго придерживались обязательнаго цехового устройства и института подмастерьевъ, какъ это потѣшно доказываетъ одинъ договоръ объ ученичествѣ, заключенный между ткацкимъ мастеромъ Геракломъ и опекуномъ подающаго надежды ученика Тонида, который въ пять лѣтъ долженъ изучить ткацкое дѣло. Ученикъ ночуетъ и ѣстъ дома, но съ восхода до захода солнца долженъ быть въ распоряженіи мастера. Первые 2½ года онъ служитъ бесплатно, затѣмъ онъ начинаетъ получать постепенно повышающееся ежемѣсячное вознагражденіе въ 12—24

драхмы. Мастеръ долженъ давать и одежду, качество и стоимость которой также повышаются съ усовершенствованіемъ парня въ работѣ. Дѣйствительно, сначала хитонъ ученика стоитъ 16, затѣмъ 20, наконецъ, 32 драхмы. Праздничныхъ дней въ теченіе года обусловлено двадцать, за нихъ Тонидъ также имѣетъ право на вознагражденіе. Если же онъ заболѣетъ или будетъ самъ устраивать себѣ праздники, то, согласно контракту, онъ долженъ потомъ отработать за эти дни прогула. Подобный же договоръ объ ученичествѣ своего еще недостигшаго 14-ти лѣтъ мальчика заключилъ въ 66 году по Р. Хр. ткацкій мастеръ Трифонъ съ ткацкимъ мастеромъ Птолемаемъ, который долженъ былъ въ теченіе года научить его сына ремеслу и платить ему въ возмѣщеніе содержанія въ отцовскомъ домѣ 5 драхмъ ежемѣсячно, а къ концу года ученія—12 драхмъ экипировочныхъ денегъ. Также и въ данномъ случаѣ ученикъ долженъ былъ отрабатывать прогульные дни, отецъ же его обязанъ былъ въ случаѣ преждевременнаго нарушенія договора объ ученичествѣ уплатить высокій штрафъ въ 100 драхмъ Птолемаю и 100 драхмъ въ городскую кассу. Этому же штрафу подлежалъ и мастеръ-учитель, если онъ не исполнялъ своихъ учительскихъ обязанностей.

Почему же мастеръ Трифонъ, человекъ съ хорошимъ положеніемъ, который хотя и не умѣлъ читать и писать, но денежные дѣла свои велъ черезъ посредство банка при храмѣ Сераписа,—почему онъ самъ не обучалъ ремеслу своего подающаго надежды отпрыска? Городскія бумаги Оксиринха даютъ и на этотъ счетъ достаточныя разъясненія. Мастеръ страдалъ глазами. Доказательство—свидѣтельство объ освобожденіи отъ военной службы, выданное вслѣдствіе хроническаго катарра глазъ и близорукости. Однако условія семейной жизни въ отцовскомъ домѣ также, пожалуй, способствовали отдачѣ подрастающаго сына въ чужія руки. Трифонъ жилъ не очень счастливо со своей первой женой. Послѣ развода онъ женился на Сараейѣ, принесшей ему въ приданое 40 драхмъ наличными, къ тому 2 серьги цѣной въ 20 драхмъ и

бѣлья на 12 драхмъ! Но уже спустя два мѣсяца послѣ свадьбы ему пришлось подать жалобу на свою первую жену, такъ какъ она грубо оскорбила Сараею, разумѣется, изъ ревности. Отъ второго брака у Трифона была одна дочь и два сына, и мы можемъ прослѣдить жизнь этой семьи по крайней мѣрѣ въ теченіе 23 лѣтъ.

Весьма интересенъ также и другой договоръ объ ученичествѣ, по которому стенографъ Аполлоній въ 155 году по Р. Хр. обязался за гонораръ въ 120 драхмъ обучить въ два года своей системѣ Гейраммона, раба одного знатнаго человѣка, Панехота. Предусмотрительный Панехоть, вѣроятно, юристъ, въ канцеляріи котораго рабъ долженъ былъ работать, далъ впередъ въ счетъ гонорара 40 драхмъ, слѣдующія 40 драхмъ обѣщаль уплатить, когда ученикъ усвоитъ всю систему, остальное же надлежало уплатить лишь тогда, когда онъ сможетъ бѣгло стенографировать, а также прочитывать безъ ошибки свои записи.

Другіе договоры о производствѣ работъ ведутъ насъ на мѣста стройки на улицахъ. Мы узнаемъ, что Антонія Асклепіада строить себѣ домъ, а нужные для этого камни возять ей изъ сѣверной каменоломни два каменщика, Аскладъ и Аполлоній, у которыхъ были и верблюды. Камни для наружной стѣны они доставляютъ ей по 4 драхмы за 16 такъ называемыхъ верблюжьихъ камней, камни для внутренней стѣны—по 4 драхмы за 30 такихъ же камней, наконецъ, щебень—по 3 драхмы за 100 камешковъ. Они имѣли право получать въ каждый рабочій день и харчи: одинъ хлѣбъ и приварокъ. Если каменщики, строившіе домъ, прибѣгали иногда къ помощи Асклада и Аполлонія, то оба получали дневную плату въ 4 драхмы, кромѣ харчей.

Однако прежде всего заглянемъ внутрь самыхъ домовъ и послушаемъ кое-что интересное о томъ, что происходитъ въ Оксиринхѣ. Отъ насъ нѣтъ никакихъ домашнихъ тайнъ. Если въ семьѣ господствовалъ бережливый домовладыка, державшій въ порядкѣ приходо-расходную книгу, то и теперь еще любопытно перечитывать ее.

Это—только нѣсколько листиковъ, обнимающихъ не-

много дней, но уже и они даютъ вѣрную картину образа жизни оксиринхской семьи эпохи приблизительно Рождества Христова. Она живетъ въ общемъ очень просто. Зерновой хлѣбъ домохозяинъ получаетъ съ собственныхъ полей, что обходится дешевле въ верхнемъ городѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Однако для дѣтей покупается ежедневно бѣлый хлѣбъ, на что имѣются ясныя указанія. Точно такъ же покупается для нихъ ежедневно молоко, а иногда и голубь, который стоитъ только 1 оболъ; онъ обходится лишь вдвое дороже, чѣмъ молоко, которое покупаютъ каждый день! Дѣти уже ходятъ въ школу, такъ какъ они получаютъ также вощеную дощечку и стиль, что также стоитъ лишь оболъ. Для кухни покупаются еще: свѣжая зелень, масло, на два обота пива, которое получаетъ домашній ткачъ, также лукъ къ завтраку, гранатовые яблоки, рѣпа, которую маринуютъ. Для гостей покупаютъ спаржу и горошекъ, которые уже тогда, слѣдовательно, считались деликатесомъ. Съ мясникомъ вели, вѣроятно, отдѣльный счетъ, такъ какъ расходы на мясо не указаны. Дѣти одной знакомой дамы получаютъ пироги на полобла и, кромѣ того, ячневую кашу на ту же сумму. Покупаются также и игрушки, но подробнаго описанія ихъ не имѣется. Ко дню рожденія знакомымъ семьямъ дарятъ цвѣточные гирлянды въ 2 обота. Въ случаѣ же смерти приходилось затрачивать до одной драхмы на мирру и бальзамъ, который приносили, вѣроятно, въ домъ покойника. Ремесленники работали часто въ домѣ, и тогда ихъ нужно было кормить. Плащъ изъ собственной пряжи стоитъ 1 драхму 2 обота, паяніе лампы — $2\frac{1}{2}$ обота, починка кафтана раба — $1\frac{1}{2}$ обота. Въ общемъ, слѣдовательно, жизнь обходилась въ то время дешево, хотя цѣнность денегъ была совершенно другая (по У. ф. Вилламовицу-Меллендорфу).

Другія записи расходовъ, — весьма многочисленныя, такъ какъ для нихъ употребляли оборотныя стороны всевозможныхъ дѣловыхъ бумагъ, — раскрываютъ передъ нами образъ жизни въ другихъ домахъ. Счета ремесленниковъ и всякаго рода росписки имѣются въ громадномъ количествѣ. Мы

можемъ заглянуть и въ помѣщенія союзовъ или клубовъ, такъ называемыя *δειπυτήρια*. На столѣ лежитъ еще счетъ послѣдней пирушки: „Обѣдъ въ честь Калатита. Одинъ гексахъ вина—2.000 драхмъ, шесть обѣдовъ съ хлѣбомъ—190 драхмъ, всего 2.190 драхмъ. Было 22 лица, изъ нихъ 18 членовъ и четверо гостей, именно Т . . . , сынъ Нуменія, Каметь, сынъ Гарфаесія, Тей, сынъ Петехонта, Папнебтинидъ, сынъ Сокеія, всего 22 лица по 100 драхмъ, итого 2.200 драхмъ“. На слѣдующей вечерней пирушкѣ также собрались 18 членовъ и 5 гостей и выпили столько же вина, потребовалось, кромѣ того, еще на 120 драхмъ вѣнковъ.

Вообще въ Оксиридахъ весьма любили веселое общество. Доказательствомъ служить масса пригласительныхъ билетовъ. „Просить тебя Антоній, сынъ Птолемайя, откушать у него за праздничнымъ столомъ Сераписа въ Серапейонѣ завтра, 15-го, въ 9-мъ часу“. Или: „Діонисій просить на обѣдъ, по случаю бракосочетанія его дѣтей, въ домѣ Исхиріона завтра, 30-го, въ 9-мъ часу“. Итакъ, въ Оксиридахъ обѣдали уже около 3-хъ часовъ пополудни. Имя приглашеннаго всегда отсутствуетъ, такъ какъ билеты изготовлялись въ большомъ количествѣ, и достаточно было проставить адресъ на оборотной сторонѣ. Особенно любезна слѣдующая форма приглашенія: „Лучшій привѣтъ, уважаемая Серенія, отъ Петосейриды! Приложи же всѣ свои старанія, милая Серенія, и соберись къ намъ 20-го, въ день рожденія бога (Сераписа), и напиши, пріѣдешь ли ты въ лодкѣ или на ослѣ, чтобы выслать тебѣ то, что ты предпочитаешь. Но прошу, не забудь, пожалуйста, объ этомъ! Будь вѣчно счастлива!“

Нѣсколько суше написаны дѣловыя письма изъ повседневной жизни оксиридянъ, которыми они обмѣнивались со своими знакомыми изъ окрестныхъ деревень. Такъ, нѣкто Корболонъ пишетъ нѣкому Гераклиду (II вѣкъ до Р. Хр.):

„Посылаю тебѣ съ Ориономъ ключъ, а съ погонщикомъ верблюдовъ Оннофра, Аполлоніемъ, щитъ черепахи. Къ письму прилагаю также образчикъ фіолетовой матеріи, купи мнѣ, пожалуйста

ста, такой на 2 драхмы и пришли мнѣ скорѣе матерію съ первой оказіей, такъ какъ мнѣ нужно немедленно сдѣлать себѣ хитонъ. Послѣднее посланіе черезъ Оннофра я получилъ. Черезъ него посылаю я тебѣ шесть мѣръ хорошихъ яблокъ. Не думай, что я забылъ о ключѣ, но причиной промедленія было то, что слесарь живетъ очень далеко отъ насъ. Я удивленъ, что ты еще не прислалъ мнѣ вещей, которыя я заказалъ тебѣ черезъ Корболона, онѣ вѣдь нужны мнѣ къ празднику. Купи для меня также серебряную печать и пришли мнѣ скорѣе. И пусть Оннофръ закупить для меня, что ему поручила мать Ирины! Я сказалъ ему также, что Синтрофъ предостерегалъ меня отпустить еще что-либо за мой счетъ Амаранту. Сообщи же мнѣ, сколько онѣ ему далъ, чтобы я могъ съ нимъ разсчитаться. Иначе мой сынъ и я должны за это поплатиться. Корболонъ привезъ мнѣ также большіе сыры. Но я вѣдь хотѣлъ вовсе не большихъ, а маленькихъ сыровъ! Если тебѣ что-нибудь здѣсь нужно, я охотно позабочусь объ этомъ. Прощай. Перваго Паини. Да, пришли мнѣ еще на одинъ оболъ медовыхъ пряниковъ для моего племянника“.

Итакъ, это—настоящій заказъ! Съ этой запиской аналогично письмо одной дамы, Ирины, къ Таоннофру и Филону, которымъ она посылаетъ въ городъ нѣсколько мѣръ финиковъ и 25 гранатовыхъ яблокъ въ мѣшкѣ и взаменъ этого проситъ прислать ей на 2 драхмы слабительнаго, которое ей крайне необходимо. Говорится еще также о ящикѣ винограда и ящичкѣ отборныхъ финиковъ за печатью. Еще одинъ письменный заказъ, относящійся къ первому вѣку до Р. Хр., мы имѣемъ въ письмѣ Пасіона къ отцу, въ которомъ говорится: „Купи мнѣ, пожалуйста, десять листовъ бумаги, пятнадцать ручекъ, на восемь статеровъ чернилъ, на пять статеровъ воску, большой кошелекъ за одинъ статеръ, мѣшокъ для корма и т. д.“.

Поучительно также познакомиться съ личными дѣлами Эвной, которая проситъ свою пріятельницу выкупить ея гардеробъ изъ ссудной кассы Серапіона. Вещи заложены у него за двѣ мины, за что она должна ежемѣсячно уплачивать четыре процента. Деньги Эвной получила, повидимому, отъ своей госпожи Θεагениды. Рѣчь идетъ объ очень приличномъ гардеробѣ. Его составляютъ два далматика, одинъ цвѣта еиміама, т.-е. желто-коричневый, другой—фіолетовый, затѣмъ хитонъ, бѣлый съ каймой настоя-

щаго пурпура, платокъ съ лаконской каймой, кусокъ полотна съ пурпуромъ, два браслета, ожерелье, Афродита (бездѣлушка) и пара сосудовъ, изъ нихъ одинъ оловянный. Наконецъ, самое драгоцѣнное украшеніе Эвной, пара браслетовъ, обвертывающихся восемь разъ вокругъ руки, раньше уже заложенныхъ у Онетора; ихъ также должна выкупить пріятельница, а если на это не хватитъ денегъ, то продать оба другихъ браслета.

Изъ маленькаго города другіе документы уводятъ насъ въ деревенскіе дома и дворы, и мы можемъ взглянуть на сельскохозяйственную промышленность, особенно благодаря дѣловымъ письмамъ одного стараго ветерана, Л. Белліена Гемелла, который, какъ зажиточный владѣлецъ оливковыхъ рощъ, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ пяти деревняхъ Файюма хутора и до глубокой старости, 77 лѣтъ, неутомимо входилъ во всѣ детали своего обширнаго сельскаго хозяйства и давалъ наставленіе своимъ сыновьямъ Сабину и Гарпократіону. Это былъ энергичный, бережливый, старый хозяинъ, аккуратная бухгалтерія котораго даетъ намъ свѣдѣнія о многочисленныхъ вольныхъ рабочихъ, мужчинахъ, юношахъ и дѣвушкахъ, которые, напримѣръ, работали у него при сборѣ оливокъ въ январѣ 103 года. Имѣется также и контрактъ о наемной платѣ, который онъ обычно заключалъ со своими работницами. Одна получаетъ 16 драхмъ задатка и обычную въ этой мѣстности поденную плату, которая не указывается въ контрактѣ, и должна работать при давяльномъ прессѣ. Письма Гемелла ясно указываютъ, какъ онъ аккуратно контролировалъ надсмотрщиковъ своихъ различныхъ хуторовъ; такъ, одному изъ нихъ, Эпагату, онъ пишетъ:

„Теперь пора тебѣ провести воду изъ оросительныхъ каналовъ на оливковыя плантаціи и взрыхлить землю плугомъ и мотыкой, а также вспахать и вскопать паръ. Держи также въ строгости погонщика ословъ, чтобы онъ каждый день исполнялъ свою работу.— До сихъ поръ ты еще не покончилъ съ уборкой поля около Апія, а забылъ про это и только половину его сжалъ! Обращай же вниманіе на Зоила и не смотри на него косо. До сихъ поръ ты не окончилъ съ уборкой поля, за это я тебѣ дѣлаю строгій выговоръ. Посмотри, окопаны ли оливковыя посадки около Діонисія,

если нѣтъ, позаботься объ этомъ въ ближайшіе два дня, потому что это нужно сдѣлать теперь.— —“

Въ другой разъ онъ снова дѣлаетъ ему рѣзкій выговоръ:

„Я рѣшительно упрекаю тебя за то, что ты далъ погибнуть двумъ пороссятамъ вслѣдствіе переутомленія отъ длиннаго пути, а вѣдь ты могъ запрячь десять животныхъ, чтобы доставить ихъ въ телбгъ. На Гераклида, погонщика ословъ, вина не падаетъ, такъ какъ ты, по его словамъ, приказалъ ему, чтобы поросята бѣжали всю дорогу. Я приказалъ тебѣ также оставаться два дня въ Діонисіи и купить 20 артабъ лотоса. Тамъ можно получить лотосъ, какъ говорятъ, по 18 драхмъ. Во всякомъ случаѣ купи его за какую угодно цѣну, это главное. И затѣмъ не забудь пустить, какъ слѣдуетъ, воду на оливковыя плантаціи и оросить всѣ ряды деревьевъ у Пророга, и притомъ точно слѣдуя моимъ указаніямъ. Прощай“.

Письма стараго хозяина къ его сыну Сабину также большей частью касаются подробностей сельскаго хозяйства. То Сабину дается приказаніе послать полевого сторожа Пиндара въ городъ, потому что тотъ долженъ высказать свое мнѣніе объ одномъ старомъ оливковомъ деревѣ и цѣлесообразномъ уходѣ за нимъ. То отецъ не можетъ найти квитанціи о послѣдней поставкѣ угля, и поэтому сынъ долженъ прислать ключъ отъ письменнаго стола и точно указать, гдѣ лежитъ квитанція. То нужно отослать утварь въ городъ, и старикъ опредѣленно указываетъ, что слѣдуетъ нагрузить для отправки въ городъ и что для отправки изъ города. Часто однако проявляется и нѣжный отецъ въ такихъ, напримѣръ, замѣчаніяхъ: „и не забудь рыбы къ 24-му или 25-му, ко дню рожденія Гемеллы“, или: „къ 18-му или 19-му пошли въ городъ рыбу къ празднику маленькаго“, или: „купи десять пѣтуховъ на базарѣ и пошли ихъ къ сатурналіямъ, а ко дню рожденію Гемеллы пошли маленькихъ рыбъ и пшеничный хлѣбъ“ (письмо къ Эпагату), или, наконецъ: „купи же двухъ маленькихъ поросятъ на откармливаніе, такъ какъ мы хотимъ принести ихъ въ жертву въ день рожденія Сабина“. Не скупится также Гемелль въ расходахъ на небольшіе подарки помощнику префекта или другимъ вліятельнымъ царскимъ чиновникамъ, съ которыми

ему нужно было поддерживать хорошія отношенія. Разумѣется, такіе подарки состоятъ изъ продуктовъ его имѣній, какъ оливки, рыба и птица; зато онъ не чувствуетъ себя расположеннымъ пускаться на такіе большіе расходы, какъ нѣкій Апеній изъ неизвѣстнаго намъ мѣста той же области, который въ 264 году до Р. Хр. пишетъ нѣкому Асклепиаду:

„Какъ ты писалъ, мы сдѣлали слѣдующія приготовленія для пріема Хрисиппа (высокопоставленнаго чиновника, нѣчто въ родѣ главнаго правителя провинціи): мы купили десять животныхъ съ бѣлыми лбами, кромѣ того, пять домашнихъ гусей и пятьдесятъ штукъ мелкой птицы, далѣе въ качествѣ провіанта на дорогу 50 гусей, 200 птицъ, 100 голубей. Мы наняли 5 верховыхъ ословъ и 40 вьючныхъ животныхъ; теперь мы заняты исправленіемъ дорогъ. Прощай“.

Какъ умѣли и въ деревнѣ пользоваться жизнью и задавать праздники съ городской утонченностью, объ этомъ потѣшно рассказываютъ другія деревенскія письма изъ Файюма. Такъ, честный деревенскій староста изъ Бакхіи, Аврелій Асклепиадъ, пишетъ начальнику художественнаго института въ Арсиноѣ, Аврелію Θεону:

„Я хотѣлъ бы получить отъ тебя танцовщицу Т... саиду еще съ какой-либо танцовщицей для танцевъ въ нашей деревнѣ на нѣсколько дней, начиная отъ 13-го Фаофи. Въ вознагражденіе онѣ получаютъ 36 драхмъ за день и на содержаніе за все время 3 артабы пшеницы и 15 паръ хлѣбовъ и для поѣздки въ оба конца 3 ословъ“.

А другой деревенскій староста заключаетъ съ двумя пантомимистами изъ Гермуполя формальный контрактъ и приглашаетъ ихъ со всѣмъ ихъ обществомъ музыкантовъ и мимовъ на деревенскій праздникъ. Въ городскомъ бюджетѣ Оксиринха также встрѣчаются весьма значительныя статьи расходовъ на танцовщиковъ, музыкантовъ, актеровъ. Такъ, во второмъ вѣкѣ по Р. Хр., согласно счету отъ 23-го Мехеира, заплачено 496 драхмъ актеру, 448 драхмъ рапсоде, читавшему изъ Гомера, и другія значительныя суммы за необходимую музыку и за танцовщика. Частныя лица также приглашали на семейныя

праздники танцовщицъ съ кастаньетами и вообще музыку для развлеченія. Понятно, что вся деревня тогда сбѣгалась къ дому, гдѣ происходилъ праздникъ, при чемъ иногда не обходилось и безъ серьезныхъ несчастныхъ случаевъ. Объ одномъ такомъ случаѣ сообщаетъ прошеніе Леонида изъ Сенепты въ 182 году по Р. Хр. Онъ пишетъ:

„Вчера въ шесть часовъ вечера былъ праздникъ въ Сенептѣ, и у дома моего зятя Плутіона плясали, по обычаю, танцовщицы съ кастаньетами. Тутъ рабъ его Эпафродейтъ, около 8-ми лѣтъ отъ роду, захотѣлъ лучше видѣть танцовщицъ и такъ высунулся изъ спальни верхняго этажа, что упалъ внизъ и разбился на смерть“.

Помощникъ начальника округа сдѣлалъ обычныя при несчастныхъ случаяхъ распоряженія, а именно, объ осмотрѣ трупа окружнымъ врачомъ для установленія причины смерти. Сохранились также и другіе официальные рапорты окружнаго врача объ осмотрѣ трупа повѣсившагося или о пораненіяхъ молодой дѣвушки, причиненныхъ обвалившимся домомъ.

Наконецъ, документы даютъ возможность ознакомиться съ жизнью и деревенской семьи со всѣми переменами въ ея судьбѣ. Такъ, въ деревнѣ Немерѣ живетъ со своимъ мужемъ Апія, дочь Горіона, изъ деревни Бареники въ самомъ отдаленномъ округѣ Арсиной. У нихъ небольшое имѣніе въ сѣверной части деревни и красивый домъ съ верхнимъ этажомъ. Тестю Горіону, однажды посѣтившему ихъ, такъ понравилось въ Немерѣ, что онъ рѣшилъ остаться тамъ и снялъ у своихъ дѣтей три комнаты, экседру, нѣчто въ родѣ веранды, внизу и жилую комнату и спальню въ верхнемъ этажѣ. Но вотъ въ 179 году по Р. Хр. старикъ опасно заболѣлъ; тогда любвеобильная дочь доводитъ въ прошеніи до свѣдѣнія властей, что въ случаѣ его смерти она по коммерческимъ соображеніямъ не желаетъ вступить въ наслѣдство, а потому уже заранѣе хочетъ снять съ своей шеи всѣ хлопоты, связанныя съ похоронами и уплатой наслѣдственныхъ пошлинъ.

Въ сосѣднемъ, вѣроятно, домѣ сынъ взятъ былъ въ солдаты, мать страстно ждала писемъ отъ него и сильно беспокоилась о его здоровьѣ. Быть можетъ, слѣдующее солдатское письмо доставило ей маленькое разочарованіе:

„Моей горячо любимой матери тысячу привѣтовъ. Прежде всего желаю тебѣ всего хорошаго, тебѣ и всѣмъ дорогимъ домашнимъ. Не могла ли бы ты по полученіи этого письма послать мнѣ 200 драхмъ? Когда у меня недавно былъ братъ Гемелль, у меня было лишь 20 статеровъ, а теперь у меня нѣтъ уже ни одного. Вѣдь мнѣ пришлось взять экипажъ съ муломъ, и на это я израсходовалъ всѣ свои деньги. Я пишу тебѣ объ этомъ, чтобы ты знала, куда дѣвались мои деньги. Пришли мнѣ также плащъ, капюшонъ, пару гамашъ, пару кожаныхъ брюкъ, немного масла и умывальный тазъ (?), который ты мнѣ обѣщала, и подушки. А затѣмъ, дорогая мать, вышли мнѣ возможно скорѣе мою мѣсячную прибавку. Знаешь, тогда, когда я тебя навѣстилъ, ты сказала: „Прежде, чѣмъ ты вернешься въ лагерь, я пришлю тебѣ одного изъ твоихъ братьевъ“. А ты мнѣ ничего не прислала. Ты меня оставила безъ гроша. Ты не подумала, что у меня, быть можетъ, нѣтъ денегъ. Ты бросила меня, какъ собаку. Затѣмъ меня навѣстилъ отецъ и не далъ мнѣ ни обола, ни капюшона, ни чего-либо другого. И всѣ товарищи смѣются надо мной: „Его отецъ солдатъ и не далъ ему ничего, но обѣщаль ему, что, вернувшись домой, онъ пошлетъ ему все, чего только онъ ни пожелаетъ“. И вотъ вы мнѣ рѣшительно ничего не прислали. Почему? Мать Валерія,—та прислала ему пару поясовъ, кувшинъ масла, корзину мяса и — — 200 драхмъ! Итакъ, молю тебя еще разъ, милая мать, пришли мнѣ, что я просилъ, и не оставь меня въ этомъ положеніи — — —“.

И, какъ контрастъ этому, письмо моряка, рисующее въ гораздо болѣе выгодномъ видѣ характеръ молодого матроса:

„Апіонъ шлетъ своему отцу и господину, Эпимаху, тысячу сердечныхъ привѣтовъ. Прежде всего желаю, чтобы ты былъ здоровъ и счастливъ, и ты, милая сестра, и ея дочь, и мой милый братъ. Благодарю бога Сераписа, который милостиво спасъ меня отъ опасностей морского пути. По прибытіи моемъ въ Мисенумъ я получилъ прогонныхъ денегъ отъ императора три золотыхъ монеты. Я чувствую себя хорошо. Прошу тебя, отецъ-государь, написать мнѣ нѣсколько словъ, во-первыхъ, чтобы я зналъ, какъ ты себя чувствуешь, во-вторыхъ, какъ чувствуютъ себя братъ и сестра, въ-третьихъ, чтобы я могъ почтить твою дорогую руку въ благодарность за то, что ты такъ хорошо обучилъ меня, а это

какъ я надѣюсь, скоро съ помощью боговъ доставить мнѣ повышение по службѣ. Обнимаю крѣпко Капитона, брата и сестру, Серениллу и моихъ друзей. Мое военное имя—Антоній Максимъ. Желая тебѣ добраго здоровья. Мой капитанъ зовется Аеенодикъ“.

Вѣроятно, онъ сильно тосковалъ по Египту, этотъ бра-
вый рекрутъ Антоній Максимъ!

Остается упомянуть еще одну, и какъ разъ наиболѣе важную, сторону находокъ папирусовъ. Не только городъ Оксиринхъ и частная жизнь его обитателей вѣрно отражаются въ документахъ,—последніе даютъ также досто-
вѣрное представленіе объ уровнѣ образованности маленькаго провинціальнаго городка. Городъ, вѣроятно, былъ оставленъ жителями въ третьемъ вѣкѣ, и такимъ образомъ и книги, принадлежавшія этимъ людямъ, остались спокойно лежать и показываютъ намъ, что можно было найти для чтенія въ частныхъ библіотекахъ Египта. Среди нихъ имѣются хорошо сохранившіяся древнія книги, какъ исторія метрики, которая, по предположенію У. фонъ Вилламовицъ-Меллендорфа, принадлежала школьному учителю въ Оксиринхѣ. Дѣйствительно, на бѣлой оборотной сторонѣ онъ переписалъ записки съ разъясненіями къ 21-ой книгѣ Иліады и, несомнѣнно, пользовался „собраннымъ сокровищемъ чужой университетской мудрости“, чтобы импонировать молодежи Оксиринха. Интересно также видѣть, что романъ Харитона, писца у адвоката въ Афродитіи, который написалъ во второмъ вѣкѣ исторію любви Херея и Каллирои, вѣроятно, еще при жизни автора проникъ даже въ деревни Файюма. Вообще же въ Оксиринхѣ читали главнымъ образомъ классиковъ. Тутъ перемѣшаны безъ всякаго разбора листы или цѣлыя тетради изданій Гомера, Гесіода, Пиндара, Сафо, Алкмана, Платона, Аристотеля, Фукидида, Геродота, Кратина, Аристофана, Эврипида, Софокла, Демос-
еена, Эсхина, Исократы, Менандра, Софрона, Ксенофонта, Теофраста, Теокрита, Аполлонія Родосскаго и цѣнныя извлеченія изъ Ливія, помимо многочисленныхъ отрывковъ изъ христіанскихъ писателей. Всѣ эти листы даютъ возможность внести поправки въ текстъ и даютъ много

новыхъ отрывковъ изъ произведеній не дошедшихъ до насъ писателей. Самое же большое приобрѣтеніе то, что они даютъ намъ живое и достовѣрное представленіе о характерѣ книгъ и сочиненій, а равно и о классическихкихъ текстахъ, какъ ихъ читали спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Платона и Аристотеля или въ римскую императорскую эпоху. Не слѣдуетъ также недооцѣнивать и того обстоятельства, что многіе изъ этихъ текстовъ вводятъ насъ въ классныя комнаты египетскихъ провинціальныхъ городовъ и деревень, что мы можемъ заглядывать черезъ плечо школьниковъ въ ихъ доски для письма, что мы можемъ читать ихъ назидательные диктанты и сочиненія, которые иногда клались дѣтямъ въ ихъ раннюю могилу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Введеніе. Архивы древняго міра	1
II. Фера	20
III. Пергамъ	36
IV. Пріена	54
V. Милетъ	71
VI. Храмъ Аполлона Дидимскаго	90
VII. Греческіе города въ Египтѣ	106

Во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія
книгоиздательства „КОСМОСЪ“.

..... **МЕДИЦИНСКІЯ КНИГИ:**

Kiszkalt.

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ БАКТЕРІОЛОГІИ.

Переводъ подъ редакціей проф. В. И. Кедровскаго. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Г. Шлезингеръ.

СПУТНИКЪ ВРАЧА.

Пер. съ 2-го изд. подъ ред. д-ра В. Я. Канеля. Съ предисл. В. Д. Шервинскаго. Ц. 1 р. 40 к.

Проф. Silex.

Краткій учебникъ глазныхъ болѣзней для врачей и студентовъ.

Пер. подъ ред. проф. Моск. Высшихъ Женскихъ Курсовъ д-ра М. И. Авербаха. Цѣна 2 р.

Р. Биркгейзеръ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ по ГЛАЗНЫМЪ БОЛѢЗНЯМЪ.

Пер. подъ ред. проф. Моск. Высш. Женскихъ Курсовъ д-ра М. И. Авербаха. Цѣна 1 руб.

Эккертъ.

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ ДѢТСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

Переводъ подъ редакціей А. А. Киселя. Цѣна 1 руб.

Вольфъ.

ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫЯ БОЛѢЗНИ.

Переводъ подъ редакціей В. Е. Предтеченскаго. Цѣна 1 руб. 10 коп.

Каупе.

ГРУДНОЙ РЕБЕНОКЪ, ВСКАРМЛИВАНІЕ и УХОДЪ за НИМЪ.

Пер. подъ ред. д-ра В. Я. Канеля. Съ предисловіемъ д-ра А. И. Филиппова. Цѣна 90 коп.

Проф. Рубнеръ, Максъ.

ПИТАНІЕ И ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ.

Переводъ подъ ред. д-ра В. Я. Канеля. Цѣна 90 коп.

Проф. Э. Гирке.

КРАТКІЙ КУРСЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ.

Переводъ подъ редакціей прив.-доц. А. И. Абрикосова. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Дежеринъ и Гоклеръ.

Функциональныя проявленія психоневрозовъ, ихъ лѣченіе психотерапіей.

Переводъ проф. Вл. Сербскаго. Цѣна 3 руб. 75 коп.

П. Жане.

НЕВРОЗЫ.

Перев. подъ ред. проф. Л. С. Минора. Книга извѣсти. психолога П. Жане написана общедоступно и предназначена для интересующихся душевной жизнью человѣка. Ц. 2 р. 50 к.

Шустеръ.

Наша нервная система и ея разрушители въ обыденной жизни.

Переводъ подъ редакціей прив.-доц. Л. С. Минора. Цѣна 90 коп.

Проф. М. Шоттелиусъ.

БАКТЕРІИ, ЗАРАЗН. БОЛѢЗНИ и БОРЬБА СЪ НИМИ.

Переводъ подъ ред. А. И. Абрикосова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ и СКОРО ВЫЙДЕТЬ:

W. H. и W. L. Bragg, „Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ“.

„КОСМОСЪ“.

Цѣна 1 руб. 40 коп.

Контора Издательства „КОСМОСЪ“:
Москва, Моховая, при книжн. магазинѣ
т-ва Н. П. Карбасникова.